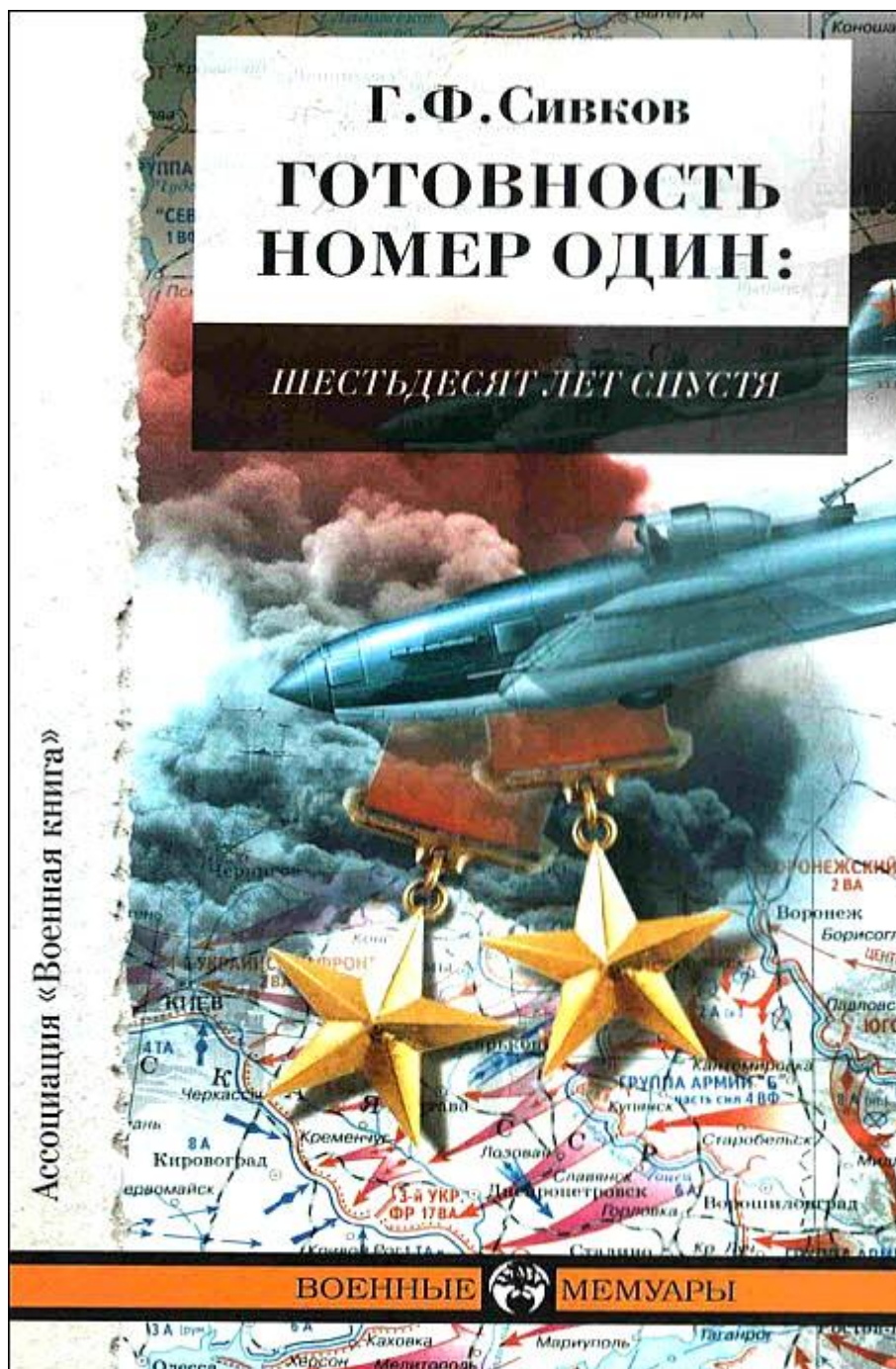

Григорий Флегонтович Сивков
Готовность номер один

«Готовность номер один»: Жуковский, Кучково поле; 2006
ISBN 5-86090-197-6

Аннотация

Аннотация издательства: Автор книги - дважды Герой Советского Союза Григорий Флегонтович Сивков, в прошлом фронтовой лётчик, ныне кандидат технических наук. Книга представляет собой воспоминания автора о своей жизни. Центральные места занимают главы, посвященные войне, боевому пути 210-го штурмового Севастопольского

авиаполка, прошедшего от Кавказа до Вены. Тепло и сердечно рассказывает Сивков о своих друзьях-лётчиках, штурманах, мотористах, девушках-оружейницах; о героических лётчицах соседнего женского авиационного полка; о своих любимых командирах и политработниках. В послевоенные годы автор учится и работает в Военно-воздушной инженерной академии им. Жуковского. Мы знакомимся с конструкторами и учеными - С. В. Ильюшиным, В. С. Пышиновым, В. Ф. Болховитновым, с лётчиками-испытателями - В. Ильюшиным, Г. Баевским, И. Емельяновым, С. Микояном и другими, а также с интересными научными проблемами.

Биографическая справка: СИВКОВ Григорий Флегонтович, родился 10. 02. 1921 года в деревне Мартыново ныне Кунгурского района Пермской области. Русский. Член КПСС с 1943 года. Окончил авиационный техникум. В Советской Армии с 1939. Окончил военно-авиационную школу в 1940 году. На фронтах Великой Отечественной войны с декабря 1941. Командир эскадрильи 210-го штурмового авиационного полка (230-я штурмовая авиадивизия, 4-я воздушная армия, Северо-Кавказский фронт) старший лейтенант Сивков к сентябрю 1943 года совершил 132 боевых вылета на штурмовку вражеских объектов, нанеся противнику большой урон в живой силе и технике. Звание Героя Советского Союза присвоено 4. 02. 1944 года. Штурман того же полка (136-я штурмовая авиадивизия, 10-й штурмовой авиакорпус, 17-я воздушная армия, 3-й Украинский фронт) капитан Сивков к марту 1945 года совершил 181 боевой вылет. Награжден второй золотой медалью "Золотая Звезда" 18. 8. 1945 года. После войны - лётчик-испытатель. В 1952 году окончил Военно-воздушную инженерную академию. С 1972 года начальник кафедры Военно-воздушной инженерной академии. Генерал-майор (1975). Награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, 3 орденами Красного Знамени, Александра Невского, 2 орденами Отечественной войны 1 степени, орденом Красной Звезды, медалями, иностранными орденами. Бронзовый бюст установлен на родине. ("Герои Советского Союза", краткий биографический словарь, том 2, стр. 452. Воениздат. 1988.)

Сивков Григорий Флегонтович **Готовность номер один** **Литературная запись М. И. Родионова.**

*Моим боевым друзьям,
отдавшим жизнь за Советскую Родину,
посвящается эта книга*

В родном имени

На дворе по-уральски трескучий мороз.

После ужина взрослые, как и всегда в долгие зимние вечера, заняты каждый своим делом. Тятя - так мы, дети, уважительно и с любовью называли в семье отца - катает валенки и рассказывает всякие поучительные случаи из своей жизни. Мать прядет. Сестры - Елизавета, Клавдия и Лидия - тоже сидят за прялками. Мы с братом Евгением помогаем тятю. Младший брат Виталик, кулачками потирая осоловевшие глаза, притаился у печи.

Скучно светит подвешенная на крюк у потолка семилинейная керосиновая лампа с экономно пригашенным фитилем.

На чисто вымытом полу расстелен холст. На нем высятся пышные кучки черно-серой овечьей шерсти летней стрижки, щедро посыпанные овсяной мукой.

В жарко натопленной избе густо пахнет сухой шерстью, битой на самодельной шерстобойке. Где-то над печью домовито трещит сверчок.

Тятя взбивает кучки шерсти, перекладывает их на стол и катает "закаткой" войлок для

валенок или, как говорят в наших местах, "катанок". Вот он развернул войлок, поглядел на свет и опять двигает закаткой, продолжает прерванный рассказ. Мы соседские ребяташки, которые пришли на посиделки, притихли, ловим каждое его слово. Говорит тятя неторопливо, с остановками и раздумчиво, словно заново переживая событие, о котором ведет речь. Он только что закончил рассказ о том, как конфисковывали излишки хлеба у кулаков. Задумался, потом без всякого перехода вдруг сказал:

- Что творится на белом свете, а? Немец-то точно ошалел.

Мы пока ещё ничего не понимаем, но с интересом слушаем. Тятя продолжает:

- Вишь ты, чужие земли ему понадобились... Так, чего доброго, и до нас черед может дойти...

Тятя какое-то время молча шуршит "закаткой" по столу.

- Да а, дела... - говорит он, окидывая взглядом моих сверстников. - Вишь, как разошелся фашист! Остановить надо. Вам это предстоит... Боле некому...

- Дядя Флегонт, а кто такой фашист? - спрашивает соседская девчонка и стыдливо прячется за спину брата Евгения. Тот цыкает на неё, толкая локтем в бок:

- Помолчи, чего пристала? В школе что ли спросить не можешь?

- Фашист - это человек такой, - говорит тятя, будто не замечая колкости Евгения. - Вишь, на земле своей ему тесно стало, так он чужие оттяпывает. Как вор, берет там, где плохо лежит...

Мы с любопытством слушаем. А тятя продолжает:

- Зарвался фашист. Остановить надо... Да, кроме нас, навряд ли кто сумеет... Соседство у него больно хлипкое...

За окном раздается раскатистый, гулкий, похожий на пушечный выстрел, удар. От неожиданности вздрагиваем и вопросительно глядим на тятю.

- Лед на пруду треснул, - поясняет он, откладывая в сторону "закатку". Время, однако. Пора спать. Утром вставать рано...

Соседские ребята шумно расходятся. Их говор минуту-другую доносится с улицы и потом затихает. Мы с Евгением смотрим, как сестры стелят себе постель на полатах, затем залезаем на печь. Отодвигаем подальше от края сонного Виталика, чтоб нечаянно не свалился на пол. Евгений вскоре тоже посапывает.

Тятя выходит во двор посмотреть овец, подбросить им на ночь корма. Мать, пригасив фитиль лампы, складывает в угол войлок, после какое-то время тихонько гремит ухватом у печи, готовится к раннему завтраку.

А я лежу на печи под впечатлением от тятиних рассказов. Поет сверчок. Мне почему-то вспоминается лето. Ранним утром, когда вся семья в сборе, тятя распределяет дела.

- Пойдете на работу, - говорит он старшим сестрам Клавдии и Лидии. Матери поможете, да и сами трудодни заработаете. А вы перед уходом натаскаете воды, - обращается он к старшим братьям Александру и Ивану. - Ну, а ты поливкой нашего огорода займешься, - отряхает он меня, - и за младшими, Женькой и Виталиком, присмотришь...

Мы слушаемся тятю беспрекословно, хотя он никогда не повышает голоса и его слова не звучат, как приказ. Мы его очень любим и уважаем за сердечность и доброту. Здоровье у него не ахти какое, часто прихварывает. Тяжело раненый вернулся он с первой мировой войны. Отделился от многосемейного, небогатого деда. Досталась ему при дележке только одна телка. Избу с грехом пополам новую построили. Лошади своей не было. Хозяйством обзавелись потом в колхозе, куда вступили наши родители.

Нас в семье восемь детей: три сестры и пять братьев. Жили мы тогда в своем "имении". Это изба с русской печью, полатами, столом и широкими лавками по стенам, а за избой огород. Стояло "имение" в живописном месте на берегу реки, неподалеку от мельницы.

Жили мы трудно. Рано начали работать по дому, и все рано приобщились к крестьянскому труду.

Самым тяжелым и нудным, пожалуй, было таскать воду для полива огорода. С двумя ведрами на коромысле поднимаешься из-под мельницы по отлогому берегу реки.

Передохнуть бы, да самолюбие не позволяет. Впереди идёт брат Иван, он постарше.

- Давай, давай! - подзадоривает он.

А когда на огороде выльем ковшом воду на грядки, Иван скажет:

- Ну, вот теперь отдохнем малость, - и мы наперегонки бежим уже к речке.

Старшие дети умели делать всё, а на них глядя привыкали и младшие, хотя их работать и не заставляли. Бывало, поливаешь в огороде огурцы, а рядом младший брат Виталик не отстает ни на шаг и, улучив минуту, говорит:

- Дай я! - а сам смотрит просительно и цепко держит дужку ведра.

- Постой, отпусти! Смотри как это делается.

- Я умею...

- Смотри, смотри!

Покажешь ему как поливать. Точь-в-точь повторишь тоже самое, что тебе когда ты был маленьким, показал брат Иван. А он в свою очередь научился от брата Александра...

Работе мы отдавали время, да находили и потехе час. Знакома нам была охота с ружьем в уральском лесу и детские забавы и шалости. Играли мы со сверстниками в казаки-разбойники. Взирались на трехметровые "водяные" колеса мельницы, когда та останавливалась на ремонт. Летом до озноба плескались в реке, а зимой катались с горок на самодельных лыжах и досках-ледянках.

Как ни трудно было нашим родителям, все мы, однако, учились в школе.

Старшие братья и сестры окончили начальную школу, доучивались уже потом, когда стали работать.

Так же, как и первые навыки в труде, узнал я от братьев азбуку, научился читать и писать задолго до школы.

В деревне, где жила наша семья, была начальная школа. В одной классной комнате размешалось по два класса. По одну сторону сидели, например, ученики третьего класса, по другую - четвертого.

Однажды сижу на стороне третьеклассников, задание учителя выполнил и слушаю, как он объясняет урок четвероклассникам. Прозвенел звонок. Третьеклассников отпустили домой. Я остался в классе подождать сестер.

После перемены Константин Георгиевич - так звали моего первого учителя предложил четвероклассникам задачу на проценты и стал вызывать к доске. Одного вызвал - не знает, другого - тоже... Тогда он обратился к ребятам:

- Кто знает?

Ребята молчали. Я поднял руку.

- Ты? - удивился учитель. - А ну-ка, иди сюда...

Я красный как рак, от смущения и неожиданной для самого себя дерзкой решительности, вышел к доске.

Решать задачку Константин Георгиевич мне не дал, видимо, из-за недостатка времени, а спросил только ход решения и, выслушав, как всегда чуточку наклонив голову набок, сказал:

- Молодец! Пересаживайся сюда... - он указал на парты, где сидели четвероклассники.

Так вот, месяца не проучившись в третьем классе, попал я сразу в четвертый класс. Окончил его с похвальной грамотой.

В летние каникулы помогал родителям дома по хозяйству. А когда наступила осень, отец сказал:

- К ученью, говорят, ты способен. Дальше надо идти...

- Я согласен, тятя...

Отец - человек сугубо демократичный. Все делать привык без нажима и принуждения. Чаще всего он говорил нам: "Подумай. Решай сам". Побоев в семье никогда не знали. Наивысшей строгости наказанием было, когда раздосадованная и уставшая от забот мать не сдержит себя, да и замахнется (так, для острастки) на кого-нибудь полотенцем и... повесит его на прежнее место. А тятя был противником каких бы то ни было телесных наказаний.

Сядет бывало, возле провинившегося, спокойно, рассудительно разложит по полочкам его ошибки. И так вразумит словом, что сразу и надолго становится стыдно...

- Согласный-то и я, да вот мошна тонка... - рассудительно говорит он. - А Пермь-то она во-она где... Рукой не достанешь, пешком не дойдешь...

Стою, молчу. Старший брат Александр пробовал было в Кунгуре учиться и работать, да не выдержал. Трудно очень. Школу пришлось оставить.

- Ну вот что, чтобы время зазря не терять, пойдешь опять к Константину Георгиевичу. Поговорю я с ним...

Так и пришлось мне прослушать программу четвертого класса второй раз. Правда был я на правах старшего ученика в классе. Константин Георгиевич поручал мне заниматься с ребятами из третьего класса. В шутку меня прозвали "вольноопределяющимся"...

Школа колхозной молодёжи

Летом опять помогал родителям. Они к тому времени уже были в колхозе. А к осени в селе Кыласово открылась школа колхозной молодёжи. Туда я и поступил.

В то время проводилась политехнизация школ. Эта школа специализировалась по сельскому хозяйству. Наряду с общеобразовательными предметами мы изучали агротехнику, трактор и другие сельскохозяйственные машины. Потом формы политехнизации изменились, и школу назвали неполной средней.

Размещались мы в общежитии - большой и светлой комнате, с железной печкой посередине. Еду приносил каждый с собой на неделю из дома. У меня в основном это были хлеб, картофель да соленые огурцы. У некоторых ребят, чьи семьи жили лучше, было и сало и мясо.

В общежитии самообслуживание. Сами мы носили воду из речки, пилили и кололи дрова. У каждого имелась своя посуда, своя соль - все хранилось в мешках или деревянных сундучках-чемоданах под кроватями.

Жили мы дружно. Ссорились редко. Все вместе учили уроки, ходили гулять по сибирскому тракту в долгие зимние вечера. Именно здесь впервые мы, деревенские ребята, приобрели навыки коллективизма. Только вот поначалу питались врозь, мешали, очевидно, остатки крестьянской психологии...

Но это продолжалось недолго. Бабушка, готовившая нам пищу, однажды сказала:

- Надоела мне возня с вашими горшками. Давайте все в общий котел или ищите себе другую стряпуху.

Деваться было некуда. Обобществили мы свои "запасы" и стали жить коммуной.

Здесь, в Кыласово, я впервые в жизни увидел настоящие, заводского производства коньки. Научился кататься. А когда в одну из суббот пришел домой, принес с собой коньки, деревенские ребята сгорали от зависти и любопытства. Мы очистили лед на пруду от снега и устроили поочередное катание на диковинных стальных полозьях, прикручивая их к валенкам тут же на снегу и ветру.

Было у нас и другое зимнее развлечение. Через прорубь в пруду днем вбивался кол. За ночь он вмерзал в лед. На кол насаживалось колесо от телеги, к нему прилаживалась большая жердь. Конец жерди обхватывал кто-нибудь из ребят а все остальные гамузом раскручивали колесо. Достигалась огромная скорость. И тогда, оторвавшись от жерди, смельчак летел на коньках "по касательной к окружности", как полагается по законам физики, на многие сотни метров, если ему удавалось удержаться на ногах. Бывало и падали, и набивали синяки. Но все равно такое занятие доставляло нам большое удовольствие. Это было, пожалуй, моим первым примитивным испытанием воли и выдержки.

В школе был великолепный учительский коллектив. Он состоял из людей интеллигентных, отлично знавших свой предмет, влюбленных в свою профессию и одержимых делом народного образования. Несмотря на их строгость и наши шалости, мы с уважением и благоговением относились к своим учителям.

Георгий Николаевич Селивановский преподавал нам биологию и географию. Уроки он вел увлеченно, рассказывал с жаром, подкрепляя свою речь выразительными жестами. Вместе с нами бродил целыми днями по полям и горным отрогам, рассказывая о животных, птицах, травах и деревьях, учил нас понимать и ценить родную природу.

Любовь к физике и математике привила нам Екатерина Фёдоровна Селивановская. Она училась на Высших женских курсах, была широко и всесторонне образована. Вместе с мужем приехала из города на работу в деревенскую школу. Спокойная и требовательная, но очень душевная женщина, с глазами излучающими много тепла, когда ученик правильно решал задачу или давал исчерпывающий ответ на вопрос. Она была довольна, видя, как мы тянемся к знаниям.

Русский язык и литературу преподавала нам Анна Тимофеевна (фамилии её, к сожалению, не помню: выветрилась за долгие годы из памяти), чрезвычайно эмоциональная, любящая и знающая искусство и русскую словесность.

Учителя много и самоотверженно возились с нами, стремились передать свои знания, воспитывали любовь к Родине, наделяли лучшими человеческими качествами, учили правильно осмысливать происходившие классовые события в стране и за рубежом, понимать жизнь и активно участвовать в её переустройстве.

Вечерами с учащимися часто занималась Анна Тимофеевна. Выучив домашнее задание, собирались мы в школе. Разжигали печку, поучнее усаживались на скамьи, поближе к огню.

Свои беседы Анна Тимофеевна начинала с кратких обзоров международных событий, сообщений из центральных газет, которые тогда поступали в школу считанными единицами и мы, конечно, их не читали, - за исключением "Пионерской правды", где, помимо всего прочего, печатались особенно интересовавшие нас научно-фантастические, приключенческие повести и рассказы.

В один из таких вечеров рассказала она нам о бесправном положении трудящихся Германии, бесчинствах фашистов, пришедших к власти в этой стране, об арестах коммунистов, заточении их в тюрьмы и о бесчисленных невиданных по своей жестокости еврейских погромах.

Мы, естественно, тогда совсем не разбирались в политике, многого толком не понимали, но рассказ коммунистки-учительницы оставил неизгладимый след, пробудил первый интерес к политической жизни, породил первые ростки ненависти к несправедливому и уродливому миру капитализма. Для меня её беседы были своего рода первоначальными шагами на пути классовой оценки жизненных событий.

А после краткой, а иногда и затянувшейся беседы Анна Тимофеевна читала нам вслух стихи и прозу Пушкина и Лермонтова (очевидно своих любимых писателей). Мы в это время забывали обо всем на свете и превращались все в слух, сидели смирно, боясь пропустить хотя бы единое слово и наслаждаясь выразительным, будто у чтеца-декламатора, голосом своей учительницы. На всю жизнь запала мне в память начальная строка одной из повестей лермонтовского "Героя нашего времени": "Тамань - самый скверный городишко из всех приморских городов России"... Мог ли я предполагать, что через несколько лет стану лётчиком и судьба забросит меня в эти края, что именно на этом участке земли будут идти кровопролитные бои, что в одном из них мой самолёт подобьют немцы, что моим товарищам по фронту придется с боями освобождать Таманский полуостров от немецко-фашистских захватчиков.

"Вечера у камина" как мы называли между собой эти сборы в школе, были, пожалуй, в зимнее время самым примечательным событием нашей жизни. А вообще-то жизнь небольшого уральского села ничем не отличалась от жизни других деревень России. Жители поздно ложились спать и рано вставали. Электрического света не было. Вечера коротали в работе, при лампах. Размеренную, обыденную жизнь временами оживляли заезжая кинопередвижка да шум моторов изредка пронесившихся по тракту автомашин.

Был, правда, случай, внезапно нарушивший спокойствие. Из Перми прикатили на аэросанях двое мужчин в кожаных шлемах и комбинезонах. В сопровождении вездесущих

мальчишек они вдруг остановились посреди заснеженной улицы. Механик несколько раз пробовал завести мотор, но тщетно. Собралась толпа. Пришли чуть ли не все сельчане. Наконец мотор застрекотал и аэросани с треском и шумом умчались в морозную дымку. Мы с восхищением смотрели им вслед.

Самолёт я увидел впервые, когда ездил в гости к брату Александру в Пермь. Был погожий августовский день, праздник авиации. С ровной площадки взлетел самолёт У-2, таща за собой планер. Самолёт вскоре сел, а планер ещё долго парил в воздухе.

Плотное кольцо людей окружило самолёт. Я протиснулся поближе, потрогал крыло руками. Думал, что самолёт металлический, и разочаровался: это было дерево, обтянутое полотном и выкрашенное серым лаком.

Первое знакомство с самолётом почему-то в моей ребячьей памяти не оставило заметного следа. Поразили меня лишь лётчики, стоявшие возле самолёта. Были они огромного роста, в кожаных регланах, и оттого казались сказочными, словно пришельцы из других миров.

В отличие от моих сверстников первое знакомство с самолётом не пробудило во мне желание стать лётчиком, хотя дух и захватывало от любопытства. Я просто не осмеливался об этом даже мечтать. Считал, что на самолётах летают какие-то необычные, особенные люди, и это для меня совершенно недоступно.

Учеба в школе подходила к концу. Ребята определялись: кто возвращался домой, а кто думал идти дальше учиться.

На выпускном вечере Анна Тимофеевна мне сказала:

- Учиться бы тебе... Способности у тебя есть. Кое-кто из твоих товарищей едет в техникум. Шел бы с ними...

- Я не против. Надо, однако, спросить у тяти...

Авиатехникум

Тятя одобрительно отнесся к моему желанию поступить в техникум.

- Учиться это дело, - сказал он. - Поможем, чем сможем. Однако больше на себя надейся: работник я сам знаешь какой...

Подоспело время. Собрала мне мать котомку с бельем и харчами. Отец выделил на первый случай три рубля денег. И поехал я со своими товарищами искать счастья в Пермь.

Техникум не выбирали. Кто-то из ребят постарше назвал авиационный. Туда и пошли всей, как говорят, капеллой.

Разместили нас в деревянном одноэтажном доме с длинным коридором. Стали мы готовиться к экзаменам. Допоздна засиживались за книжками. Благо, что здесь имелось электрическое освещение и не надо было экономить керосин, как в Кыласово. Сообща разбирали сложные разделы математики и решали возможные варианты задач.

Экзамены сдал на "хорошо". Ну, думаю, теперь все в порядке. Да не тут-то было. Читаю список принятых в техникум, меня почему-то там нет... Обращаюсь за справкой в канцелярию.

- Тебе шестнадцать исполнилось?

- Нет ещё...

- Вот поэтому и не приняли тебя.

Вышел из канцелярии, ничего перед собой не видя, и заплакал от горькой обиды. Навстречу мне идут два человека: один высокий и тонкий, другой маленький и толстый, как колобок.

Позже я узнал, что это были два закадычных друга - преподаватель физики Бабин, второй заведующий учебной частью техникума Озерков.

- Чего реवेशь, словно у Земли украли Солнце? - спрашивает завуч.

Я молчу, душат слезы, потом говорю:

- Не приняли...

- Ай-я-яй! - участливо восклицает высокий мужчина. - Так хорошо отвечал мне по физике, а не приняли... Ты куда смотришь, Кирюха? - обратился он к своему спутнику. - Не порядок это. Или я больше не веду курс физики?

"Колобок" сказал, обращаясь ко мне:

- Приходи завтра с утра, что-нибудь придумаем...

Наутро, в конце заседания педагогического совета, решалась моя судьба, а я, волнуясь, ждал в коридоре своей участи. Наконец дверь распахнулась, и улыбающийся Озерков сказал:

- Ну, брат, повезло тебе: приняли на химическое отделение. Там можно быть и помоложе. Физическая нагрузка поменьше. Но стипендии пока не будет: всю уже распределили.

Обрадованный и взволнованный, я даже не сообразил поблагодарить завуча и побежал в группу к своим ребятам.

Учеба мне давалась легко. Успевал я по всем предметам. Только вот жить было не на что. Поселился я временно у старшего брата Александра на готовый харч. Однако у него жена, ребенок. Заработок небольшой. А тут ещё лишний рот... Месяц, второй живу. Чувствую, трудно ему становиться кормить меня. А аппетит, как назло, как у молодого волка!

- Давай-ка, проси стипендию, - посоветовал мне Александр, - не скромничай, не хуже других учишься.

Подал я заявление. Прошу или дать стипендию или отчислить из техникума. Немогу больше без стипендии учиться.

- Какие у него оценки? - спросили у Озеркова на комиссии по стипендиям.

- Почти все отличные...

- И вот, наконец, я получаю стипендию, целых 60 рублей! Перебираюсь в общежитие. Началась моя самостоятельная жизнь.

Шестьдесят рублей - это и много и мало. Много, потому что впервые в моем распоряжении такие деньги. Мало, потому что выходит по два рубля на день. Их вполне хватает на питание, но только на наш "стандартный" студенческий рацион: килограмм серого хлеба - 1 рубль 10 копеек, да двести грамм сахара - девяносто копеек. А на "приварок" - горячая вода из титана в неограниченном количестве. Жить можно. И мы не унываем. Однако вкусный запах котлет так и манит нас в подвал, где размещалась студенческая столовая. Но эта роскошь была не для всех из нас доступна...

- Сколько же можно сидеть а воде с хлебом?! - возмутился однажды Коля Семериков. - Что мы без рук, подработать не можем?

Посоветовались с более опытными в этой части товарищами со старших курсов. Оказалось, что здесь не было особой проблемы.

- Баржа пришла с дровами!

Тотчас организуется бригада. Пять человек на пристани грузят дрова, другие пять разгружают их во дворе техникума.

За одно воскресенье каждый из нас заработал по 14 рублей. Вот это да! И на борщ, и на котлеты хватит. Ещё и в кино раз-другой сходить можно...

И опять новая идея у Коли Семерикова:

- Что это мы все горбом зарабатываем? Или у нас головы нет на плечах? Кто со мной проводку перетягивать?

И мы после занятий ремонтируем или ставим новую проводку в частных домах на окраине города.

Иногда за неимением другой работы подряжались сбрасывать с крыш снег.

Не чурались мы и другого приработка: исполняли немые роли в Пермском драматическом театре. В "Анне Карениной" имитировали за кулисами шум паровоза. А в одной из пьес (сейчас уже не помню какой) мне пришлось выходить на сцену лакеем с подносом. И за это платили 3 рубля 50 копеек - деньги по тем временам вполне приличные.

Учиться в техникуме было трудно, но интересно и увлекательно. Мы восхищались

любопытнейшими экспериментами Бабина и приключенческими рассказами его коллеги Казанцева, виртуозно игравшего на скрипке. Нас покорила блестящая логика Елизаветы Антоновны Александровны, преподавательницы математики, самой молодой и самой требовательной из всех преподавателей техникума. Как зачарованные сидели мы на занятиях по истории, которые вела Лидия Владиславовна Отарская. Её уроки - поэзия. Слушать мы их готовы были целый день.

После классных занятий ещё нужно было очень много заниматься самостоятельно. Преподавательница математики задавала на дом решать десятки задач. Другие преподаватели тоже помногу задавали. Каждый наставник хотел видеть нас и физиком и математиком, и химиком, и историком. И мы, грешные, сидели за учебниками до полуночи и первое время никак не успевали осилить всего заданного... Трудно было, очень трудно, но мы коллективно преодолевали трудности, тянулись друг за другом, осиливали все же непривычную нагрузку и в большинстве своем успешно закончили первый год учебы.

Наконец наступила пора лабораторных работ. Они были для меня одним из любимых занятий и отдыхом. Какое увлекательное дело открывать для себя неизвестные элементы в пробирках! Химик Афанасий Петрович Уральский, бывало, намешает винегрет различных элементов, а вместе с ними выдаст пробирку с дистиллированной водой. Попробуй разберись! Качественный анализ прелюбопытнейшая штука, а количественный - так уж совсем фантастика!

С трепетом подходишь к плотно прикрытой двери таинственной весовой комнаты. Тихо входишь внутрь. На столах выстроились, словно на параде, блестящие под стеклом аналитические весы. Находиться здесь может не более трёх человек, чтобы не нарушить температурный режим и точность взвешивания. Все ведут себя спокойно, передвигаются тихо, даже разговаривают вполголоса.

Лабораторией заведовал "главный химик техникума" Тихонравов, ученик Дмитрия Ивановича Менделеева. В техникуме он был также знаменит, как его учитель Менделеев на Руси. Это был глубокий старик с шаркающей походкой, всегда спокойный и молчаливый, великолепно знавший предмет и очень требовательный к себе и учащимся.

Лаборатория богато оборудована. Здесь имелось много разных приборов и редких реактивов. Лаборатория оснащалась на личные средства Тихонравова. Он собственноручно выдавал преподавателям дефицитные реактивы, ровно столько, сколько нужно было для лабораторной работы или демонстрации опыта.

Свою долгую жизнь Тихонравов посвятил химии. Он был добрым человеком, но при опросе от него не было пощады. У него не было любимчиков. Ко всем он относился ровно и очень требовательно. Мы, конечно, здорово его побаивались и всегда с особым усердием готовились к урокам по химии.

Наш химик большую часть своего времени находился в лаборатории. Помимо химии он до самозабвения любил музыку. Часто по воскресеньям он устраивал для нас своеобразные концерты классической музыки. В лаборатории имелся старинный граммофон с деревянными иглками, чтобы не допустить искажения звука и не испортить уникальные пластинки.

Нередко нас приглашали слушать Чайковского, Баха, Бетховена. Были дни, когда мы познакомились с русскими романсами в исполнении замечательного певца Собинова.

Сам хозяин лаборатории обычно садился в свое рабочее кресло, закрывал глаза и, не шелохнувшись, слушал музыку. Изредка он, словно очнувшись от забытья, негромко восклицал:

- Это, скажу я вам, превосходно!
- Что может быть лучше музыки!
- Музыка очищает душу тонизирует жизнь!

Мы с восхищением и благодарностью смотрели на своего учителя, слушали, как зачарованные, не всегда понятную нам музыку. Необычность обстановки, мелодичность звуков, словно из глубины веков, благоговейные восклицания Тихонравова, - все это

приводило нас в восторг, и мы невольно для себя начинали смутно понимать таинственное, неповторимое в звучании сонат и симфоний...

В своем преподавателе Тихонравове видели мы не только великолепного специалиста, но и увлеченного человека. На свои деньги он покупал билеты в театр, раздавал их учащимся, особо преуспевающим в химии, чтобы они познакомились с оперным искусством. Два раза и мне довелось получить эту необычную и чуть-чуть таинственную, как сам Тихонравов, премию. Так впервые в жизни послушал я "Евгения Онегина", сидя во втором ряду партера.

Осмысливая годы своей юности, понимаешь: как важно иметь рядом наставника, более опытного и зрелого человека. Словно в боевом строю, предстают передо мной люди: одни - ведущие, другие - ведомые. В разное время каждый человек бывает и тем и другим. Вот такими ведущими для меня в ранние годы были отец, братья, учителя и мой товарищ по техникуму Николай Семериков. А потом у меня появились свои ведомые, которые со временем тоже стали ведущими. И так до бесконечности, как в цепной реакции жизни.

Николай Семериков

Счастливая судьба свела меня в техникуме с этим невысоким, энергичным, с умными серыми глазами парнем из шахтерского города Губахи.

Жили мы с ним в одной комнате общежития и как-то незаметно подружились, хотя и учились в разных группах. Он был механиком, я - химиком.

Однажды я готовился к последнему экзамену за первый курс техникума. Вдруг пришел Семериков и стал что-то мастерить в углу на столе. Подхожу к нему, спрашиваю в шутку:

- Трактор собираешь?
- Нет, радиоприемник...
- Не может быть.
- Может, да ещё как! Если хочешь помогай.

Сказал он это без насмешки и вызова. Так, как будто мы с ним сызмальства вместе работали.

Николай до техникума был киномехаником и, по-видимому, кое-что смыслил в радиотехнике. Помогал ему, чем мог. А когда радиоприемник был готов, Николай сказал:

- Теперь попробуй сам собери такой. Свободного времени летом будет много.

Дал мне Николай журнал со схемой и описанием приемника.

- Света небось в деревне нет? - спросил он. - Тогда сделаешь на батарейках, как на схеме показано, только радиолампы надо раздобыть.

- Где их возьмешь?
- Попроси у физика. Он тебе не откажет.

Преподаватель физики Бабин весьма поощрительно отнесся к нашей затее. Он разыскал где-то у себя в лаборатории две лампы панель от старого радиоприемника, катушку проводов и, передавая мне, сказал:

- Весь свет прослушать можно. Люблю когда московские куранты бьют...

В первый же день каникул я засел за работу, и недели через две радиоприемник был собран. Работал он от трёх батареек от карманного фонаря. Для нас это была, несомненно новинка, хотя и примитивная.

Вдвоем с братом Евгением установили на крыше избы первую в деревне антенну.

Что такое радио односельчане конечно знали. Однако первый в деревне радиоприемник они восприняли почти как первый спутник в небе. Антенна, точно магнит, притягивала к нашей избе любителей радио. Как бы там ни было, а все же диковинка!

По вечерам около радиоприемника собирались односельчане, чтобы послушать радиопередачи, в том числе и о волновавших нас событиях в Испании.

Помню как сейчас, когда я ехал на каникулы домой, то на стене в зале для пассажиров пермского вокзала видел большую карту Испании с красными флажками, обозначавшими

линию фронта.

Возле карты стояли два лейтенанта, военных лётчика. Комментируя события, они говорили между собой:

- Трудно небось достается республиканцам...
- Вот бы пойти им на помощь...
- Думаешь пошлют?
- Попытка - не пытка...

Постояв в раздумье минуту-другую, они направились к выходу. А мы с ребятами молча смотрели им вслед. Нам тоже очень хотелось помочь республиканской Испании. В душе мы уже ненавидели фашизм. Но тогда мы ещё не думали о том, что спустя всего несколько лет многим из нас придется лицом к лицу встретиться с немецко-фашистскими захватчиками.

После каникул, когда мы учились уже на втором курсе техникума, Николай затащил меня в аэроклуб. Там увидели мы ребят в синих комбинезонах.

- Кто это такие? - спрашиваю у друга.
- Аэроклубовцы. Учатся летать. Вот бы куда нам податься...

Глаза у Николая засветились.

У дежурного по аэроклубу инструктора мы спросили о правилах приема.

- Физподготовка у нас требуется крепкая, - особо обратил он наше внимание. - Перегрузку на самолёте выдерживают только хорошо натренированные. Если к нам хотите, то надо подзаняться.

Решили мы пойти в аэроклуб. Целый год потратили на физическую подготовку. Занимались в секции тяжелой атлетики, делали по утрам зарядку с гантелями. Через год действовали более уверенно. Мышцы наши немного окрепли, да и в остальном мы заметно прибавили.

В аэроклуб на этот раз пришли гурьбой, человек около десяти. Прошли медицинскую комиссию и были зачислены в курсанты.

Сам факт приема в аэроклуб был для меня важным радостным событием. Николай же воспринял это как должное.

- Разве мы хуже других? - только и услышал я от него.

А на другой день, когда мы шли из техникума, Николай вдруг воскликнул:

- Знаешь, мысль одна пришла! В мехцехе, по-моему технология устарела. Что, если вот так сделать?

Он палочкой на земле рисует схему расстановки станков с новыми приспособлениями.

- Поможешь вычертить?
- Конечно.

Мой друг всегда бредил какими-то идеями. И вот сейчас, несмотря на прием в аэроклуб и занятия в техникуме, он беспокоился о заводской технологии. И его энергии на все хватало с избытком.

В школе крылатых

Началась трудная, до предела насыщенная жизнь. Мотор, самолёт, теория полёта, аэронавигация, метеорология - все для нас было ново, все необычайно волновало и шаг за шагом приближало к осуществлению заветной мечты. Даже воздух учебных классов аэроклуба, пропитанный стойким запахом авиационного лака - эмалита, постоянно напоминал, что мы - авиаторы, что мы хотим летать! Четыре раза в неделю по десять часов занятий в день: шесть - в техникуме и четыре - в аэроклубе. Да надо ещё и выполнять домашние задания, и сдать по деталям машин курсовой проект лебедки в срок, и в кино сходить на последний сеанс. И все успевали, откуда только бралась энергия!

К маю успешно закончили теоретический курс и сдали зачеты. Десяти курсантам, в том числе и мне, в виде поощрения, разрешили полёт с инструктором за "пассажира" на очередной их тренировке.

Приехали на аэродром. Руководитель полётов нас распределил по самолётам.

- Семериков и Сивков - на четверку, - сказал он. - Инструктор уже ждет.

Подошли к самолёту. Николай подталкивает меня. Вижу : у крыла стоит девушка, небольшого роста, в кожаном реглане. Узнаю в ней инструктора Аню Богачеву. Вот тебе, думаю, с кем лететь придется... От неожиданности растерянно попятился было назад. А она кричит:

- Чего остановились!?! - Голос у неё звонкий и совсем не как у начальницы. Годами она чуть постарше нас. - Или самолёт первый раз увидели?!

Николай молча смотрит на неё. Я сконфуженно улыбаюсь.

- С тебя, что ли, начнем? - спрашивает, не то утверждает она и машет мне перчаткой. - Полезай!

Николай смеется и подталкивает меня. Забираюсь в заднюю кабину. Впереди меня садится Аня.

- Ничего не трогай! - кричит она мне и делает выразительный жест в сторону оборудования кабины.

Понимаю, что мне ещё рано братья за управление самолётом.

Заработал мотор. Ничего не стало слышно, кроме рева и треска.

Разбег и взлет.

Сделали круг над аэродромом и сели.

Когда самолёт зарулил на линию старта, вылезая из кабины, я удивленно спросил инструктора:

- Так мало?

- Хорошенького по чуть-чуть, - улыбаясь ответила она.

- Поздравляю с воздушным крещением! - пожал мне руку Николай. - Как прошел первый полёт?

- Не понял ещё как следует...

- А зря. Такая дивчина была за извозчика, а он не понял!

Мой первый полёт за "пассажира" действительно меня ничем не поразил. Слишком он был коротким.

Под впечатлением разговоров о первом полёте я готовился к значительно большему и поэтому успел лишь заметить, что все предметы на земле стали маленькими, словно игрушечными, и двигались медленно-медленно, хотя самолёт летел со скоростью 100 километров в час!

Самым сильным впечатлением от первого полёта было, конечно, что в качестве пилота-инструктора летела девушка, везла меня, здорового парня, тогда, как мне казалось все должно было быть совсем наоборот...

В тот же день мы полетели с другим инструктором - Георгием Сирицким в зону на пилотаж. Вот тут уж я почувствовал все "прелести" фигурного полёта. Когда самолёт, накренившись на крыло почти на 90 градусов, входил в вираж, то мне казалось, что земля словно наклоняется на бок, слева образуется огромная гора, а справа виднеется одно чистое небо. Однако я все же понял, что это и есть глубокий вираж. От ощущения перегрузок, чувства беспокойства, быстрой смены положения земли и неба перехватывало дух, учащенно стучало сердце.

"Петля" обошлась как-то сама собой, без особых для меня приключений. "Переворот" и "штопор" я совсем не успел понять. Небо и земля менялись местами; мотор то оглушительно ревел на максимальных оборотах, то затихал совсем еле дыша; а меня самого или прижимала к сиденью неведомая сила, или я почти свободно повисал на привязных ремнях. Теоретически я и раньше представлял себе все фигуры пилотажа. Но все эти быстро меняющиеся ощущения не давали никакой возможности уследить за действиями моего инструктора. Я уже и не пытался угадать ту или иную фигуру. "Безнадежное дело, - думалось мне, разберусь потом, когда привыкну к этой свистопляске".

Несмотря на полную "потерю ориентировки", я был все же доволен: выдержал весь

замысловатый каскад фигур и вылез из кабины самолёта почти в нормальном состоянии. Правда, слегка шумело в голове и покачивало из стороны в сторону, когда шел от самолёта к своим товарищам. Я уже приготовился к залпу возможных острот, но... мои друзья почему-то стояли с серьезными лицами. Двое курсантов после полёта бледные лежали на траве и держались за животы. Оказалось, не всякий без тренировки может перенести такое "удовольствие", как первый полёт в зону на пилотаж.

А вскоре началась наземная подготовка к учебным полётам. Самолёт был установлен на "штыре" - это специальное приспособление, которое позволяло поворачивать самолёт вправо и влево на любой угол, создавать крен до 30-40 градусов, поднимать или опускать нос машины соответственно набору высоты или снижению.

Курсант садился в кабину и по команде инструктора управлял самолётом, отклоняя рули. А его товарищи, поддерживая самолёт в равновесии, реагировали на отклонение рулей в соответствии с их значением. Отклонился скажем, руль высоты вниз, они приподнимали хвост, - значит самолёт шел со снижением. Так отрабатывались до автоматизма все движения при управлении самолётом.

Наконец настало время учебных полётов. Николай попал к инструктору Боеву, а меня направили к Сирицкому.

Разные люди, разные приемы обучения.

Уравновешенный Сирицкий перед взлетом спокойно произносил:

- Начинаем взлетать вместе.

Резкий Боев, положив руки на борта кабины, коротко бросал Николаю:

- Взлетай!

Самое главное - правильно удержать скорость полёта. Если она станет ниже положенного предела, то можно сорваться в штопор. Реакция на ошибки курсантов у Боева тоже была особенной, в отличие от других инструкторов.

- Скорость, - спокойно напоминал Боев, заметив некоторое отклонение от нормы.

- Скорость! - твердо предупреждал он, если курсант за 15-20 секунд не успевал исправить ошибку.

- Скорость!!! - орал страшным голосом Боев, видя, что отклонение от заданного режима продолжало увеличиваться, и сопровождал свою речь крепким словом.

После этого курсант уже запоминал, что значит не выдерживать скорость важнейший элемент техники пилотирования.

Таков уж был Боев. На земле человек как человек. Тихий, обходительный, грубого слова никогда от него не услышишь, а вот в воздухе, будто кто его подменял... И несмотря на это, к нему с большим уважением относились курсанты и коллеги по аэроклубу.

День за днем продолжают полёты. Уже осваиваем самое сложное в пилотировании - посадку самолёта. Впереди желанный момент - первый самостоятельный полёт. Каждый лётчик запоминает его на всю жизнь.

Кажется, все делаешь сам: и взлет, и развороты, и заход на посадку. Даже при посадке инструктор держит теперь руки на бортах кабины. И тем не менее это ещё далеко не самостоятельный полёт. Ты знаешь, что инструктор все время пристально наблюдает за поведением самолёта и за приборами. Хотя он и не вмешивается в управление, но в любую секунду готов прийти на помощь, если это потребуется. Здесь нет полного чувства самостоятельности. А вот когда впервые совсем один летишь, то это совершенно другое, неповторимое чувство.

Первый самостоятельный выход в небо - непередаваемое ощущение. Ты чувствуешь уверенность, что небо тоже становится для тебя точкой опоры, как и земля.

Слетали Саша Кадочников и Володя Лаптев. Подошла, наконец и моя очередь. Перед тем у курсанта тройная проверка: инструктор - командир звена - начальник летной части. С каждым из них слетал "по кругу". Требование одно: все три полёта должны быть безукоризненными. Лишь после этого дается команда:

- Несите "пассажира"!

В переднюю кабину кладется мешок с песком для сохранения центровки самолёта. Последние напутствия моего инструктора Сирицкого:

- Спокойно. Делай все, как раньше. Давай!

Сирицкий спрыгивает с крыла и провожает самолёт до линии исполнительного старта.

Поднимаю руку, прошу разрешения на взлет. Стартер машет мне белым флагом. Сирицкий дублирует его сигнал и отходит от самолёта.

Бросаю последний взгляд вокруг и даю газ. Самолёт начинает разбег. Я взлетаю самостоятельно первый раз в жизни! Невольно сливаешься с машиной, относишься к ней как к живому существу, как к послушному твоей руке и воле коню. А радость и удивление не покидают тебя.

Слегка отжимаешь ручку от себя и влево - первый разворот. В передней кабине не вижу привычной головы инструктора. Я один в бескрайнем небе! От восторга хочется петь!

Но как бы не прозевать момента второго разворота. Вот уже приближается и третий разворот. Теперь надо точно вовремя убрать газ и перейти на планирование.

Четвертый разворот. Приближается земля. Отлично вижу посадочное "Т" и, кажется, расчет правильный: самолёт должен приземлиться у посадочного знака.

Теперь все внимание земле. Начинаю выравнивать. Посадка - ювелирная работа. Движения ручки должны быть точны до миллиметра, а самолёт подводится к земле с точностью до 10-20 сантиметров. Кажется, все в порядке. Слева промелькнуло и ушло назад белое полотнище посадочного "Т" Легкий толчок. Самолёт катится по земле на трёх точках и замедляет бег. Уф!.. Вот это да!

Сладкое чувство твердой под ногами земли и грусть по упругому, податливому и просторному небу. Совершенно новое, ни с чем не сравнимое чувство первого самостоятельного полёта!

Заруливаю на линию предварительного старта и выключаю мотор. Подходит с очередным курсантом Сирицкий. Вылезаю из кабины и докладываю ему:

- Первый самостоятельный полёт выполнен. Нормально, Сивков, - говорит инструктор. - Отдыхай, подробности позже, на разборе.

Николай Семериков взволнованно жмет руку:

- Ловко у тебя получилось!

Другие ребята тоже поздравляют а первым самостоятельным полётом. А мне как-то не верится, уж не во сне ли все это?

После разбора полётов ребята столпились вокруг Боева.

- Да вождение самолёта - искусство. Худо летать нельзя. Лучше быть хорошим шофером на земле, чем плохим лётчиком в небе. Воевать, ребятки, нам рано или поздно придется... Фашизм сам собой не отомрёт, его уничтожить нужно. - Боев в раздумье умолкает, а потом снова убежденно: - Война не за горами. А мы - это военные лётчики. И поэтому мотайте на ус, осваивайте получше летное дело. В схватке побеждает умелый...

Год напряженных занятий - и аэроклуб позади. Выстроили нас по-военному. Объявили приказ: всем, окончившим аэроклуб, присвоено звание пилота запаса.

Счастливые, мы неохотно, однако, расстаемся с инструкторами, аэродромным персоналом и самолётами, на которых впервые поднялись в воздух.

- Теперь прямая дорога в авиационное училище. , - напутствовал нас погрузневший Боев. - Вы уж того... не обижайтесь, если что не так было...

Боев говорил с нами как с равными.

- Не подкачаем, - отвечает за всех Семериков. - Будем стараться.

Боев крепко пожал каждому из нас руку.

- Может, ещё встретимся, - сказал он на прощание. - Земля, она круглая: откуда вылетишь, туда и вернешься.

Свидеться с Боевым не пришлось. Говорили, погиб он на фронте в первые дни войны...

Некоторые ребята, окончившие аэроклуб, ушли из техникума в военное авиационное училище.

Была такая попытка и у меня.

- Ты это брось! - отрезал Николай Семериков. - Не дело это: не кончив одного, начинать другое. Так поступают слабохарактерные люди. Техникум надо закончить!

Убедил меня Николай. Предостерег от возможной ошибки.

Однажды, это было в начале четвертого курса, комсорг техникума спросил у меня:

- Слушай, я что-то не помню, ты комсомолец?

- Нет ещё...

- Как же это так?

- А вот так, - включился в разговор Николай. - Мы с тобой виноваты: не вовлекли.

- Это дело поправимое.

- Конечно, - поддержал комсорга Николай. - Рекомендующих я ему помогу найти. Заявление он сам напишет. А уж устав ты возьми на себя.

Через месяц рассматривалось мое заявление о вступлении в комсомол. Готовились тщательно. На собрании группы все прошло гладко. А вот на комитете комсомола райкомовский парень задал каверзный вопрос:

- Почему так долго не вступал?

Я не знал что и как ответить.

- Почему да почему, - выручил меня Николай, - просто не додумались мы раньше. Вот и весь сказ.

Члены комитета рассмеялись и единогласно приняли меня во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи.

Вскоре началась преддипломная практика и работа над дипломными проектами.

К защите мы с Николаем подготовились основательно. Хотя у нас и были разные специальности, но мы помогали друг другу. Сделали расчеты. Написали пояснительные записки. Подготовили листы с чертежами. Прослушали консультации преподавателей.

Николай защитился блестяще. Ему задавал много разных вопросов. Отвечал он кратко и вразумительно. Ко мне тоже были вопросы по теме дипломного проекта, по химии и технологии. Ответы мои вроде понравились государственной комиссии. Все в порядке, думаю, защитился. Но женщина, представительница райкома партии, вдруг спросила:

- Что вы скажете на события на Халхин-голе?

Всего можно было ожидать, только не этого вопроса. Я немного растерялся, потом собрался с мыслями и ответил:

- На Халхин-голе Красная Армия бьет японских захватчиков.

Ответ вызвал оживление, понравился комиссии. Защита дипломного проекта получила высокую оценку.

Пермская авиационная школа

Осенью, после окончания техникума, нас направили работать на завод. Николая - мастером в механический цех, а меня в центральную лабораторию.

В термическом отделении лаборатории в то время осваивался процесс газовой цементации. Это было ново и интересно. С большим удовольствием и рвением я включился в экспериментальную работу.

А мысль о небе не давала покоя. Прием в летную школу будет зимой. Почти каждый день ходил с Николаем на аэродром. Иногда удавалось полетать в тренировочном отряде аэроклуба.

Мучил нас основной вопрос: как уйти с завода? Два года мы обязаны по положению отработать после техникума на производстве...

Деревья сбросили пожелтевшие листья. Похолодало. Настала пора нудных дождей.

- Надо действовать! - говорит Николай. - На носу прием, а мы ещё не знаем, отпустят ли нас с завода.

Написали заявления, отнесли в отдел кадров.

- Люди нам самим нужны, тем более техники, - сказал лысый мужчина в очках, самый главный начальник по кадрам, и положил заявление в папку. . - И не просите, не отпущу...

Ушли мы удручённые и растерянные от такого неожиданного поворота дела.

- Махнём в аэроклуб? - предложил Николай. - Там наверняка помогут.

На следующий день после работы пошли мы к начальнику аэроклуба. Встретил он нас как старых знакомых, с шутливой ноткой в голосе спросил:

- По второму заходу в аэроклуб решили пойти?

- Нет в авиашколу хотим, а заводское начальство не отпускает. Как быть с документами? Подлинники ведь нужны? А они на заводе.

- Подождите, это я сейчас выясню, - сказал начальник аэроклуба и позвонил в летную школу.

Он разговаривал по телефону, мы не сводили с него глаз.

- Для поступления в авиашколу достаточно тех документов, которые на каждого из вас находятся в аэроклубе, - сообщил он нам результат своего телефонного разговора. - Я перешлю их в лётную школу. А уж дальше решайте сами...

Вышли мы от начальника аэроклуба озадаченные. И вот тут созрело у нас решение уйти в авиашколу без оформления увольнения с завода. Это было единственным выходом из создавшегося положения. Иначе путь в небо был закрыт.

- Явимся прямо на сборный пункт для отправки в авиашколу, - говорю неделю спустя Николаю. - И все тут. Больше ничего от нас не требуется.

- Знаешь я передумал...

- Почему?

- Идея одна пришла. Пока не апробирую в заводских условиях, никуда не пойду...

Николай стал с жаром рассказывать о приспособлении к металлорежущему станку.

- Как знаешь, - говорю ему. - Оставайся. А я хочу летать!

Вместе с группой аэроклубовских ребят в одно из воскресений пошёл я на сборный пункт. Нас остригли наголо под нулевку. Выдали обмундирование. Разместили в казарме школы. На заводе никого заранее не предупредили. Поступок наш нельзя, конечно, назвать правильным. Но по молодости лет и горячности характера нам казалось, что мы правы - ведь следовали призыву: "молодежь, на самолёт!".

В понедельник нас стали разыскивать. Чрезвычайное происшествие: комсомольцы не вышли на работу. Семь человек - и все окончили аэроклуб. Искать больше негде, как в авиашколе.

Вечером заводские ребята принесли нехорошую весть:

- За самовольный уход с работы вас хотят отдать под суд...

- Что мы, на рыбалку за карасями уехали?

Недели две длилась тяжба между начальством завода и авиашколы. А тем временем мы привыкали к военной службе. Расчет на заводе нам, конечно, оформили. Увидев нас в курсантской форме, начальник отдела кадров вышел из-за стола, приветливо улыбаясь.

- Вот ваши документы. А деньги вам выдадут в кассе.

Мы поблагодарили его и, получив полный расчет, распростились с заводом.

Было это в первое увольнение в город, после положенного карантина. Я поехал к родным. Отец с матерью тогда уже жили в Перми у брата Ивана. Он вернулся с военной службы, воевал на Хасане, получил квартиру от завода.

Мать, увидя меня в военной форме, всплеснула руками, заплакала. Старший брат Александр заметил:

- Ты поправился и порозовел немного. Видно, служба тебе на пользу.

- Ну как начальство? - спросил отец. - Строгое?

- В меру...

Отец угощает вином.

- Мне не положено, - говорю, отодвигая стакан. - Двое ребят по кружке пива выпили, отчислили из школы...

- Это верно, сынок. Опасное это дело, летать-то? И служба дело нелегкое. Ты уж старайся. Хорошим солдатом будь. С немцем-то, видно, ещё раз воевать-то придется...

- Постараюсь. По своему выбору пошёл в авиашколу.

Когда мы пришли в Пермскую авиашколу, она сделала лишь первые выпуски военных лётчиков, но уже имела свои традиции и пользовалась известностью среди других подобных военных учебных заведений.

В школе был твердый, раз и навсегда заведенный порядок, как и полагалось по уставу. Во всем соблюдалась железная дисциплина и строжайший режим. Занятия были весьма напряженные. День - теория, день - полёты.

Самолёты к полётам готовили сами курсанты, сами занимались ремонтом машин. Все делалось под непосредственным руководством и началом опытных командиров.

В зимнее время курсанты жили в казармах, летом - в палаточном лагере. Раз в месяц мы имели право на увольнение в город.

Установленный распорядок дня выполнялся с точностью до минуты. На личные дела курсанту отводилось 45 минут в сутки.

Школа была укомплектована опытными квалифицированными преподавателями. Среди них и brave строевые командиры, и знатоки летного дела, и великолепные педагоги по теории полёта, и сильные политработники. Начальник школы - строгий и справедливый полковник Карпов. Теорию полёта нам преподавал Галинский. Летали мы с хорошими лётчиками: инструктором Матвеевым и командиром звена Вайгачевым. Эскадрилья наша была вверена опытному командиру Елисееву. Фамилий других своих наставников я, к сожалению, не помню. Может, потому, что срок общения с каждым из них был не такой уж длительный, но скорее всего от того, что в армии командира называют не по фамилии, а лишь по воинскому званию. И тем не менее я помню, как будто это происходило вчера, кряжистого, со шпалой в петлице, русоволосого человека с синими глазами, - комиссара училища. Он присутствовал у нас на политзанятиях.

Комиссар молча внимательно слушал объяснение лейтенанта, проводившего занятия. Утвердительно кивал, подтверждая ответ курсанта на заданный вопрос. Хмурился, когда один из курсантов мямлил. А когда занятия подошли к концу, он поднялся, подошел к кафедре и совсем по-штатски сказал:

- Какие ко мне, товарищи, будут вопросы?

Короткое замешательство. Потом Сергей Аблеев попросил:

- Расскажите нам про "национал-социалистов".

- Этот тема следующего занятия, - поспешно уточнил лейтенант. - Мы ещё не готовились...

- Такую тему нужно без подготовки знать, - возразил ему комиссар. - Ну что же, давайте сообща рассмотрим, если хотите этот вопрос. Итак, начнем.

Он прошелся между столами аудитории.

- Прежде всего давайте себе уясним, что разговор у нас пойдет о фашизме. Фашисты - это те же империалисты, но наиболее хищнические и разбойничьи среди всех империалистов мира. А слова "национал-социализм" специально придуманы фашистскими идеологами, чтобы затуманить мозги простым людям.

Комиссар сделал паузу, обвел изучающим взглядом аудиторию, очевидно, проверяя, как доходят до слушателей его слова.

- Кто же такие "национал-социалисты"? - задал он вопрос и сам ответил на него: - Это те же гитлеровские фашисты. Они, видите ли, обижаются, когда, мы, коммунисты, их так называем. И пытаются уверить мир, что партия гитлеровцев партия социалистическая. Так ли это?

Комиссар саркастически улыбнулся.

- Нет, товарищи, это далеко не так! Давайте разберемся. Гитлеровцы ограбили почти всю Европу. Разве может быть партия угнетателей и грабителей партией социалистической? Конечно, нет! Гитлеровцы - заклятые наши враги, враги социализма.

Комиссар изучающе смотрел в глаза курсантов.

- Может быть гитлеровцы защищают национальные интересы? То же нет! Пока они собирали и воссоединяли немецкие земли их ещё можно было с известной натяжкой назвать патриотами Германии. Но когда они стали стремиться поработить народы Европы, захватить чужие территории и добиваться мирового господства немецкой нации прежде всего над славянскими нациями, то они предали национальные интересы своего народа, превратились в националистов и шовинистов. Это захватчики, угнетатели других народов.

Вот, послушайте, что говорит Гитлер в своей книжке "Моя борьба": "Надо любыми средствами добиваться того, чтобы мир был завоеван немцами. Если мы хотим создать нашу великую империю, мы должны, прежде всего вытеснить и истребить славянские народы - русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого".

- Вот видите, какова фашистская идеология? - обратился он к нам и продолжил: - Послушайте что ещё проповедает Гитлер. Для него совесть "унижающая химера", а образование по его мнению, только калечит человека.

Комиссар опять сделал паузу, а потом сказал с жаром, рассекая рукой воздух:

- Вот она, фашистская мораль. Мораль врагов демократических свобод, средневековой реакции и черносотенных погромов. Именно в этом состоит разбойничья империалистическая сущность фашистов, прикрывающихся флагом "национал-социализма".

Наступила пауза. Комиссар задумчиво сказал:

- А вообще-то, друзья мои, скажу я вам: национализм, какой бы он ни был, это, пожалуй одна из самых страшных злокачественных опухолей нашего века.

Вы можете спросить, а как же только что заключенный пакт о ненападении между Германией и СССР? Пакт нам предложила Германия, и Советское правительство, проводя миролюбивую политику, не могло отказаться от такого пакта, тем более что ни прямо, ни косвенно не затрагивает территориальной целостности, независимости и чести нашего государства.

Итак, подведем итоги: "национал - социализм" - есть тот же фашизм или разбойничий империализм - самый зловещий наш враг, враг социализма.

Вот почему мы всегда должны быть в состоянии боевой готовности, чтобы обезвредить и уничтожить эту коричневую чуму.

А после занятий, уже в казарме, мы с товарищами, взбудораженные речью комиссара, допоздна обсуждали международные проблемы и дали клятву друг другу быть непримиримыми и стойкими бойцами против фашизма и, если потребует того обстановка, отдать за это свою жизнь.

Занятия в авиашколе подходили к концу. После успешной задачи экзаменов нам присвоили звание младших лейтенантов. Моя служба после школы продолжалась в Киевском военном округе, в отдельной корпусной эскадрилье. Здесь проходили мои первые тренировочные полёты на самолёте Р-5, старом, деревянной конструкции биплане-разведчике.

Шел уже предгрозовой, 1940 год.

Вместе с новыми товарищами по эскадрилье мы продолжали совершенствовать свое летное мастерство, готовили себя к неумолимо надвигающимся грядущим военным событиям.

Боевая тревога

Близилась война.

Наша отдельная авиаэскадрилья располагалась в бессарабском селении Чадыр-Лунге, в тридцати километрах от государственной границы. Летный и технический состав эскадрильи - на редкость дружный и сплоченный. К тому же здесь были ребята из Пермской авиашколы.

Павлуша Старцев - из бывших беспризорников, отчаянный парень. Волевой, но всегда

с доброй улыбкой. Работал он на Уралмаше, откуда и пошёл в летную школу. Блестящий лётчик. Великолепно пел русские песни, аккомпанируя себе на гитаре. Игорь Сократов - человек положительный во всех отношениях, да и лётчик прекрасный, спокойный рассудительный сибиряк, всеми уважаемый в эскадрилье; омич Евгений Мыльников - остроумный весельчак, душевный, с широкой натурой; молчаливый украинец Иван Крамаренко, добродушный, хозяйственный хлопец; предприимчивый Иван Усов; красавец блондин, весьма авторитетный Петр Толмачев; лучший спортсмен эскадрильи Тимофей Сагайдак; москвич Юрий Мальцев, красивый, любивший прихвастнуть. Летать он умел хорошо, но с дисциплиной жил не в ладах. Был он прирожденным рассказчиком: один жест, одно слово - и все катаются по полу от смеха. Нередко подшучивал он над ребятами.

Жили мы в эскадрилье единой семьей. Несли нелегкую солдатскую службу. Помогали друг другу. Делились радостями, а случалось и горем.

К тому времени участились учебные тревоги. Обычно в общежитие, где был расквартирован лётный состав, прибегал посыльный:

- Тревога!

Мы собирались по отработанной до автоматизма системе и мчались к штабу. Там нас уже ожидал командир эскадрильи капитан Ищенко, чернявый среднего роста, живой, с цепким умом человек.

После обычной церемонии построения и рапорта мы обступали своего командира. Он неторопливо, с сильным украинским акцентом рассказывал нам, молодым лётчикам, разные поучительные случаи из жизни военных лётчиков. Нередко кому-нибудь из нас доставалось от него за ту или иную оплошность. Ищенко в таких случаях останавливал иронический взгляд и говорил, например:

- Товарищ Мыльников, вы опять водку пили? Чтоб это было в последний раз...

Острый на язык Женя Мыльников, как его звали в эскадрилье ребята "светский парень", любивший водить компании, краснел и виновато молчал.

Мы всегда с большим уважением относились к капитану Ищенко, а особенно полюбили его после одного пятнадцатикилометрового марш-броска, в котором он шел вместе с нами, подбадривал веселой шуткой уставших, своим примером собранности и выносливости увлекал нас вперед.

Накануне войны, 21 июня, в субботу, ребята договорились с местными девчатами поехать в лес на пикник.

Воскресенье, 22 июня 1941 года. 7 часов утра. Проснулись. Лежим, балагурим. Слышим стук в окошко.

- Кого это спозаранку занесло? - ворчит Павел Старцев. - Поспать вволю не дадут... - Он отворачивается к стене и накрывается с головой одеялом.

За окном слышатся шаги.

- Кто там?

- Девушки, кто же ещё, - рассудительно говорит Игорь Сократов. - Встретить бы надо выйти.

- Женька, это по твоей части! - кричит Юрий Мальцев.

Евгений Мыльников не спеша оделся и, пританцовывая, вышел на улицу.

Он скоро возвратился назад и тихо, спокойно сказал:

- Тревога.

А сам завалился на кровать. Мы тоже лежим. Он кричит:

- Тревога!

- Чего орешь?! - говорит ему Иван Крамаренко.

- Тревога!!! Чёрт вас возьми! Вставайте!

- А сам чего развалился?

- Я-то уже одет...

Вскакиваем, быстро одеваемся и бежим в штаб. Там никого. Вскоре появился командир эскадрильи.

- Кто объявил тревогу?!

- Дежурный по части...

Мимо нас строем прошли саперы. От них узнаем о нарушении нашей государственной границы.

Позже, уже в 12 дня, по радио из речи В. М. Молотова нам стало известно, что фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

- Война!!!

А день на редкость солнечный, безветренный. Кипенно-белые домики. Бледная зелень молодых виноградников. Упирающиеся в небо пирамидальные тополя. И жуткая, словно отстоявшаяся тишина, немая, как в картине "Над вечным покоем" художника Левитана. Её режет возникший вдалеке глухой гул самолётов. Гул усиливается, и мы уже видим группу приближающихся двухмоторных машин. Вот они над нами, летят совсем низко, метрах в семистах от земли. И вдруг среди завывающего гула моторов раздаётся чей-то крик:

- Кресты на крыльях! Смотрите, кресты!

Отчетливо видим кресты с желтой окантовкой. Острой болью доходит до сознания: "Это чужие самолёты! Это враг!"

Какая-то чудовищная нелогичность: в нашем небе и вдруг эти черные кресты?! Зачем они к нам пришли?! Что им здесь нужно?! И словно в ответ слышится отдаленный раскатыстый гром взрывов. Фашисты сбрасывают бомбы на станцию Бессарабская.

- Бомбят, гады!

- Эх, дать бы им сейчас прикурить!

А лететь не на чем. Эскадрилья ожидала новые боевые машины. На аэродроме было всего три учебных самолёта...

Смешанное чувство ненависти и горечи.

В ту пору мне было 20 лет. И я как-то в тот день не сразу понял, что такое война хотя и готовился к ней, чувствовал, что предстоят большие боевые события. Но никак не думал, что се случится вот так, как случилось.

Когда же увидел немецкие самолёты, идущие на бомбежку, во мне разгорелось чувство жгучей ненависти к врагу и было одно желание: как можно скорее вступить в бой.

Обращаемся к капитану Ищенко:

- Когда будут самолёты?

- Подождите трошки, хлопцы. Скоро будут...

На рассвете следующего дня на наш аэродром прилетели истребители И-16, перехватчики. Командует ими комиссар. Командир ранен во вчерашнем бою.

Вслед за истребителями сел связной самолёт УТ-2. Прилетевший на нем молодой лётчик-истребитель доставил пакет.

- Вызывают в политотдел, - говорит комиссар, вскрыв пакет и пробежав бумагу глазами. - Слетаю на твоём утенке", через час вернусь, - обращается он к молодому лётчику и направляется к самолёту.

Комиссар улетает. Мы продолжаем поджидать вчерашних бандитов.

- Идут! - кричит наблюдатель. - На этот раз вместе с "мессерами"!

- Запуск! - командует заместитель эскадрильи.

Закрутились винты истребителей. Через минуту они уже в воздухе и, делая на малой высоте пологий разворот, ложатся на курс перехвата.

Мы с завистью глядим вслед своим истребителям. Молодой лётчик поглядывает на стоящий неподалеку самолёт комиссара.

- Чего смотришь? - кричим парню. - Лети, твои друзья уже дерутся!

Парень надел парашют, мигом вскочил в самолёт, запустил мотор и на взлет. Быстро набрал высоту и с ходу пошёл в атаку на "хейнкель".

Тем временем другой, подбитый нашими "хейнкель" загорелся и упал неподалеку от аэродрома.

А парень вплотную подошел к первому "хейнкелю". Он, очевидно, решил бить

навряд ли. Раздаются пушечные очереди: ду-ду-ду... ду-ду-ду...

Но что это? Истребитель, окутанный дымом, валится на крыло. Парень выпрыгивает с парашютом. И вскоре приходит на аэродром.

- Что случилось? - спрашиваем парня.

- Своя зенитка била по "хейнкелю", а попала в мой самолёт. Вот ведь какое горе случилось...

До 11 июля эскадрилья находилась в Чадыр-Лунге. Каждый день спрашиваем своего командира, когда же будут самолёты?

- Дайте нам любое оружие. Больше невозможно ждать. В воздухе не на чем, так на земле воевать будем!

Наконец выехали в учебно-тренировочный центр, переучиваться на новые самолёты СУ-2. Это ближний бомбардировщик, неплохой по тому времени самолёт. Он был вооружен шестью пулемётами "шкас", имел скорость 400 километров в час и бомбовую нагрузку 600 килограммов. Маневренный, легкий в управлении самолёт. Вот на нем то несколько позже и началась наша фронтовая лётная жизнь.

А пока были учебные полёты. Мы осваивали новые самолёты и... отступали. Перелетали с одного аэродрома на другой, все дальше и дальше на восток. Остановились на станции Котельниково, между Сталинградом и Сальском. Оттуда после тренировочных полётов в декабре 1941 года несколько наших экипажей, в том числе Старцев, Мельников и я, получили назначение в 210-й ближнебомбардировочный авиационный полк.

На боевое задание нас сразу не пустили. Сначала надо было изучить район полётов и сдать зачет по знанию инструкции экипажу самолёта. Затем проверили технику пилотирования и дали возможность потренироваться.

Полк был сформирован незадолго до начала войны из пилотов гражданской авиации. В основном это была молодежь. Ребята воевали с июля 1941 года, и весьма успешно. Они сделали уже много боевых вылетов на СУ-2.

Летный состав полка имел хорошую подготовку. Потери были сравнительно небольшими. Среди лётчиков - много награжденных орденами, что тогда, в начале войны, было ещё большой редкостью.

Командовал полком майор Володин. А когда его назначили командиром дивизии, обязанности командира полка временно исполнял начальник штаба майор Ильенко. Волевой, спокойный, умный воспитатель молодых лётчиков. Правда отчитывал он нерадивых хлестко.

За глаза лётчики звали майора Ильенко (как и во многих авиасоединениях в то время звали своих любимых командиров) - "Батя". Был он суровым и справедливым человеком, и за это все его любили в полку. Даже когда он стал начальником штаба в другой дивизии, мы к нему продолжали ездить в гости.

Эскадрилей нашей командовал капитан Сурай. Высокий, неторопливый в решениях, волевой командир. Все он делал обдуманно, без ошибок. Уважаемый, авторитетный человек в полку.

Мы, новички, "молились" на своих командиров, как на богов. Они были великолепными лётчиками, отважными и очень дружными между собой людьми.

Воевали в нашем полку два воздушных "аса", два Ивана, разные по характеру, закадычные друзья: москвич Иван Ерошкин и украинец Иван Раубе.

Иван Раубе - высокий, спокойный, чуточку, пожалуй, флегматичный, блондин, пел чудесным тенором украинские песни. Боевые задания он выполнял образцово и был лучшим лётчиком в полку.

Иван Ерошкин - плотный, среднего роста, веселый, живой по характеру и тоже хороший лётчик.

С ними летали штурманы Тима Гуржий и Саша Иванов - непревзойденные снайперы бомбометания. Как говорили у нас в полку, бомбили они не по прицелу, а "по унте".

В бомбардировочной авиации существует закон: на боевом курсе командует штурман, хотя лётчик и является командиром экипажа. Когда самолёт идёт по прямой, штурман

смотрит в прицел. Бомбить с оптическим прицелом можно весьма точно. Но слишком много с ним возни и слишком мало у штурмана для этого времени. На боевом курсе самолёт находится всего 10-15 секунд. Да и на поле зрения в оптическом прицеле маловато, и за воздухом надо смотреть, чтобы не попасть под внезапный огонь вражеского истребителя.

Так вот Тима и Саша придумали свой, более надёжный способ. Когда перед бомбометанием открываются люки, то через "окно" в полу кабины, закрытое прозрачным плексигласом, видна земля. Ребята ставили к "окну" ногу, обутую в меховую унту, и смотрели вниз. Цель подходила к носку унты, - и тогда они нажимали кнопку электросбрасывателя. Бомбы ложились точно.

У каждого штурмана была своя прицельная высота, только с неё они поражали цель без промаха. У Тимы Гуржия - 1100 метров, у Саши Иванова - 1700 метров. Число сотен в этих цифрах - нечётное, и это не случайность. Градуировка на лимбе прицела немецкой зенитной пушки была рассчитана на каждые 200 метров высоты. По нечётной отметке высоты зенитчики не могли вести точный прицельный огонь. Вот этот конструктивный недостаток на прицеле немецкой зенитной пушки и использовали Тима Гуржий и Саша Иванов.

Все лётчики полка имели хорошую довоенную подготовку, летали вслепую по приборам. Мы, новички, ещё тогда этого не умели и с доброй завистью, большим уважением смотрели на своих более опытных товарищей.

210-й ближнебомбардировочный

На второй или третий день после нашего приезда опытный штурман Иван Корень поведал нам боевую историю полка. Вечером в землянке Иван рассказывает.

К концу декабря 1940 года закончилось формирование 210-го ближнебомбардировочного полка. Командиром полка назначен майор Кожемякин, комиссаром - старший политрук Порт, начальником штаба - майор Ильенко, заместителем начальника штаба - капитан Провоторов, командирами эскадрилий капитаны Бугаенко и Сурай. Все - опытные командиры.

Личный состав полка в подавляющем большинстве своем был из только что окончивших военные училища и школы. Исключение составляли лётчики, прибывшие из гражданского воздушного флота, как мы их называли "гэвэфовцы": Саша Гуржиев, Иван Раубе, Саша Павличенко, Вася Морозов, Федя Картавенко, Иван Карабут, Сергей Корниенко, Ваня Сухарев, Гриша Кучеренко и Петя Васильев. Все они не один год летали, имели хорошую летную и теоретическую подготовку.

В начале января 1941 года мы, получив от командования гарнизона необходимые служебные помещения, оборудовали классные комнаты для проведения командирской учебы. И продолжали совершенствовать свои знания по теории полёта, аэродинамике, штурманской и бомбардировочной подготовке, стрелковому делу. Важно место отводилось изучению материальной части самолёта, мотора, бомбового и другого оборудования. Здесь большую роль сыграл технический состав: инженеры Афанасенко, Новиков, Бабенко, техники Малютенко, Пучков, Лязин, Нестеров и Токов. Несмотря на недостаток наглядных пособий, наши инженеры и техники сумели в короткий срок наладить техническую учебу в полку.

Командирская учеба проходила по группам: летного, штурманского и технического состава. Все мы старались получить максимум знаний и относились к занятиям со всей серьезностью.

В полку было две эскадрильи.

- Когда полк начал боевые действия? - спросил Женя Мыльников.

Иван Корень свернул сигарку, прикурил и не спеша продолжил:

- 30 июля 1941 года полк получил приказ перебазироваться на аэродром Алексеевка, неподалеку от Первомайска, и приступить к боевым действиям. Во второй половине этого же дня была получена боевая задача: двумя эскадрильями нанести бомбовый удар по скоплению

танков противника, северо-западнее местечка Голованевск.

На всю жизнь запомнился нам день первого боевого крещения. В указанное время все экипажи произвели взлет, построились в звенья, эскадрильи и взяли курс на запад, к линии фронта.

Стоял теплый, пасмурный день. Небо заволкли многослойные облака. Внимание лётчиков было приковано к строгому соблюдению места в строю. Штурманы наблюдали за воздушным пространством. В любую минуту могли появиться "мессершмиты". При подходе к цели начал моросить дождь, ухудшилась видимость. Вскоре мы увидели очертания Голованевска и лесной массив, где укрывались танки.

Противник нас обнаружил и открыл ураганный зенитный огонь. Впереди сплошной стеной висели черные шапки от разрывов снарядов. Мы продолжаем полёт в строгом боевом строю. Ведущий открыл бомболюки. Вот оторвалась и пошла вниз первая бомба. Одновременно посыпались бомбы из люков ведомых. Разворачиваемся и делаем заход для повторного бомбометания. В районе цели появились очаги пожаров и клубы дыма. Выполнив второй заход, взяли курс на свой аэродром. Спустя некоторое время благополучно произвели посадку. Зарулили на стоянки, выключили моторы. К самолётам спешат однополчане - техники, механики, мотористы. Поздравляют с первым вылетом.

Иван раскурил сигарку, обвел взглядом ребят. Все внимательно слушают. Он рассказывает дальше:

- А вскоре весь лётный состав собрался около самолёта командира эскадрильи Сурая. Каждый высказывал свои впечатления. Говорили о количестве зенитных батарей и качестве их стрельбы, об эффективности нанесенного удара. Потом на КП полка состоялся разбор боевого вылета. Вначале командир полка майор Кожемякин поздравил нас с успешным выполнением задания и пожелал дальнейших боевых успехов в борьбе с фашизмом. Первым боевым вылетом командир был доволен. Однако отметил и недостатки: некоторые лётчики не выдерживали свое место в боевом порядке при полёте от цели. На это командование обратило самое серьезное внимание.

После разбора мы отправились в столовую, где нас ожидал первый фронтовой ужин.

Женя Мыльников усмехнулся и опять хотел было спросить о чем-то Ивана, но Павлуша Старцев предусмотрительно стиснул Женин локоть. Иван продолжал:

- Следующий день проходил в напряженной работе. После очередного вылета группа производила посадку. Внезапно появилась пятёрка "мессеров" и атаковала. Самолёт лётчика Мальцева и штурмана Кравченко с большим креном врезался в землю на границе аэродрома. Самолёт с экипажем Мохов - Денищук был атакован в момент приземления.

С турельных установок самолётов, находившихся на стоянке, штурманы открыли по "мессерам" пулемётный огонь. Производить атаку по аэродрому фашисты не решились и, набрав высоту, ушли на запад.

Гибель Мальцева, Кравченко и ранение Денищука послужили всем горьким уроком. За воздухом было установлено постоянное наблюдение, вплоть до заруливания самолётов на стоянку.

1 августа к исходу дня опять появилась пятёрка "мессеров". В воздух тотчас поднялись два истребителя, прикрывавшие наш аэродром. Завязался неравный бой между двумя нашими "ястребками" и пятью "мессерами", продолжавшийся не менее получаса. Фрицы отказались от атаки аэродрома и ушли. Наши истребители совершили посадку.

Поступило тревожное сообщение. В семи километрах западнее Алексеевки обнаружены мотомехчасти противника. К утру возможен их выход в район аэродрома. Принято решение срочно перебазироваться на аэродром Ново-Красное.

К середине дня техники осмотрели и заправили самолёты. Получено боевое задание. Силами экипажей подвесили бомбы и спешно вылетели.

Удар по колонне автомашин с войсками и техникой противника провели успешно. Все наши самолёты благополучно возвратились на аэродром.

3 августа после выполнения задания, произвели посадку в Ново-Полтавке. Обстановка

на фронте менялась очень быстро и вынуждала нас к частым перебазированиям.

Закончилось формирование и обучение третьей эскадрильи. В одном из боевых вылетов её командир, капитан Герасимов, после бомбометания принял решение пулемётным огнем нанести штурмовой удар по противнику. Во время атаки его самолёт попал в зону сильного зенитного огня. Штурман капитан Аленин был убит, Герасимов тяжело ранен в ноги. Истекая кровью и превозмогая боль, Герасимов привел самолёт в расположение своих войск и произвел посадку в поле. Капитан Аленин похоронен в месте приземления самолёта, а Герасимов отправлен в тыл на излечение. Командование третьей эскадрилей принял её комиссар, политрук Володин.

5 августа ведем боевую работу с аэродрома Баштанка, оказывая поддержку войскам правого крыла Южного фронта.

8 августа в разведывательный полёт ушли два экипажа : ведущие Ключко и Аврунов, ведомые Суслов и Шарапа.

Подходит время их возвращения. В нетерпеливом ожидании смотрим на запад. Появилась точка на горизонте. И над аэродромом уже проносится СУ-2. По номеру на киле узнаем самолёт Сулова. Он шел на "бреющем" полёте, с полувыпущенными шасси, открытыми бомболюками и без фонаря кабины лётчика. Сделав круг, пошёл на посадку и приземлился на фюзеляж. С предчувствием недоброго бежим к самолёту и бросаемся к задней кабине. Страшная картина. На полу кабины пробитое снарядом тело Шарапы.

Начальник штаба Ильенко тихо, почти шепотом, говорит:

- Эх, Шарапа, Шарапа! Что с тобой сделали фашистские стервятники.

Вылезший из кабины Суслов доложил:

- Товарищ майор! Шарапа вел бой до последней минуты! Он погиб как герой.

Иван Корень глядел молча на погасшую сигарку, заново переживая гибель своих друзей.

- После приземления Ключко выяснилось: в полёте они были атакованы "мессерами". Суслов и Шарапа отвлекли истребителей на себя и позволили ведущему продолжить разведку противника.

Командование полка, получив разведанные от экипажа Ключко, направило для уничтожения обнаруженных вражеских войск группу самолётов. Полет проходил на небольшой высоте, и все, что творилось на земле, хорошо наблюдали экипажи. С севера на юг большими колоннами проходили вражеские войска. Сделав два захода, группа успешно отбомбилась по цели и благополучно возвратилась на аэродром.

С упорными боями наши войска все дальше отходили на восток, - продолжал свой рассказ Корень. - Враг почти полностью занял правобережную Украину. Полк за короткое время сменил пять точек базирования. Мы все спрашиваем комиссара Тимченко:

- Сколько ещё будем отступать?

- Этого требует обстановка, - отвечает, бывало, он. - Главное сейчас выстоять, не дрогнуть, накопить силы и затем перейти в наступление.

Непрерывно меняя места базирования, полк не прекращает выполнять боевую задачу. В роли истребителей наши бомбардировщики прикрывают переправу наземных войск через реку Днепр. Полк действует на участке от Каховки до Днепропетровска. Летный состав совершает по четыре-пять боевых вылетов. Лётчики и штурманы сами заправляют самолёты, подвешивают бомбы, заряжают пулемёты.

Утром 21 августа поступает тревожное сообщение. С юга немцы готовят удар по Днепропетровску. Вторая эскадрилья улетела бомбить скопление вражеских войск южнее Днепропетровска, в районе села Сурско-Литовское. Правым ведомым нашего звена летит комиссар Тимченко со своим штурманом, начальником связи Якутиным. Подходим к цели. Впереди строя появились разрывы зенитных снарядов. Цель очень близко. Ещё минута - и вниз полетели бомбы. С правым разворотом уходим из-под огня зениток и берем курс на свой аэродром.

Из района цели поднимаются клубы дыма, видны очаги пожара.

Зона зенитного огня позади. Летим над широким, могучим Днепром.

Нас атакуют "мессеры". Одному "худому" - так мы называем "мессершмитов" удастся подбить отставший самолёт Тимченко. Это произошло в районе аэродрома Подпильня.

Свой аэродром мы проскочили и произвели посадку на аэродроме соседней истребительной части.

Тимченко среди нас не оказалось. Быстро заправив самолёты, летим на свою точку. Видим, как на дымящейся машине комиссар заходит на посадку. Выполняя четвертый разворот, самолёт резко, с креном пошёл к земле и сгорел.

После траурного митинга захоронили мы на сельском кладбище останки боевых товарищей - комиссара эскадрильи Тимченко и начальника связи Якутина. - Иван Корень прервал рассказ, минутой молчания чтя память своих боевых командиров.

- Под Днепропетровском идут упорные, ожесточенные бои. Противник вводит все новые и новые соединения танков и авиации. Теперь почти каждый вылет сопровождается воздушным боем. В одном из них погиб полковой баянист, штурман Федя Ефремов.

В боевых экипажах не хватает штурманов. На задания стали летать оружейники. Во второй эскадрилье много боевых вылетов сделал механик по вооружению Сережа Малютенко.

26 августа под прикрытием ночи немецко-фашистские войска начали переправляться через Днепр. На ликвидацию переправы вылетели все исправные самолёты. Точным бомбовым ударом переправа разрушена. Гитлеровцы, переправившиеся на левый берег, сброшены в Днепр и уничтожены.

Последующие дни, вплоть до 30 августа, эта переправа находилась под постоянным контролем авиации. Попытки немцев овладеть левым берегом Днепра в эти дни успеха не имели.

На участке фронта от Никополя до Каховки идут упорные бои. Наши войска обороняются на левом берегу Днепра. В первых числах сентября получили задачу: штурмовыми действиями нанести удар по вражеской кавалерийской дивизии, расположившейся в районе сел Большая Лепетиха и Малая Лепетиха. Для штурмовых действий это была отличная цель.

Рано утром с аэродрома Веселое вылетели на задание. С нескольких заходов сбросили бомбы. После бомбометания перестроились в колонну одиночных самолётов и начали штурмовку. С малой высоты лётчики устремляли самолёты к земле, огнем передних установок поливали противника. После атаки уходили на второй круг. В это время штурманы из люковых пулемётов вели огонь. Так продолжалось несколько заходов. Израсходовав весь боекомплект, делали ещё один заход и сбрасывали листовки.

Вскоре на аэродром Гоголевка с завода прибыла группа новых самолётов. На этой серии для защиты штурмана была установлена броня - стальной щит, расположенный сзади штурманской кабины по всему диаметру фюзеляжа и нескольких защитных щитков у турели.

На новых самолётах пять экипажей улетели бомбить скопление живой силы и техники противника в населенном пункте Любимовка под Каховкой.

Высота полёта небольшая. Бьют зенитки. Накрыв цель бомбами, с левым разворотом берем курс на свой аэродром. В это время появляются истребители противника и занимают положение для атаки.

В момент разворота, выполняя противозенитный маневр, второй правый ведомый резко уклоняется влево и грозит столкновением с нашим самолётом. Уйти влево нельзя. Там место ведущего. Во избежание явного столкновения Вася Морозов резким пикированием уходит вниз под группу.

Четыре "хейнкеля" набрасываются на наш самолёт. Удачно маневрируя и ведя пулемётный огонь нам удалось благополучно уйти от пяти атак фрицев. При шестой атаке мы с Васей ранены, самолёт получил серьезное повреждение. Только благодаря хорошей слетанности, взаимопониманию, надежной бронезащиты нам посчастливилось остаться в живых.

Врач Зотова обработала и забинтовала раны. У Васи из-под правой лопатки извлечена пуля и несколько осколков. Из моего левого плеча вытащены шесть осколков, один извлечь не удалось.

В лазарете мы были окружены исключительным вниманием и заботой однополчан. В конце каждого фронтального дня к нам приходили боевые друзья, командиры, делились последними новостями с фронта.

11 сентября при очередном посещении лазарета ребята сообщили печальную весть. С задания не вернулись экипажи Кабанова и Каюнчина, Аринушкина и Черняева. А на другой день ушел на разведку и не прилетел обратно экипаж Ключко.

К исходу дня совершил посадку самолёт с необычным экипажем в составе: Ключко, Аврунов, Кабанов. При выполнении полёта 11 сентября самолёт Кабанова получил повреждение, штурман Каюнчин погиб. Кабанов произвел посадку в Мелитополе. Похоронил боевого друга Ивана Каюнчина. Поврежденный самолёт сдал ремонтникам гарнизона и собирался возвращаться в свою часть. А в это время экипаж Ключко совершил вынужденную посадку в Мелитополе и встретил там Кабанова. Устранив неисправность, экипаж Ключко вместе с Кабановым возвратился в свою часть. Как было установлено позже, экипаж Аринушкина и Черняева погиб.

Вместе с полом на санитарной машине мы перебазировались в село Большой Токмак.

Экипажам по-прежнему ставится разведывательная задача - уточнить передний край наших обороняющихся войск. Для успешного её выполнения полёты производились на малой высоте и при любых метеоусловиях.

В октябре Морозов, Кабанов и я после лечения в доме отдыха летного состава в Домодедове, под Москвой, вновь возвратились в родной полк. Было это осенним дождливым днем. Технический состав заканчивал подготовку самолётов к утренним боевым вылетам. У скирды хлеба, прячась от дождя, оружейники приводили в порядок боевое оружие. Рядом, в автобусе, проходило партийное собрание эскадрильи. Известие о нашем возвращении мгновенно облетело стоянку, и со всех сторон к нам потянулись боевые друзья. Мы очутились в объятиях своих командиров и наставников: Сурая, Ерошкина, Франчука, Загорулько, Паршинцева, Афанасьева, Бабенко, Малютенко, Первушина.

За время нашего короткого отсутствия в полку произошли большие изменения. Много погибло однополчан в жестоких боях с врагом. Командование полком принял майор Володин. Майор Кожемякин выдвинут на должность заместителя командира штурмовой дивизии.

6 ноября перебазировались на аэродром Белая Калитва. Вечером состоялось торжественное собрание личного состава полка, посвященное 24-й годовщине Октября. После собрания большой группе однополчан были вручены ордена и медали.

9 ноября в полку собирались чествовать экипаж Мизюряева и Цымбала, ушедшего в сотый боевой вылет. В столовой повара готовили именинный пирог и торжественный ужин. Для приветствия были приглашены представители Бело-Калитвинского райкома комсомола. Но экипаж с боевого задания не вернулся ни в тот, ни в последующие дни. Как выяснилось позже, в своем сотом вылете Николай Мизюряев и Иван Цымбал героически погибли.

20 ноября 1941 года полк перебазировался ближе к фронту, на аэродром Буденновка. Боевые вылеты проходят в сложных метеоусловиях. Чтобы держать аэродром в постоянной боеготовности, привлекается весь личный состав полка и обслуживающих частей. Помогает мирное население.

В условиях низких температур, сами знаете, большую трудность представляет подготовка и запуск двигателей. Организуем ночные дежурства технического состава. Дежурный техник эскадрильи по очереди запускает и прогревает все двигатели. Так обеспечиваем постоянную, круглосуточную боевую готовность материальной части.

Кроме боевых вылетов, проводим большую работу по совершенствованию своих знаний и обмену боевым опытом. У нас крепкая дружба с местным населением, комсомольцами. С лекциями и докладами выступают в местном клубе наши

политработники, агитаторы, комсомольцы, экипажи, отличившиеся в боях.

Вот вкратце такова история полка, наша фронтовая жизнь.

С большим интересом и вниманием выслушали мы, необстрелянные юнцы, рассказ Ивана Кореня, бывшего штурмана. Многому нам ещё надо учиться у наших боевых товарищей. Как-то пройдет наш первый боевой вылет?

Комиссар эскадрильи

Морозным утром капитан Сурай на аэродроме собрал свою эскадрилью. Представил личному составу каждого из нас, вновь прибывших, и скомандовал:

- Разойдись!

Капитана Сурая вызвали на КП. Техники и оружейники стали готовить самолёты, а лётный состав в ожидании боевой задачи разместился в землянке.

Затопили печку, сидим, обмениваемся первыми впечатлениями.

- Комэск, видать, суров, - раздумчиво говорит Павел Старцев. - На разговоры скупой.

- Да, к нему прежде, чем обратиться, десять раз подумаешь, - замечает Евгений Мыльников.

- Командир у нас дело свое знает, порядок любит, - говорит нам лётчик Саша Гуржиев, такой же высокий и чернявый как комэск. - Лётчик он отважный и мужик что надо. С ним хоть в огонь и в воду.

Через полчаса в землянку пришли командир эскадрильи и штурман эскадрильи. Все разом затихли в ожидании приказа.

Капитан Сурай сел к столу.

- Получена боевая задача, - объявил он. - Группу - восемь самолётов поведет экипаж Раубе - Гуржий. Прошу достать карты. Цель - танки на западной границе деревни Орловка-Ивановка. Боевой расчет старый. Штурман продиктуйте уточнение линии боевого соприкосновения.

Экипажи придвигаясь ближе к свету лампы, зашелестели картами, нанося уточненные данные линии фронта. Капитан Сурай окидывает коротким взглядом улетающих на боевое задание и говорит:

- Через пятнадцать минут по самолётам. Запуск и выруливание по зеленой ракете. Я пошёл на старт.

Вскоре землянка опустела. Проводив взглядом взлетевшие самолёты, мы, новички, возвратились назад и занялись изучением района полётов.

А вечером в хату, где мы разместились, зашел капитан в меховом комбинезоне.

Мы вскакиваем:

- Сидите, сидите! - говорит он, проходя ближе к столу и снимая шапку.

- Узнаю в пришедшем рослого, под стать командиру эскадрильи, человека, который рядом с капитаном Сураем молча стоял перед строем, переводя изучающим взгляд с одного лётчика на другого.

- Комиссар эскадрильи, - представился он. - Фамилия - Лещинер, зовут Зиновий.

Положив шапку на стол, вынул кисет и стал набивать трубку. Старцев выразительно посмотрел на трубку и подмигнул Мыльникову.

- Закуривайте, - комиссар протянул кисет. - Вот только бумаги не держу.

Ребята скромно взяли по щепотке табаку. Мыльников оторвал кусок газеты и свернул цигарку толщиной в палец.

- Что бы и на завтра хватило, - пояснил он ребятам.

- Берите, берите, - дружелюбно подбодрил комиссар нашего нахрапистого дружка. - У меня ещё есть пачка "Звезды".

Он высек огонь из зажигалки, протянул ребятам, потом стал раскуривать трубку. Пока он это делал, я поближе рассмотрел его. Интеллигентное лицо, спокойное, доброе, изрезанное легкими морщинками. Голубые, словно незабудки, глаза. Мягкая улыбка с

ямочками около полных губ. Было в комиссаре что-то далекое, штатское и вместе с тем близкое, словно мы знаи его всю жизнь.

- Будем знакомиться! - сказал он, сделав глубокую затяжку. - Начнем с вас, - указал он на Павла. - Расскажите, пожалуйста о себе.

Младший лейтенант Старцев. 1920 года рождения. Работал на Уралмаше. Окончил, как и все мы Пермскую авиашколу. - Павел кивнул на сидевших ребят.

- Родители ваши где?

- Детдомовский я...

- Ясно. А вы откуда? - обратился он к Мыльникову.

- Из Омска я.

- Сибирь-матушка, - заметил комиссар. - Широка и богата, как вся наша страна, и также сильна.

Он сделал глубокую затяжку и закашлялся.

- А что отступали мы долго, так ведь немец пока сильнее нас. Напал внезапно.

- Силу немалую скопил... - включился в разговор Старцев.

- Совершенно правильно вы говорите, - согласился со Старцевым комиссар и потянул трубку. - Почти всю Западную Европу Гитлер ограбил, заставил гнуть спину на войну. Только просчитался он сильно. Россия ему не Бельгия и не Голландия... А главное - Советская Россия. Не внял советам Бисмарка, предостерегавшего немца от войны с Россией.

Мы слушаем комиссара, а он продолжает:

- Территория у нас огромная. Никакая молниеносность нам не страшна. Нынешняя война - это война длительная. Это, если хотите состязание двух систем - социалистической и капиталистической. Войну, что марафонский бег, выигрывает тот кто мобилизовал волю, сохранил ритм дыхания и на весь путь рассчитал свои силы. Силы у нас есть. Воля к победе у народа огромная, его морально-политическое единство крепко, как гранит. Мы обязательно победим, друзья мои! Может не всем придется пройти по парадному ковру победы, но мы победим: иначе быть не может.

Мы согласны с комиссаром. Он замолчал, окинул нас задумчивым взглядом и убежденно сказал:

- Да, да, мы разгромим врага! Вот прочтите на досуге. - Он вынул из кармана, положил на стол брошюру с докладом И. В. Сталина "24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции". Здесь все сказано. Задачи четко сформулированы.

Комиссар подкрепляет свои слова легким постукиванием ладони о стол и смотрит на лампу, вокруг которой кружатся синие нити табачного дыма. Мыльников нарушает короткую паузу:

- Можно вопрос, товарищ комиссар?

- Конечно можно. - У улыбчивых губ комиссара появились обескураживающиеся ямочки. - Отчего ж нельзя? Спрашивайте. Если смогу, то отвечу сейчас. Если нет, то завтра или послезавтра.

- Вы вот здорово обо всем толковали, о нас все узнали...

Мыльников стеснительно прервал речь.

- Говорите, говорите, пожалуйста, - подбодрил его комиссар и опять дружелюбно улыбнулся.

- А о себе ни слова не сказали. .

- Вон оно что! - оживился комиссар. - Понимаю, понимаю. Так это поправимо. - Он посмотрел на часы. - Но поздно уже. Как -нибудь в другой раз...

- А может сейчас? - не отступал Мыльников. - Ребята, чего молчите?

- Время детское, - отозвался Старцев. - Спать все равно рано.

- И покурим опять же по второму заходу, - не упустил случая Мыльников сострить. Он потянулся к кисету.

- Женя у тебя в кармане запасец такой, что на троих хватит, - напомнил друг Старцев о недокуренной папиросе.

Мыльников без стеснения ответил:

- Это НЗ. На утро припасен, - и стал свертывать новую цыгарку.

- Курите, курите, пожалуйста, - улыбаясь сказал комиссар.

Ребята с нескрываемым любопытством смотрели на комиссара. Паша Старцев задумчиво подпер скулы кулаками. Женька Мыльников потихонечку покуривал и отмахивал в сторону едкий дым. Я смотрел на лицо комиссара и ловил себя на мысли, будто бы мы с ним раньше где-то встречались...

Комиссар раскурил трубку, с наслаждением, как заядлый курильщик, затянулся.

- Мне тридцать лет. Родился на Киевщине. В семье нас росло десять братьев. Работать начал с четырнадцати лет на мельнице у кулака. Позже уехал в Николаев, устроился на завод в котельный цех, "глухарем", - так тогда называли котельщиков... В комсомоле с 1928 года. Член партии с 1932 года.

Учился я на рабфаке, на курсах штурманов и в промакадемии. Был пограничником и комсомольским работником. Затем работал в горкоме партии. В августе этого года а Политуправлении Южного фронта получил назначение в наш 210-й авиаполк. Вот коротко и все.

Комиссар аккуратно выбил погасшую трубку, положил ее в карман и, попрощавшись с каждым из нас за руку ушел.

Позже в разных фронтовых ситуациях мы ещё ближе познакомились с комиссаром Лещинером. И всегда он оставался для нас наставником, доступным товарищем, обаятельным и очень обходительным человеком.

Первый боевой вылет

Наконец наступил долгожданный день - 28 декабря 1941 года - день моего первого боевого вылета.

Настроение у меня, как и у всех ребят, было радостное. Совсем недавно начался разгром фашистских захватчиков под Москвой. Враг бежал бросая технику, оставляя наши города и сёла.

Мы сидим в землянке вблизи от стоянки самолётов. Жарко палит печка-буржуйка. На нарах аккуратно постлана солома. Маленький стол, на котором подмигивает походная лампа сделанная техниками из гильзы снаряда.

Немногословный и сосредоточенный капитан Сурай смотрит на карту, развернутую на столе.

- Идете девяткой. Ведущий Раубе - Гуржий. Ведомые: справа - Дорогавцев, слева - Ерошкин.

Напряженно слушаю капитана, ем, как говорится, его глазами, а в голове одна мысль: "Пошлет или нет..."

- Правый ведомый в третьем звене - экипаж Сивкова - Земякова, - слышу свою фамилию.

Вот оно, первое боевое задание, взволнованно думаю про себя и оглядываюсь на штурмана Петю Земякова. Он слегка раскраснелся - тоже волнуется, понимающе кивает и переносит взгляд на карту.

- Задача - бомбить танки противника, на окраине населенного пункта Медведково, вот здесь, - капитан показывает на карте. - Две зенитные батареи противника расположены в пяти километрах севернее цели. Вас прикрывают четыре истребителя И-6 из полка Тараненко. Все! Задача ясна?

Командир группы Иван Раубе отвечает за всех:

- Ясна!

- Выполняйте!

Капитан Сурай выходит из землянки. Командир нашей группы Раубе уточняет боевую обстановку, а ведущий штурман Гуржий - линию боевого соприкосновения. Затем Раубе

объявляет свое решение:

- Идём строем "клин". Делаем над аэродромом своих истребителей два круга. Если "ишаки" взлетают, идём вместе, если нет - одни, без прикрытия.

Он задумывается, глядя на карту, потом говорит:

- Выруливаем на старт по зелёной ракете. Взлёт по одному. Сбор группы над аэродромом.

С напряжённым вниманием слушаем командира группы:

- На цель заходим с левым разворотом. Боевой курс 180 градусов. После бомбометания снижаемся с левым разворотом, уходим домой. Вопросы есть?

Вопросов, конечно, нет.

- По самолётам! - командует Раубе и вместе со штурманом Гуржием выходит из землянки. Следом за ними - все мы, экипажи боевого расчета.

Умрачное утро встречает зябкой тревожной прохладой. Молча расходимся по воим машинам. У моего самолёта техник-лейтенант Королев докладывает:

- Товарищ младший лейтенант, самолёт к боевому вылету готов!

- Хорошо, спасибо, Миша!

Он улыбается в ответ.

Волнуюсь, конечно. Надеваю парашют. Сажусь в кабину. Привычный осмотр приборов и агрегатов, проверка исправности действия рулей. Застегиваю замок привязных ремней.

Штурман Петя Земляков проверяет тем временем подвеску бомб. Залезает в свою кабину. Проверяет пулемёт. Готовит карты.

Все в порядке. Ждем сигнала. Стремительно взлетает зеленая ракета.

Запускаем мотор. Выруливаем на старт. Комэск Сурай уже на старте. Взмахом белого флажка он выпускает каждого из нас в воздух.

Взлетаем. Волнение кончилось. Просто некогда волноваться. Работы в воздухе много и все надо успеть сделать вовремя: после отрыва от земли надо убрать шасси, а потом закрылки, увеличить шаг винта, проверить показания приборов, следить за скоростью и без опоздания сделать первый разворот. Кроме этого, нужно видеть все пространство вокруг.

Вижу самолёт ведущего Раубе и все самолёты группы. Петя делает обзор своей зоны. Прислушиваюсь к двигателю. Работает нормально. Срезая круг, пристраиваюсь к ведущему. Постепенно все самолёты занимают свои места.

Деловито и мерно гудит мотор. В памяти четко встают слова командира группы, которые нам Иван Раубе часто повторял на учебных полётах: "Хочешь жить, держись в строю!"

Стараюсь точно сохранять место в строю. Зорко слежу за самолётом ведущего. Раубе слегка покачивает самолёт с крыла на крыло.

- Внимание!

- Подходим к линии фронта! - говорит Петя по СПУ¹.

У ведущего открылись люки. Даю команду штурману:

- Открыть люки!

Слышу в ответ:

- Люки открыты!

С самолёта ведущего посыпались бомбы. Нажимаю на боевую кнопку. Бомбы летят на танки противника. Все время не отрываю глаз от ведущего. Весь строй, как единое целое, управляемое ведущим, делает левый разворот со снижением, на курс 90 градусов.

Справа сзади видим черные клубки дыма - разрывы зенитных снарядов противника. Чужих истребителей не видно.

Через полчаса - мы дома. Над аэродромом ведущий дает сигнал внимания, делает резкий отворот в сторону. Самолёты эскадрильи расходятся и по очереди заходят на посадку.

---

¹ СПУ - самолётное переговорное устройство.

Произвел посадку, зарулил на стоянку. Здесь уже встречает моторист Иван Михайлов, поздравляет с боевым вылетом и спрашивает:

- Как мотор?

- Нормально, Ваня! Спасибо!

К самолёту подходит комиссар эскадрильи капитан Лещинер.

- Пройдем на правую сторону самолёта, - говорит он.

Мы с Петей Земляковым, ничего не понимая, растерянно идём за капитаном. Обошли самолёт вокруг хвоста, остановились.

- Поздравляю с первым боевым вылетом! - протягивает комиссар руку.

Отвечаю:

- Спасибо, товарищ капитан, - потом спохватившись, чеканю во весь голос, прикладывая руку к шлемофону: - Служу Советскому Союзу!

Рядом на треноге щёлкает фотоаппарат. Комиссар Лещинер широко улыбается.

- Получите на память фотографии, ребята...

Вот и состоялся первый боевой вылет. Ощущение от него - это сложная смесь чувства долга, страха и жажды схватки с врагом. Главным в полёте было не потерять самообладания. Оказалось, что я был готов к этому.

Семья, школа, комсомол, аэроклуб и великолепные командиры-наставники подготовили меня к первому боевому вылету.

Ненависть к врагу, пришедшему на родную землю, - имела и в подготовке к полёту и в самом полёте огромное значение. Это не книжная фраза. В условиях войны ненависть к врагу имеет свой смысл. Она цементирует волю, учит мгновенно принимать решение и четко действовать. Ненависть к врагу мобилизует все силы бойца в единый порыв - победить во что бы то ни стало!

В первый свой боевой вылет я не увидел ещё войны, не понял её смертельной опасности. Разве что заметил клубы зенитных снарядов. Все мое внимание было сосредоточено на ведущем и подчинено одному: точно сбросить бомбы на вражеские танки.

- Разве это война?! - разочарованно сказал я товарищам в землянке после первого боевого вылета.

Иван Ерошкин иронически улыбнулся. А Иван Раубе сурово посмотрел на меня и сказал:

- Погоди, ещё увидишь, что такое война... Воевать нам придется не один день и не два...

В ходе последующих боев узнали мы, как война, словно зазубренным раскаленным лемехом прошлась по жизни миллионов людей, на долю которых выпали жестокие, невыносимые страдания, вырвала навсегда из нашего строя многих и многих боевых товарищей.

Вслед за первым вылетом в этот же день последовало ещё два, а на следующий день ещё три боевых задания.

"Прославился" на всю дивизию

"Лиха беда начало", гласит старинная русская пословица. После первого последующие боевые вылеты проходили значительно легче, почти без напряжения, становились привычными. Нас уже не считали новичками. Летали мы почти каждый день с рассвета до темна.

По-прежнему я внимательно смотрел за ведущим, помня слова Ивана Раубе: "Хочешь жить, держись в строю". И в то же время видел вокруг уже значительно больше.

К разрывам снарядов немецких зенитных орудий мы привыкли после нескольких боевых вылетов. Хотя и не скажу, что слишком приятно, когда ты летишь, а вокруг дымчато-черные разрывы смертоносных клубочков.

- Снаряд зенитки что пуля-дура, - говорит капитан Сурай. - Надо ещё уметь попасть по движущейся цели. Разумным маневром нетрудно уйти от снаряда, главное - увидеть первый

залп. Истребители противника - иное дело...

Перед вылетом капитан Сурай предупреждал:

- "Месеров" много. Обычно делятся на две группы: одна связывает боем наших истребителей прикрытия, другая - атакует нас. Так что необходимо быть готовым в любой момент к отражению атаки.

Мы, уже немного обстрелянные новички, ловим на лету каждое слово капитана, а он продолжает:

- Главное вовремя увидеть противника, не допустить внезапной атаки. А там уже легче: держи плотный строй и защищай огнем товарища. Здесь нужны самообладание, воля и мастерство.

Вскоре мне пришлось убедиться в правоте слов командира эскадрильи.

Хмурым январским днем 1942 года я узнал, что такое немецкие истребители.

... Колко вьюжит мелкая поземка. Очередной вылет. Взлетаем и ложимся на курс. В воздухе густая дымка. Нашу группу из шести самолётов прикрывает четверка истребителей-"ишачков", - как мы между собой называем самолёты-истребители И-16, которые воевали ещё в Испании. Отличные, маневренные, но уже устаревшие самолёты. Они более чем на сто километров в час уступают в скорости "мессершмитам".

Подходим к линии фронта. Минут через пять - боевой курс. Слева впереди уже видна цель - эшелоны на железнодорожной станции Харцизск.

- Слева сверху истребители противника! - докладывает штурман Петя Земляков. - Восемь штук, - уточняет он.

"Вот тебе и настоящая война начинается", - думаю про себя.

- Открываю люки, пока есть время, - говорит Петя. - смотри, уже заходят по четыре справа и слева!

- В клещи берут, стервятники! . .

Нервы напряжены до предела. Всё внимание - строю. Мы на боевом курсе. Ведущий штурман Маша Иванов уже прицеливается. Но в это время слышится дробный треск пулемётной очереди. Петя вместе с другими штурманами отбивается от атак "худых".

С самолёта ведущего посыпались бомбы. Нажимаю боевую кнопку на ручке управления. Все! Дело сделано! Теперь дай, как говорится, бог ноги. А наш ведущий группы - капитан Васильев, командир первой эскадрильи, уже ведет нас со снижением и с разворотом на курс 90 градусов - домой.

Треск пулемёта продолжается. Бросаю короткий взгляд влево назад, вижу ниточки пулемётных трасс, идущих от трёх наших самолётов. Остальные молчат!

- Петя, почему они не стреляют?

- Наверное патроны кончились.

- Как у тебя?

- На исходе, но пока ещё есть. Экономлю сколько можно.

Тем временем огонь прекратили почти все штурманы наших самолётов. А Саша Иванов, штурман ведущего экипажа, при очередной атаке "мессера" высунулся по пояс из кабины и широкими взмахами рук к себе показывает ему: "Сюда, сюда!"

Немец не понимает в чем дело... Огня нет. Он приближается метров на пятьдесят. Тогда Саша выхватывает ракетницу и бьет прямо в лоб фашисту. Тот с перепугу взмывает вверх, а за ним и другие стервятники.

Вот уже и наша земля. Фашисты отстали. Они не рискуют летать над нашей территорией. Мы уходим домой.

Сели благополучно на своем аэродроме. Обмениваемся впечатлениями от первого боя.

- Кажется, живы...

- Хорошо, что "худые" боятся летать над нашей территорией, а то было бы дело дрянь: отстреливаться нечем, кончились патроны.

Впрочем, не всегда фашистские истребители боялись заходить на нашу территорию. Был один случай, когда они отступили о своего правил.

Летели мы как-то на боевое задание. Цель - артиллерия противника - была недалеко от линии фронта. Отбомбились удачно, но после этого на нас навалились около двадцати "мессершмитов". Мы быстро, со снижением, ушли на свою территорию. Но "худые" продолжали преследовать нас, непрерывно атаковали.

У нас кончились боеприпасы. Экономить очень трудно, когда с каждой атакой тебе грозит смерть. И когда во всей группе остался лишь один стреляющий пулемёт, мы уже подумали: "Ну, вот, теперь начнут нас щелкать, как орехи, одного за другим... ". Вдруг сразу все "мессеры" отвалили в сторону.

Когда мы приземлились на своем аэродроме, спрашиваю у командира эскадрильи:

- Отчего "мессеры" как-то непонятно ушли? Наверное, горючее было на исходе?

Капитан Сурай смеется:

Не в этом дело. В стороне, ниже нас шел наш По-2. А у немцев знаешь, есть приказ: кто собьет такой самолёт, награждается железным крестом.

На ПО-2 обычно летали военачальники или доставлялись оперативные сведения. Поэтому "мессеры" и погнались за легкой наживой.

Вот ведь как бывает на войне: один беззащитный ПО-2 спасает восьмерку экипажей скоростных машин-бомбардировщиков.

Только не пришлось фрицам поживиться. Как мы узнали позже, пилот ПО-2, увидев "мессеров", сразу прижался к земле, сел и убежал от самолёта. Гитлеровцы сожгли самолёт, но пакет был доставлен пилотом по адресу почти без опоздания...

Зимой 1941 года потерь в нашем полку было мало. Обстановка на нашем участке фронта была не очень напряженная. Немецкие истребители вели себя довольно осторожно.

Самолёты, на которых мы летали, служили с самого начала войны и изрядно поизносились. Часто выходили из строя моторы. Техникам пришлось много возиться, чтобы держать машины в порядке.

Как-то морозным утром, получив боевое задание, подхожу к самолёту. Техник-лейтенант Королевы докладывает:

- Товарищ младший лейтенант, самолёт к полёту не готов!

- В чем дело?

- Мотор не дает полных оборотов.

Подошел техник звена Новоселов. Вместе с Королевым и Михайловым он ищет причину неполадок в двигателе.

Тем временем наша группа взлетела. Мы остались на стоянке. Уже и старший техник эскадрильи Бабенко подключился к работе. Наконец, минут через тридцать после взлета группы, Королев докладывает:

- Мотор в порядке!

Что делать? О том, чтобы догнать группу, не может быть и речи. Срыв моего вылета был настолько очевиден, что с КП даже не передали об его отмене.

А в голове одна мысль: "Надо обязательно лететь и бомбить врага". К тому времени я уже сделал около пятнадцати боевых вылетов, мог ориентироваться по маршруту, видел цель, результаты бомбежек и кое-что смыслил в тактике бомбардировщиков. Правда никогда ещё не бомбил цель самостоятельно. А испытать свои силы очень хотелось и мне и Пете Землякову. Тут нас осенила идея: а что если слетаем без ведущего и самостоятельно сбросим бомбы по цели? Истребителей противника сейчас нет, да и к тому же, рассуждая формально, никто не отменял нам вылета.

- Петро, цель найдем?

- Конечно!

- А отбомбится точно сможем?

- Думаю, сможем.

- Тогда летим!

Выруливаем на старт. Стартер, не имея других указаний, взмахивает флажком.

Взлетаем. В это время комэск Сурай выскакивает из землянки и, увидев взлет самолёта

с красной цифрой "3" на хвосте, дает вдогонку красную ракету. Мы с Петей сделали вид, что не заметили запрещающего сигнала. Легли на курс к цели. Вскоре встретили своих. Они уже возвращались с боевого задания. Расстояние между нами было достаточно большим, чтобы на наш самолёт не обратили внимания.

Подходим к цели - автомашинам противника вблизи деревни Выскривка. Цель обнаружили. Петя командует:

- Боевой курс!

Изо всех сил стараюсь держать заданную высоту. Но проклятое волнение никак не дает мне точно выдержать режим полёта.

- Что же ты! - кричит Петя вне себя. - Курса держать не можешь! - Он сопровождает свою речь крепким словом. - А скорость, а высота?! Куда же полетят наши бомбы?!

Идем на второй заход не сбросив бомбы. Понемногу успокаиваюсь и стараюсь выдержать все условия боевого курса. Ни зениток, ни "мессеров" нет, но ведь эта тишина может быть коварной...

Наконец, с грехом пополам, бомбы сброшены. Не слишком точно, но терпимо для первого раза. Чтобы "компенсировать" наши неточности, заходим на штурмовку - обстреливаем с малой высоты из пулемётов автомашины.

Вернулись домой. Докладываю командиру эскадрильи о боевом вылете. Капитан Сурай буравит меня глазами.

- Кто разрешил вылет?

- А его никто не отменял, товарищ капитан...

- Не прикидывайтесь дурачком, Сивков! Даже ежу понятно, что лететь одному по меньшей мере глупо. Достаточно одного, самого захудалого "мессера"...

Я молчу. Штурман эскадрильи грозно спрашивает Петю:

- Где бомбили?

Штурман Петя Земляков волнуясь больше чем над целью, показывает точку на карте крупного масштаба.

"Не дай бог, по своим, как было однажды", - невольно думают наши товарищи, присутствовавшие при этом разговоре.

Но, кажется, мы выдержали экзамен своих грозных начальников и, главное, товарищей по эскадрилье...

- Ну, ладно, - цедит сквозь зубы комэск. - Всем быть готовым к следующему боевому вылету. А с вами, - он кивает нам с Петей, - мы ещё разберемся. - И уходит в землянку.

Я отделался "легким испугом", а капитану Сураю чуть было не вклеили выговор.

Так я "прославился" на всю дивизию. Но "холодное" отношение товарищей и особенно мною уважаемого командира эскадрильи были для меня серьезным уроком. В бою нельзя допускать таких вольностей. Так можно наломать дров. Да и кому нужен такой безрассудный риск? Только врагу!

Однажды вечером прибегает посыльный.

- Младший лейтенант Сивков, к комиссару эскадрильи!

- Будет, значит нахлобучка! - замечает Павел Старцев.

Надеваю шинель, шапку и ухожу. Порывистый ветер хлещет в лицо, насквозь пронзает колючим холодом, а мне жарко. Вхожу в командирскую хату.

- Товарищ капитан, по вашему... - докладываю по уставному правилу.

- Отставить! - прерывает меня комиссар Лещинер. - Садись, Гриша.

Сажусь на табурет. Щеки пылают.

- Да ты разденься. А то упреешь...

Снимаю шинель и шапку, вешаю на гвоздь.

Комиссар набивает табаком трубку, чиркает самодельной зажигалкой.

Стою. Осматриваю комнату. Аккуратно застланная кровать. Стул на котором лежит стопка газет. Маленькая кожаная рамочка с фотографиями.

Комиссар высек огонь не торопясь прикурил, глубоко затянулся.

- Садись, садись, - говорит он мне, - в ногах правды нет. Закуривай.
- Спасибо, не курю.
- А я вот никак не могу бросить. Сколько раз пытался и... - он разводит руками. -
Характера, что ли, не хватает... - и опять крепко затягивается.
"Ну, думаю, что-то долго подготовку ведет. Мягко стелет да жестко спать..."
А у комиссара взгляд дружелюбный, улыбочивый. Он спрашивает:
- Письма давно получал?
- Позавчера от отца.
- Что пишут? Как живут? Помощь какая нужна?
- Все нормально, спасибо.
- А я о своих месяц ничего не знаю.
Он пристально смотрит на рамочку с фотокарточками.
- Жинка моя и трое ребят. Трудно ей с ними достается...
Комиссар дымит трубкой, разговаривает доверительно. Понемногу успокаиваюсь, и мысль о нахлобучке покидает меня. Осмеливаюсь и спрашиваю комиссара:
- Какие последние сводки?
Он обстоятельно рассказывает о сводках Совинформбюро, называет по памяти оккупированные врагом города, объективно и оптимистически комментирует фронтовые события.
Угасшая трубка лежит на столе.
- Вот свежие газеты. Страшно злодействуют фашисты. - Голубые глаза комиссары становятся серыми и колючими. - Расстреливают. Вешают. Насилуют. Грабят. С изуверской жестокостью расправляются с коммунистами и комсомольцами.
Внимательно слушаю комиссара. Он смотрит на наручные часы.
- Ого, засиделись мы с тобой, Гриша.
Торопливо одеваюсь.
- На-ка свежие газеты, передай ребятам. И вот тебе ещё партийный устав. Ты ведь готовишься в партию?
- Готовлюсь.
- Так вот, в Уставе, между прочим, и о партийной дисциплине сказано... И вот это ещё возьми, - протягивает он мне брошюру. - Прочти, здесь есть замечательные ленинские слова: "Может ли сотня победить тысячу? Да, может, если сотня дисциплинирована, организована".
Рассовываю газеты и брошюры по карманам.
- Будь здоров! - крепко жмет мне руку комиссар. - Иди, отдыхай. Завтра с утра на боевое задание.
Возвращаюсь к себе. Ребята не спят, дожидаются.
- Ну как, с песочком прошлись? - спрашивает Павел Старцев.
- Это уж как водится, - ухмыляется Евгений Мыльников. - На то оно и начальство...
Отвечаю ребятам:
- Братцы, комиссар свежие газеты прислал.

После боя сердце просит...

Обстановка на фронте тревожная и напряженная. Противник продолжает теснить наши войска. У нас много работы. Невзирая на плохую погоду, делаем в день по несколько вылетов.

Однажды вернулись с боевого задания. Кажется, все в порядке. Ни одной царапины. Погода - сверху смотреть - любо-дорого. Высота и видимость "миллион на миллион". А на посадке... Ох, уж эта проклятая поземка! Нынче разгулялась она на десять метров в высоту. Проваливаешься, как в преисподнюю. Не видно ни зги. Вот и подломал я при посадке хвостовое колесо.

Знаю, не моя вина - погода, все равно неприятно и обидно. Техники и так измотались

до предела, по трое суток не спят, налаживая на морозе изношенные моторы, буквально засыпают на ходу. А тут ещё дополнительный ремонт машины в ПАРМе² капитана Галиндзовского...

В невеселом настроении вхожу в землянку. Привезли обед. Есть не хочется. Скорей бы ужин. С фронтовыми ста граммами и аппетит появится и шум в голове после вылета - не помеха...

Ребята пообедали, отдыхают.

- Шестой уж год я царствую спокойно, - размеренно декламирует Тима Гуржий, сидя на нарах. - Но счастья нет в душе моей, - неожиданно бодро заканчивает он и вдруг вопрошает: - А почему? - Тима хитроватым взглядом обводит ребят. - Да потому, что мы с тобой, Саша, партию в шахматы не закончили. Ведь перед вылетом я тебе шах объявил...

Саша Гуржиев нехотя поднимается из дальнего угла доигрывать неоконченную партию.

Женя Мыльников сидит около раскаленной буржуйки, тихо перебирая струны гитары, мурлычет:

Вьется в тесной печурке огонь,

На поленьях смола, как слеза...

Иван Раубе лирическим тенором подхватывает свою любимую песню.

- Ти-и-и, ти-и-и, - пищит зуммер телефона.

- Слушаю, - говорит дежурный телефонист. А Иван Раубе уже протягивает руку к телефонной трубке.

- Наверное, опять на разведку, - замечает Тима Гуржий, настороженно подняв голову о шахматной доски и забывая сделать очередной ход.

- Проверка связи, - виновато сообщает дежурный связист, понимая, что он вместе со своим телефоном нарушил установившуюся на минуту почти мирную идиллию...

Ребята продолжают заниматься каждый своим делом. Но уже не покидает состояние тревожной готовности к очередным боевым вылетам.

В те дни в эскадрилье постоянно дежурили два лучших экипажа-разведчика Раубе - Гуржий и Ерошкин - Франчук. Им часто приходилось в сложных метеоусловиях зимы летать на разведку вражеских позиций.

Однажды поздним вечером прямо с аэродрома подъезжаем на полуторке к столовой. У входа стоит Корецкий наш фронтовой почтальон.

- Сивков, письмо!

В руках у меня треугольник, сложенный из листка ученической тетради. Узнаю крупный обстоятельный почерк отца. Развертываю письмо здесь же, около столовой, жадно выхватываю каждое слово.

Подходит Иван Раубе.

- Весточка от родных?

- Отец прислал.

- А мне вот писать некому...

Иван тяжело молчит, потом с ненавистью:

- Заживо сожгли все село ээсовцы. И моих тоже.

В душе у меня все клокочет. Но я молчу: в таких случаях словом горю не поможешь.

Иван просит:

- Может вслух считаешь, а?

- Какой разговор?

Читаю. Тятя спрашивает о моих фронтовых делах, рассказывает о матери, братьях, деревенских буднях, назидательно советует не подставлять голову под шальную пулю. А в конце письма приписка: "Гоните фашистов в шею! Бейте их так чтобы земля горела под их

---

² ПАРМ - полевая авиаремонтная мастерская.

ногами!"

Иван оттаял немного, заметно волнуясь, говорит:

- Напиши ему от меня: обязательно прогоним гадов и добьем. Костями ляжем, а добьем в их же логове.

После ужина тороплюсь на квартиру, чтобы написать ответ отцу и Николаю Семерекову, весточку от которого получил накануне.

А неделей спустя "наш Корецкий", улыбаясь, опять протягивает мне потертый конверт, на сей раз от брата Александра. Сам не знаю, каким образом письмо сохранилось у меня по сей день, словно памятная реликвия о суровом времени минувшей войны.

"Здравствуй, дорогой брат Гриша!

Прежде всего спешу сообщить тебе, что письмо твое получил сегодня и сегодня же пишу ответ. Затем поздравляю тебя с первым боевым вылетом и надеюсь, что к моменту прихода этого письма ты успеешь благополучно сделать не один десяток вылетов и как следует ударить по кумполу зарвавшихся оккупантов. Я по-прежнему с братом Иваном работаю на том же заводе, оказывая всемерную помощь фронту. Вместе со мной, в одном цехе, работает моя жена - Дуся. Геня все ещё ходит в детсадик, а в этом году осенью надо будет отдавать в школу, потому как летом ему исполнится уже восемь. В деревню ездить приходится очень редко, так как работаем и в выходные дни. Не знаю, известно ли тебе, что отец осенью сломал ногу и после этого долго лежал в постели. Сейчас нога срослась, но как-то не особенно благополучно - ходит на костылях, да и то, видимо с трудом, хотя, может, сейчас уже становится лучше. Я уже упоминал, что ездить к ним приходится редко, Иван с Зоей бывают чаще, но и те уже давно не виделись с отцом. За последние дни здесь стоят большие холода от 30 до 42 градусов. Наверное сейчас так же холодно и на фронте. Живем здесь хорошо, только трудно достать табаку. В заводе хотя и выдают, но очень мало - одну-две восьмушки в месяц, а так достать негде, спиртные напитки отсутствуют, нет даже пива. Правда, недавно в городе продавали разливную водку, но достать не удалось, да и не обязательно, вот насчет табачку-то потруднее.

Ну, пока достаточно. Остаемся все живы и здоровы. Бывай и ты здоров. Гриша, ответь по возможности поскорее.

Твой брат Александр.

Привет от Дуси, Гени, а также от всех родственников. "

Письма... Фронтовые письма!. . Как мы их ждали!. . Как всегда несказанно радовались каждой весточке из далекого и близкого тыла. Теплом родного очага отдавали письма и постоянно поддерживали в наших сердцах огонь лютой ненависти к заклятому врагу. Правда, приходили они не часто и е всегда находили своих адресатов... И не все ребята получали письма. С оккупированной территории не было, да и не могло быть вестей. Но их все равно терпеливо ожидали и верили в то, что они непременно придут... Письмо, присланное одному, становилось радостью для всех, его читали вслух, сообщая разделяли и горькие и приятные вести. Очень жаль, не сохранились эти письма далеких военных лет. Мы не думали тогда о мемуарах, не заботились о личных архивах. Все заслоняли и поглощали фронтовые будни. Все наши мысли и действия были подчинены тогда одному: как можно скорее выгнать фашистских захватчиков с родной советской земли.

С "фанеры" на "чугунку"

Зима 1941/42 года в Донбассе была лютой и вьюжной. Нередко приходилось расчищать от снежных заносов взлетно-посадочную полосу аэродрома и освобождать самолёты от сугробов. Летать приходилось много.

Немцы на нашем участке фронта накапливали силы для летнего наступления 1942 года. Чтобы разгадать замысел противника, необходимо было систематически вести разведку вражеских войск с воздуха.

По-прежнему наши первоклассные разведчики (экипажи Раубе - Гуржий и Ерешкин -

Франчук) каждую минуту ожидали телефонного звонка, чтобы получить очередное задание на разведку. Ежедневно они вылетали по первому сигналу командования, а в особенно напряженные дни им помогали экипажи Карабута Гапышко и Морозова - Кореня.

Нередко разведчики обнаруживали танки или колонну автомашин, артиллерию или железнодорожные эшелоны противника. Тогда нам поступала боевая задача уничтожить вражескую технику и войска, пока те не успели перегруппироваться и приготовиться к очередному броску.

Рабочие коллективы авиационных заводов, перебазировавшиеся вместе со станками и оборудованием в тыл, на восток, самоотверженно и в предельно короткие сроки военного времени осваивали на новом месте выпуск новых самолётов. Но мы их пока не получали. А наши самолёты-ветераны, прошедшие через много боев, как старые бывалые солдаты, носили многочисленные следы шрамов от заживших ран.

Две девушки, работницы ПАРМа - Зина Новоселова и Лена Ковалева, - словно медицинские сестры, залечивали раны-пробоины в крыльях и фюзеляжах самолётов. Но несмотря на девичью ласку и заботу, натруженные сердца моторов-ветеранов понемногу начинали сдавать. А летать нам было необходимо. Так требовала напряженная обстановка на фронте. Выручали самоотверженные труженики фронтовых аэродромов - инженеры и техники, механики и мотористы. В мороз, ветер, в сильные снегопады они под открытым небом упорно лечили моторы самолётов, в срочном порядке заменяли двигатели, отработавшие положенное время.

В любой момент мотор самолёта должен быть готов к запуску. И техники, накрыв ватными чехлами двигатели, непрерывно в течение суток подогревали их специальными лампами АПЛ, похожими на огромные, около метра высотой примусы.

Однажды у такого подогревателя дежурил молодой, только что прибывший в полк моторист. (Не помню уже сейчас его фамилию. Известен он был всем нам тем, что всегда грезил математикой. На фронт он ушел с физико-математического факультета университета.) Парнишка так умаялся, что, стоя у лампы, заснул и не заметил, как на нем загорелась одежда.

Старший техник звена Иван Лупов ему кричит:

- Горишь!

Тот во сне не слышал. Иван бросился на помощь. Все кто были поблизости, тоже подбежали и стали сбивать пламя. Моторист очнулся, кинулся в снег. С трудом потушили тлеющую одежду. Парень получил небольшие ожоги и через несколько дней снова был на аэродроме.

В один из сумрачных зимних дней техник по вооружению Сергей Малютенко проявил отвагу и находчивость, спасая людей и самолёты на стоянке.

Мела пурга. Техники как всегда возились у самолётов. Вблизи одного самолёта лежали два комплекта стокилограммовых бомб. Оружейник, устанавливая на турель пулемёт после очередной чистки, нечаянно нажал на боевую гашетку. Раздался треск пулемётной очереди. Все подняли головы и увидели... горящую бомбу.

Зажигательная пуля пробила железную оболочку фугасной бомбы, загорелся тол. Из пулевого отверстия в бомбе бьет струя пламени. Размышлять некогда. Бомба обязательно взорвется, когда достаточно нагреется, а за ней и вся куча бомб.

- Полундра!

Все бросились врассыпную. Один Сергей не растерялся. Подскочил к бомбе и закрыл горящее отверстие перчаткой, самой обыкновенной, кожаной!

Пламя погасло. Опасность миновала. А ребята лежат в снегу, ждут, вот-вот рванет... Потом медленно, один за другим поднимают головы, встают и подходят к Сергею.

- Молодец, Серега! Спасибо!

Командование наградило Сергея Малютенко медалью "За отвагу".

- Серега, ты молодец, - сказал Иван Ерошкин.

- Чего уж там, - скромно отмахнулся Сергей, подумаешь дело какое. Не в воздухе же...

Но мы напомнили ему, между прочим, что он и в воздухе бывал, и в схватках с "мессерами", как с той бомбой, не терялся.

Наши войска провели успешную операцию местного значения и очистили от врага небольшой район. Впервые наш полк перебазируется на освобожденную территорию на аэродром Лоскутовка.

Население с ярой ненавистью отзывалось о немецко-фашистских захватчиках.

- Самые лучшие здания разрушили!

- Конюшню устроили в школе!

- Поселок загадили, не отчистишь за год!

- Бедную мою, единственную доченьку Ганночку чести лишили! .

Среди обугленных останков бывших домиков высятся остывшие черные трубы. Чернотой зияют проемы окон в коробках разрушенных кирпичных зданий. Мертвая пустота, уныние и скорбь. Лютый зверь - фашист неистовствует на нашей родной земле. Сколько невинных жертв: детей, женщин, стариков! Сколько советских людей фашисты повесили, расстреляли, замучили в застенках гестапо!

Иван Раубе ходит почерневший, злой.

- Ну, погодите, жабы ползучие, - говорит он. - Будет и в нашем хуторе праздник! Мы очень хорошо понимаем душевное состояние своего любимца и решаем, каждый про себя:

- За все муки и страдания отомстим врагу! Дай только срок...

Аэродром Лоскутовка находится вблизи линии фронта, в зоне досягаемости дальноточной артиллерии противника. Мы помогаем своим наземным войскам удерживать занятый рубеж, делаем по несколько боевых вылетов в сутки.

Однажды самолёты-разведчики противника засекли наш аэродром. Это было утром, а в середине дня начался артиллерийский обстрел. Вражеские снаряды рвутся вокруг стоянок самолётов. Невзирая на опасность для жизни техники не оставляют свои места у боевых машин.

К вечеру обстрел аэродрома усиливается. На рассвете следующего дня полк вынужден перебазироваться подальше в тыл.

И мы снова продолжаем свою работу.

В одном из вылетов поврежден самолёт капитана Сурая. Совсем немного не дотянул капитан до своего аэродрома. Пришлось идти на вынужденную посадку, садиться прямо в поле. Да тут, как назло, ещё был овраг...

Экипаж получил серьезные ушибы и с места аварии был доставлен в госпиталь. Нам даже не удалось попрощаться со своим любимым командиром. А расстались мы с ним ни много ни мало - почти на тридцать лет... Сейчас, когда пишутся эти строки, уже известно, что после госпиталя капитан Сурай попал в другой полк и успешно воевал, а теперь живет в Ростове - на - Дону. И, кто знает, пока пишется и будет издаваться эта книга, мы, может быть, увидим нашего боевого командира эскадрильи на очередной встрече ветеранов полка 9 мая, в день Победы.

На место капитана Сурая был назначен старший лейтенант Саша Павличенко тоже опытный и отважный лётчик Но его вскоре отзывают на учебу в академию. А вслед за ним убывает из полка Иван Ерошкин. Сбылась наконец, давнишняя мечта Ивана, он перешел в соседний истребительный полк. Теперь мы с ним видимся изредка в воздухе, когда "наш Иван" идёт в группе истребителей прикрытия на самолёте И-16.

Мы продолжаем летать по очереди: самолёты тают, как снег. К весне в полку оставалось не более десятка боевых машин.

Ребята стали неразговорчивыми, ходят сумрачные, злые.

- Скоро совсем не на чем будет летать!

Наш "батя" - майор Ильенко, временно исполняющий обязанности командира полка, тоже посуровел и помрачнел. Но вот однажды утром мы увидели его в приподнятом настроении. Может получаем с завода пополнение самолётов?

Утро раннее, весеннее, тронутое легким морозцем. Снежные островки податливо

испаряются под лучами яркого солнца. На аэродроме, перед строем полка, майор Ильенко объявляет:

- Получен приказ передать оставшиеся самолёты соседнему полку...

"А сами на чем будем летать?" - вихрем пронесется в голове у каждого из нас. Затаив дыхание, слушаем дальше:

- Всему составу полка приказано выехать для переучивания на пилотирование новых самолётов - бронированных штурмовиков Ил-2.

С неописуемым волнением и радостью восприняли мы эту новость.

- Штурмовик - это же "чугунка", а не "фанера"!

- У него двадцатимиллиметровые пушки!

Действительно, новый для нас самолёт-штурмовик выгодно отличался от ближнего бомбардировщика СУ-2 с деревянным фюзеляжем. На Ил-2 мотор, бензобак и лётчик были надежно защищены броней. А кроме бронекорпуса, пушек, пулемётов и бомб, самолёт-штурмовик имел ещё восемь ракетных снарядов под крыльями. Ни один самолёт в мире не имел тогда такого мощного вооружения и бронезащиты, как наш Ил-2!

На следующее утро, после прибытия к месту назначения, начали мы изучать конструкцию самолёта и двигателя, оборудование и вооружение.

- А самолёт-то ведь одноместный...

Прощайте друзья-штурманы. Теперь всю работу в воздухе лётчик должен выполнять один за двоих, без штурмана. Ново, интересно, хотя и трудно. Справимся ли?

Вскоре начались тренировочные полёты. Самолёт прост в пилотировании. Только вот жарко в кабине...

В полк прибыли два лётчики из седьмого гвардейского полка, воевавшего на штурмовиках с начала войны. Они рассказали нам, как ориентироваться на малой высоте, как использовать холмы и овраги, чтобы неожиданно для врага выходить на цель и поражать её, пока тот ещё не успел открыть зенитный огонь.

- Главное - внезапность, - говорили они. - А для этого нужно летать по оврагам и балкам, использовать рельеф местности.

Выслушав советы друзей-гвардейцев, продолжаем тренировочные полёты. Новый командир полка ставит задачу:

- Будем летать по большому кругу, на бреющем полёте, но... не ниже двадцати пяти метров, - добавляет он для осторожности.

Летаем пока на одном самолёте. Подошла моя очередь.

Взлетел. Иду, как приказано. А левее аэродрома - два больших оврага, справа - глубокая долина вдоль речки. "Эх, думаю, попробую, как учили гвардейцы"... Снизился и в овраг. Потом перескочил деревню и опять в овраг. Высота пять-семь метров. Аэродрома не вижу, значит, думаю, и меня тоже не видно с земли.

Произвел посадку. Докладываю:

- Задание выполнено!

Командир полка спрашивает:

- На какой высоте летал?

- Летал по инструкции: бреющий полёт от пяти до двадцати метров...

Ругать меня командир полка не стал, а только сказал:

- Для начала надо быть поосторожней.

Переучивание закончено в кратчайшие сроки. Мы получили полный комплект боевых самолётов-штурмовиков и 26 мая 1942 года с рассветом вылетели на фронтной аэродром.

И снова в бой!

Первый тур

Только приземлились и зарулили к отведенным местам на стоянке самолётов, тотчас слышали команду:

- Летный состав на КП полка!

Командир полка докладывает командиру дивизии полковнику Гетьману:

- 210-й штурмовой авиаполк прибыл в полном составе. Лётчики собраны для получения боевой задачи.

Волевой, энергичный человек в кожанке, словно танк, приземистый и плотный, обращается к нам, отчеканивая каждое слово:

- На нашем участке фронта противник сосредоточил огромные силы, готовится к наступлению. Все дороги, ведущие к фронту, забиты его автомашинами, артиллерией, танками и пехотой. - Полковник обводит острым взглядом строй лётчиков и с металлическими, звенящими нотками в голосе продолжает: - Ваша задача: бомбить и штурмовать войска и технику противника на дороге Лозовенька - Протопоповка. Для передачи боевого опыта сегодня будут ведущими групп представители седьмого гвардейского полка.

Командир дивизии передает слово ведущим групп.

- Идем колонной звеньев, на бреющем полёте, - уточняет ведущий нашей группы. - Заходим на цель с запада с выходом на свою территорию без разворота. Это на случай повреждений. Огонь зениток будет сильный. Над территорией противника закрыть маслорадиатор, - напоминает он.

Мы понимаем : бронезаслонка предохраняет маслорадиатор самолёта от вражеских пуль.

- Запуск и выруливание немедленно! По самолётам!

Быстро идём к своим штурмовикам. Меня догоняет Сергей Корниенко.

- Ты идёшь во второй группе. Дай свой планшет. Я не успел проложить маршрут.

Наша группа взлетает через полчаса. Подготовить карту Сергея вполне успею. Снимаю с плеча мой увесистый толстый планшет. Сережа отдаёт мне свой. В его глазах грусть. Он окидывает взглядом голубое чистое небо, сочную сверкающую росинками майскую зелень травы и со вздохом говорит:

- Веришь, так не хочется сегодня лететь...

Я, хотя и не суеверен, но молчу.

Сергей продолжает:

- Да, понимаю, надо: если я не полечу, ты не полетишь, третий не полетит, кто же тогда прогонит немца? А он, проклятый, и так почти пол-России прошел...

Шагов пять идём молча. Он поворачивает к своему самолёту. Я иду дальше.

Первая группа взлетает звеньями и, не делая круга над аэродромом, уходит на запад.

Проходят томительные минуты. Наконец Иван Раубе круговыми движениями руки сигналил:

- Запуск!

Взлетаем. Впереди звено гвардейцев. За ними два звена нашей эскадрильи. Легли на курс.

Первый боевой вылет без штурмана. Надо внимательно вести ориентировку. Правда линия фронта хорошо заметна - идёт по реке Донец, но все же...

Вот и зелёный массив леса. Скоро Донец. Команда ведущего:

- Подходим к линии фронта. Приготовиться к атаке!

Откидываю колпачки боевых кнопок. Даю полный газ. Вслед за ведущим прижимаемся к земле. Разворот влево. Ещё разворот, и перед нами дорога, сплошь забитая вражескими войсками и техникой.

- Начали!

Самолёты один за другим подсакивают кверху метров на пятьдесят-семьдесят и со снижением переходят в атаку.

Прицеливаюсь и жму обе гашетки. Снаряды ложатся рядом с машинами. Повторить! Так, уже лучше. Нажимаю кнопку, но РС (реактивный снаряд) не летит. В чем дело?

- Тьфу, черт. Вместо снаряда бомбы сбросил...

Все равно считается! Взорвутся через двадцать три секунды. Прицеливаюсь и снова жму на вторую кнопку. Шваркнули Рсы. Здорово! Фашистский фургон разлетается вдребезги.

Маневры - один за другим, только успевай поворачивать тяжелую машину. Жарко, но не до этого сейчас. Справа и слева что-то сверкнуло... Не понял. Проскочил. Может быть, это те самые "эрликоны" - малокалиберные зенитки, о которых рассказывали гвардейцы? Огонь их страшен для самолётов, идущих на малой высоте.

- Ага, вот и "мессеры" пожаловали. Атакуют первое звено.

Иван Раубе тут же даёт по ним очередь из пушек. "Мессерам" не понравилось. Они отвалили - и вверх. Заходят сзади, бьют по третьему звену. Что там сзади? Не вижу. Доворот влево. "Худые" после атаки уходят вверх. "Кто-то горит. Это Мыльников".

- Женька, прыгай!

Впрочем, всё равно бесполезно: высота мала... Впереди Донец, а за ним лес - наша территория. Евгений Мыльников не успел дотянуть...

Мы уже над лесом. "Худые" ушли. Гляжу на манометр, показывающий давление масла. Стрелка на нуле. Очевидно пробита маслосистема. Надо немедленно садиться, пока не заклинило мотор.

"От немцев ушел, думаю, а тут из-за такого пустяка гробанешься"...

Впереди справа, рядом с пашней зеленеет луг. "Доворот. Шасси! Убрать газ! Так. Спокойно. Вот и земля".

Самолёт остановился. Мотор выключен. Нехотя закончив последний оборот, замер винт. Тишина... Звон в ушах. Открыл фонарь кабины. Снял шлемофон. Приятно пахнуло легким ветерком. Жаворонок звонко заливается над самой головой, будто и нет войны...

Вылез из кабины, осмотрел самолёт. Маслопровод пробит. Видимо в спешке я забыл закрыть бронезаслонку радиатора, когда пролетал над вражеской территорией, и в него попала пуля.

Замотал изоляцией маслопровод. Провозился, правда долго. Можно бы и лететь. Бензин ещё остался, а вот масло всё вытекло.

Стою, соображаю, как быть. Откуда-то появляются двое парней.

- Где тут поблизости наши есть?

- А вон там, - указывают они на выглядывающую из-за леска деревню.

Оставляю их сторожить самолёт. Иду в деревню. Там, оказывается, батальон аэродромного обслуживания.

- Сала нема, масла сливочного нема, а смазочное получайте!.. - сказал инженер-капитан, белый как лунь, пожилой человек. - Целую канистру.

- Куда мне столько?

- Берите, берите. Запас карман не тянет...

Взял я канистру и направился к самолёту.

- Погоди, провожу.

Пошел за мной инженер-капитан. Залили масло в бачок. Можно взлетать. Но уже опустились сумерки. Пришлось переночевать в "хозяйстве" седого капитана. А утром чуть свет - к самолёту. Наши истребители почти над нами ведут с "мессерами" бой.

Стоим с инженер-капитаном, наблюдаем. Наш "ишачок" загорелся. Из него выпрыгнул лётчик. Немцы его не заметили. Продолжался бой. Раздавались очереди самолётных пушек.

Купол самолёта снесло в нашу сторону ветром. Лётчик приземлился, быстро собрал парашют и к нам подбежал. Парень лет девятнадцати, во всем новом обмундировании, видно, только из летной школы.

- Старший сержант! - представился он и назвал свою фамилию, я точно не разобрался какую.

Инженер-капитан пригласил его к себе в часть. На что парень сказал:

- Мне бы скорей в полк.

- Как вам угодно. Автомашина будет только к вечеру.

Лётчик умоляюще глядел на меня.

- Полежай в фюзеляж! До своего аэродрома подвезу. А там сам доберешься.

Он скрылся в люке. А я, попрощавшись с гостеприимным инженер-капитаном сел в кабину.

Запуск. Взлет. Летим домой. Прошли половину пути. Вдруг мотор стал давать перебои. Впереди по курсу вижу площадку посреди поля. Повезло! Убираю газ и сажусь прямо перед собой, без доворотов.

Вылез из кабины, помог выбраться своему "пассажиру". Тот с нескрываемым волнением спрашивает:

- Нас подбили?

- Нет, мотор что-то забарахлил.

Пока мы со старшим сержантом соображаем, что делать, самолёт обступили подбежавшие колхозники.

- Что случилось? - спрашивает заросший щетиной мужик в пиджаке, левый рукав которого заткнут плотно в карман, и, не дослушав ответа, машет единственной рукой девочке: - Гапка, живо за харчем!

Девочка вскоре возвращается с бидоном и караваем хлеба. Мы со старшим сержантом сидим в кругу деревенских жителей, пьем молоко и рассказываем, что с нами случилось.

По дороге пылит грузовик, сворачивает на поле и подъезжает к нам. В кузове автоматчики. Из кабины выпрыгивает кто-то вроде знакомый.

- Иде ж фрицы? Вже ж пиймалы?

Узнаю своего бывшего командира эскадрильи Ищенко.

Он уже майор. Поднимаюсь, докладываю, как положено. Он тоже меня узнает, хватает в охапку.

- Такой крепкий, чертяка, став, - улыбается он. - Поихали до мене в полк. Подкрепимся трохи. Мы тут рядом, на ПО-2.

- Спасибо, товарищ майор! Не могу: почти двое суток отсутствую. В полку наверное волнуется.

Майор Ищенко соглашается со мной:

- Дело прежде всего.

- Да вот мотор завести нечем. Сжатого воздуха в баллоне нет. .

- Стартер пришлю! Бувай здоров! Мабуть, ишо повидаемось...

Мы продолжаем в кругу колхозников допивать из бидона молоко, как вдруг слышится дробный перестук копыт. Подъехали верхом на лошадях две женщины. Одна из них начальственным тоном спрашивает:

- Немцев поймали?!

- Поймали, поймали, отвечаем мы с юным лётчиком под дружный хохот колхозников.

Женщина смутилась, старается удержать непослушную лошадь, потом тоже задорно смеется и, спохватившись разом, строго кричит:

- Работать пора!

Она круто поворачивает лошадь и мелкой трусцой удаляется к деревне.

- Председательша наша, - поясняет мужик а пиджаке с пустым рукавом. - Не баба, а конь...

Не спеша расходятся колхозники. Мы остаемся наедине с деревенскими мальчишками. Утоляю ребячье любопытство рассказами о войне.

Подъехал обещанный майором стартер. Присоединяем хобот стартера к храповику винта. Пытаемся завести мотор. Не получается. Соображаем, в чем причина. Словно из-под земли появляется дед лет семидесяти, с окладистой бородой и совершенно лысой головой.

- Поймали немцев? - деловито спрашивает он.

- Не немцы это, а свои! - хором отвечают ему ребяташки.

- Иван! - кричит дед. - Выходи, это свои!

Из кустарника появляется парнишка лет тринадцати-четырнадцати с вилами в руках.

- Зазря тревогу подняли, говорит водитель автостартера. - Свой самолёт за вражеский приняли.

Догадываюсь, что произошло. Летели мы на рассвете, мотор работал с перебоями. Звук его был похож на звук немецкого самолёта. Вот нас и приняли за немцев. Все село всполошилось. На ноги подняли даже квартировавших в селе лётчиков.

Случай этот с поимкой "немцев" был смешной, а в ту пору сплошь и рядом бывало, что жители деревень ловили и настоящих немецких лётчиков и диверсантов.

Призыв "Смерть немецким оккупантам!" стал руководством к действию для многих миллионов советских людей, бдительность которых была чрезвычайно высокой.

В этом первом боевом вылете 26 мая 1941 года на Ил-2 меня впервые подбили, приняли даже за немца и заживо в полку похоронили. Когда прилетел на свой аэродром, доложил командиру, что и как со мной случилось. Выходу из землянки, а Зина Новоселова с удивлением смотрит на меня.

- Гриша, живой, невредимый?!

И вдруг в слезы.

- А Жени нет... майор вчера сказал, что и ты погиб...

- Да вот жив пока...

Рассказал ребятам как погиб Женя Мыльников. От низ узнал, что в тот же день не вернулся с боевого задания и Сергей Корниенко. Его самолёт был сбит вражескими "эрликонами". Погиб Сергей в этот день, словно оправдывая предчувствие своего сердца-вещуна. Как память, у меня и по сей день хранится его планшет, с которым прошел я дороги войны.

Все однополчане трудно переживали гибель товарищей, с которыми бок о бок штурмовали и бомбили ненавистного врага. Ребята становились сумрачными, немногословными, рвались в бой, чтобы отомстить за смерть своих боевых соратников. Вместе с другими я тоже тяжело переносил преждевременную смерть своих друзей. Мне как-то не верилось, что не стало рядом веселого и остроумного Сережи Корниенко, что никогда уже больше не услышу озорного смеха и метких острых слов моего старого друга по Пермской авиашколе Жени Мыльникова.

Гнетущее горе отодвигалось лишь во время боевых вылетов и с новой силой, точно волна, наплывало после возвращения с задания.

Немецко-фашистские войска уже без всякой маскировки как саранча, накапливались вблизи линии фронта. Их прикрывали многочисленные зенитные батареи на земле, а в воздухе охраняли "мессершмиты", атаковавшие нас в каждом боевом вылете. Летать было опасно, но необходимо. И каждый день кто-нибудь из товарищей по полку не возвращался с боевого задания.

Вот короткая хроника потерь в те дни.

27 мая. Не вернулся с задания младший лейтенант Николай Вожаков. Молодой пилот каких было много в полку.

28 мая Погиб лучший в полку лётчик всеобщий любимец, заместитель командира эскадрильи, старший лейтенант Иван Раубе, Мой фронтной учитель. Погиб в неравной схватке с вражескими истребителями командир звена лейтенант Дмитрий Клемагин.

2 июня. Погиб командир звена, лейтенант Петр Рябчун. Исключительных способностей лётчик. Тяжело раненый, возвращаясь с задания, не долетел двух километров до аэродрома. Поврежденная тяга руля высоты не выдержала...

12 июня. Погиб командир эскадрильи, старший лейтенант Соломон Арончик, большой жизнелюб и отважный человек.

А оставшиеся в живых клялись отомстить за погибших товарищей, точно сбрасывали бомбы на вражескую технику, поливали свинцом пехоту противника, наводили страх и ужас на хваленые вражеские дивизии, а минуты коротких передышек горько переживали, вспоминая навечно выбывших из строя однополчан.

Полк продолжал применять гвардейскую тактику бреющего полёта. Особый эффект эта

тактика давала при штурмовке вражеских аэродромов.

Наряду с другими родами войск, противник сосредоточил в Донбассе на аэродромах большое количество авиации, особенно самолётов-бомбардировщиков. Вражеских зенитных батарей на аэродромах было значительно больше, чем на шоссе и проселочных дорогах. В любой момент могли взлететь "мессершмиты". Но надо было во что бы то ни стало громить в первую очередь эти осиные гнезда.

- Мы знаем, что посылаем вас в пэкло, - металлическим голосом говорит командир дивизии Гетьман. - И вы должны это пэкло погасить!

Мы вполне осознаем, почему наш комдив идёт на смертельный риск: это неотложная необходимость.

Прилетевшие экипажи самолётов-разведчиков докладывают:

- На Артемовском аэродроме скопление вражеских самолётов.

В томительном ожидании боевой задачи. Наш новый командир эскадрильи Вениамин Васильев на КП полка. Васильев помоложе, но тоже с богатым боевым опытом. Он кажется нам помягче капитана Сурая. Возвращается комэск с КП озабоченный.

- Задача не из простых, - говорит он. - Если не достигнем внезапности, перебьют нас как куропаток. От аэродрома до линии фронта полсотни километров. Идем завтра рано утром, пока не проснулись фрицы.

Наутро, чуть забрезжил рассвет, вырливаем на старт. Мокрая, белесая от росы трава. Четко видны темные полосы от колес самолётов. Земля хорошо просматривается до горизонта.

Можно взлетать. В отличие от предыдущих вылетов ведущий не включает радиопередатчика. Это тоже делает он для достижения внезапности атаки.

Солнце ещё не выплыло из-за горизонта, а мы уже горкой выскакиваем с юга на вражеский аэродром. Разомкнутым на большие интервалы строим, словно кавалерийская лава с клинками наголо, врываемся в логово врага. Как звенящая сталь сабель, брызжут, кромсая направо и налево, трассы пушечных очередей. С шипящим свистом вырываются из-под крыльев огненные смерчи ракет.

Нашим крайним звеньям в этот раз особенно повезло. Они проходят вдоль рядов вражеских самолётов и успевают поджечь каждый по одному, а то и по два "юнкерса". Я оказался в центре строя. И мне невольно пришлось пролетать не вдоль, а поперек линии стоянки вражеских самолётов. Проскочил не успев прицелиться. Стрельнул только в самый последний момент и, кажется неудачно. Вижу, как посередине аэродрома вырлиывает "хейнкель-111". "Ага, дубина, попался... Помню тебя ещё с Чадыр-Лунги..." Сбрасываю на него бомбы, взорвутся они позже... "Попал или мимо?" - вихрем проносится в сознании, и мгновенно приходит решение идти на второй заход.

Глубокий разворот влево. Сделать надо полный вираж на 360 градусов. Невольно хочется пришпорить, как коня, самолёт. Но неумолимые законы механики заставляют стоически выдержать двадцать три секунды виража, показавшиеся мне под дулами фашистских зенитных орудий целой вечностью.

Блеснула первая трасса "эрликонов". Треск в крыле. А я уже прицеливаюсь по самолёту продольной стоянки. До него ещё довольно далеко, но я уже бью... Внизу много самолётов, они все в зоне прицела. В какой -нибудь обязательно попадут мои снаряды. Но надо все же поточнее. Так, хорошо! Вижу разрывы в стыке крыла и фюзеляжа немецкого самолёта. Но не горит стерва. Жму на гашетки и не отпускаю, пока не проскакиваю цель. В последний момент успеваю заметить пламя. "Ага, все - таки загорелся! Хорошо!"

Пора домой. Отворачиваю вправо, курс 90 градусов, пониже... Смотрю на горизонт: где же наши? Одному всегда плохо. Велика опасность встречи с "мессершмитами"...

На горизонте заметил какие-то точки. Очевидно, это наши самолёты. Форсаж и мчусь вдогонку. Увлёкся и проскочил главный ориентир - реку Донец, принял её за Луганку.

Самолётов своих не догнал и время не отметил. Понял, что заблудился. "Курс на север, говорю себе, выйду на Донец и по реке найду свой аэродром".

Делаю разворот влево.

Проходят три, пять, семь минут, а реки все нет. Показались меловые горы. Все ясно Донец остался позади. Беру курс 180 градусов. Глубокий овраг тянется на юг и вдали блеснула полоска реки.

Смотрю на карту. До аэродрома, кажется, лететь минут семь. Но, похоже не хватит горючего. Под самолётом - овраг. На всякий случай отворачиваю левее и лечу над полем.

И вдруг разом стихло... Кончилось горючее. Винт, слегка шипя, медленно вращается, как крылья мельницы. Мотор уже не работает. Высота 400 метров.

Легкий озноб. Машинально выпускаю шасси и сажусь на колеса в поле. И снова чудом мне повезло: произошло это в двух километрах от аэродрома соседнего полка.

"Вынужденная посадка вследствие потери ориентировки" - так это звучит официально.

В мой полк, конечно, тут же сообщили о случившемся. А самолёт отбуксировали на аэродром и заправили горючим.

Спрашиваю командира приютившего меня полка:

- Разрешите лететь?

- Долетишь?

- Смогу...

- Смотри, если опять потеряешь ориентировку, то не миновать гауптвахты...

На свой страх и риск он выпустил меня. Я благополучно прилетел на свой аэродром. Приземлился, заруливаю на стоянку. Техник самолёта Королев, мотористы и оружейники бегут навстречу, улыбаются, рады, конечно: вернулся целым и невредимым. Правда в крыле самолёта зияла большая пробоина. Все-таки там, за линией фронта, стреляют...

Доложил, как было капитану Васильеву.

- Почему оторвался от группы?

- Все стреляли по боковым стоянкам. А мне не повезло: пролетел над серединой аэродрома и не успел ничего сделать с одного захода.

- Ну и что?

- Пошел на второй заход. Думал догоню...

- Раз решено заходить на атаку один раз, значит, только один! Запомните на будущее!

Капитан Васильев кладет мне руку на плечо и по-дружески:

- Так, Гриша, убить могут... Ты, видно, в сорочке родился, что по счастливой случайности уцелел.

Это была третья по счету моя вынужденная посадка.

Утром следующего дня мы вторично ударили по вражескому аэродрому Артемовск. Опять на рассвете и опять зашли с юга. Отбомбились и отштурмовались удачно. А в третий раз капитан Васильев говорит:

- Фрицы нас ожидают с юга, а мы зайдем с севера. Остальное: все как и в прежние два вылета.

Решение комэска правильное. Тактика боя не терпит шаблона. Только мы не учли одного: высокие заводские трубы в северной части города. Пришлось подняться выше труб. Нас, конечно, сразу обнаружили вражеские зенитчики.

Мы ещё не вышли на цель, как уже появились трассы "эрликонов". Огонь был сосредоточен по самолёту ведущего.

Комэск быстрым маневром уходит из-под огня зенитки. Он у самой цели. И вдруг попадает в перекрестие нескольких огненных трасс. Его самолёт загорается от прямого попадания снарядов. Пламя сбить не возможно: мала высота. Выпрыгнуть с парашютом тоже нельзя, да ещё на чужой территории - это плен. И капитан Васильев направляет объятый пламенем штурмовик в гущу самолётов противника.

Я вижу слева внизу столб огня. Горящие обломки самолётов огненными ключьями катятся вдоль стоянки. Я был так поражен геройской гибелью своего командира, что упустил момент сбрасывания бомб.

Ошеломлённые товарищи тоже замешкались на мгновение. Они тоже видели, как, не

колеблясь, отдал свою жизнь за Родину её отважный сын Вениамин Фёдорович Васильев, повторивший подвиг Гастелло.

Очнувшись от мгновенного оцепенения и поняв смысл происшедшего, ребята пришли в страшную ярость. Всю мощь своих пушек они обрушили на зенитную батарею, не обращая внимания на смертоносные трассы "эрликонов".

Огонь вражеских зениток заметно ослабел. Со второго захода мы сбросили бомбы и со снижением до нескольких метров ушли домой, унося с собой очередную горькую весть о гибели своего командира эскадрильи.

Было это 11 июня 1942 года.

После перебазирования на аэродром Трехизбенка у нас уже оставалось совсем мало самолётов. Полк нес большие потери.

- Надо менять тактику!

- Попробуем летать на большой высоте, - предложил Федя Картовенко, по характеру спокойный и твердый, как скала, прирожденный лётчик-бомбардировщик. - Ведущий, имея оптический прицел, сбросит бомбы. А по его команде и мы - ну, как раньше, на СУ-2.

Командование полка отнеслось к этому одобрительно. На очередное задание пошли мы шестеркой на высоте 1200 метров. Лидером был седьмой, шедший впереди всех самолёт СУ-2.

Я шел слева вторым ведомым. Вася Локаткин был за мной - замыкающим и, как всегда, отставал от строя метров на пятьдесят. Нехорошая это привычка...

"Ну, думаю, зря, Вася, пренебрегаешь советом Ивана Раубе. Чуть-чуть отстал от других - и поминай как звали..."

В полку почему-то все называли Локаткина Васей, хотя его настоящее имя Семен. Он мог великолепно летать, был отважным парнем, но эта его привычка...

Вышли на цель. Отбомбись по танкам и уходим домой.

Ведущий развивает максимальную скорость. Мотор моего самолёта плохо тянет. Я отстаю, а Локаткин где-то совсем позади.

- Вася, прибавь газу! - хочется мне крикнуть, но на моей машине нет передатчика.

Сбавляю немного скорость в ожидании Васи.

Откуда-то сверху, точно коршуны, кидаются на нас "мессеры". Атакуют Васю, клюют его из пушек один за другим.

Самолёт Локаткина загорелся, вошел в штопор и врезался в берег Донца, на территории, занятой противником.

"Теперь, думаю, очередь за мной".

На меня идут три "мессера". Они заходят слева.

Удачно маневрирую. В крыле пробоины, но самолёт идёт нормально. Вдруг справа удар по бронестеклу. В кабину летят осколки. А "мессер" отваливает с набором высоты. Одно мгновение без маневра и опять - удар под самым полом кабины. Мне показалось, что оторвало ногу. Смотрю в кабину и не ощущаю её. Шевелю ногой - цела. И тут сверху опять удар, как палкой по голове.

Темнеет и всё плывет перед глазами. Усилиями воли отгоняю противное ощущение полуобморока.словно в тумане различаю приборы. Пробую управление, самолёт послушен. "Значит ещё не все... Поближе, давай к матушке-земле, пока не поздно..."

С крутым поворотом ухожу влево вниз на бреющий полёт.

"Добить не успеют... Скоро Донец. Сяду у своих..."

"Мессеры" почему-то отстают.

Вот и Донец. Мелькают крыши домов и сады городка Красный лиман. Позади последние домики.

Шасси! (Почему я решил садиться на колеса не понимаю до сих пор. Ведь это опасно: самолёт весь избит и неизвестно, какая площадка). Выпускаю шасси и сажусь. Как ни странно все в порядке.

Открыл фонарь. Не успел вылезти из кабины, к самолёту подсакивают два всадника и

кричат:

- Подожди, не вылезай!

Девушка с медицинской сумкой взбирается на крыло.

- Весь в крови, - говорит она.

Удивляюсь, откуда может быть кровь. Девушка помогает мне снять шлемофон.

Её и мои руки становятся красными от крови.

- Сиди спокойно, - говорит она, - пока не перевяжу.

Перевязали меня на скорую руку. Усадили верхом на лошадь и привезли в кавалерийскую часть.

Там уже врач обработал рану по всем правилам. Ранение оказалось пустяковым.

- Осколки бронебойной пули задели голову, - сказал врач. - На земле ещё куда ни шло, а в воздухе...

Кавалеристы притащили тарелку наваристого борща.

- Перекуси, браток, и поспи пару часов. Телеграмму в полк мы уже дали. Скоро будет самолёт.

Часа через три прилетел Саша Гуржиев на санитарном самолёте. С начала войны он летал в полку на бомбардировщике, а теперь, после ранения, его перевели на санитарный самолёт. Вместе с ним прилетел Тима Гуржий. Все штурманы убыли в другие полки. А Тима остался, хотя и адъютантом эскадрильи, но все же в своем родном 210-м полку!

Входят они в избу и, слышу, спрашивают:

- Где тут наш Локаткин?

Отвечаю:

- Здесь только я, а Локаткина нет. Погиб он...

- Вот так штука! - восклицает Тима. - Да ведь эта забинтованная голова и вправду принадлежит Сивкову!

- А мы тебя уже похоронили, - говорит Саша Гуржиев. - Паша Старцев сказал, что видел, как ты врезался в землю на берегу Донца...

- Это был самолёт Васи... А я вот пока здесь...

Летим домой. Тошнит и выворачивает всего наизнанку.

- Что это со мной? - говорю ребятам. - Никогда такого не было даже в воздухе.

- Так бывает после контузии, - отвечает Тима. - Ничего, до свадьбы заживет!..

Первый раз в жизни очутился я в лазарете. Пробыл там целых три дня. Время коротал вместе с опытным лётчиком, командиром звена Иваном Карабутом. Его самолёт подбили накануне. Сел он на вынужденную на нейтральной полосе.

Иван рассказывал:

- Угораздило же сесть у такого изгиба линии фронта. По одну сторону наши, по другую - фрицы. Пополз до своих, фрицы начали поливать из пулемётов.

Хорошо, что Иван Ерошкин выручил. Он с истребителями прикрывал нашу группу. Покружился на своем "ишачке" надо мной, видно, понял в чем дело, и давай бить из пулемётов по лесочку, где засели фрицы. Вот тогда и пополз я быстро до своих, но осколок все же угодил в ягодицу.

После лазарета ещё болтались мы без дела с Иваном. Ему нельзя сесть из-за ранения в кабину самолёта. Он мог только ходить или лежать на боку, даже пищу принимал стоя. А я шлемофон надеть не мог...

Жаркий июльский день. Мы проводили ребят, улетевших на очередное боевое задание. И, понурив головы, бредем к землянке. Там прохладно и можно, пока возвратятся наши ребята, подождать минут сорок.

Вблизи землянки торчат редкие сосны без макушек. И до них дотронулась жестокая война.

Настроение у нас с Иваном - хуже не придумаешь. Хоть занятие какое-нибудь полезное найти. Но ничего путного в голову не приходит. Слышим, подъехала грузовая машина.

Выходим из землянки. В кузове трехтонки много девчат в военной форме.

- Артисты, что ли приехали? - говорю Ивану. - Наверное фронтовая бригада.
- Артисты, те приезжают в гражданской одежде.
Из кабины трехтонки вылезает комиссар Лещинер.
- Знакомьтесь, - говорит он нам и улыбается ямочками вокруг рта. - Это наши новые оружейные мастера.

Иван тихо говорит:

- Интересно, как они будут поднимать стокилограммовые бомбы...

Из кузова, тем временем высыпали одинаковые, как лепестки роз, раскрасневшиеся на жаре девушки, зашебетали на разные голоса, разбирая свой немудреный багаж.

Прибыли к нам в полк девушки вместо ребят, которые ушли в десантные войска. Вместе с девушками с оказией приехал и наш фронтовой почтальон Корецкий. Он вручает нам письма от Феди Картовенко и Васи Морозова из госпиталя. Оба они были ранены в июне в одном из боевых вылетов.

Вася пишет, что у него дела налаживаются. "Вилку и нож в руки взять ещё не могу, - сообщает он. - Жевать тоже пока нечем - зубы ещё не вставили. Но рот уже на два сантиметра раскрывается..."

Вася Морозов не тужил ни при каких обстоятельствах и отличался остроумием. Однажды летел он на разведку со штурманом Борисом Персияновым. Пришлось им встретить "мессера". Но ничего выкрутились ребята. Вася смотрит на бензиномер и спрашивает Бориса:

- Сколько нам ещё до аэродрома?

- Шесть минут.

- Давай скорее, горючее кончается!

Шутник Вася. Как будто не от мотора, а от штурмана зависит скорость самолёта... .

В нашем полку остался один исправный самолёт. На нем продолжал летать на боевые задания Павел Старцев вместе с лётчиками седьмого гвардейского полка. Паша прижился у гвардейцев. Так вот и разошлись мои пути-дороги ещё с одним старым другом из Пермской авиашколы.

Первый тур боевых вылетов на самолёте Ил-2 закончился. Надо было принимать новые самолёты и пополнение лётчиков.

За самолётами в Куйбышев

Летом 1942 года немецко-фашистские войска в районе Изюма форсировали реку Донец.

Части Красной Армии не в силах были сдержать бешенный натиск танковых и моторизованных полчищ фашистской саранчи. Медленно, с боями наши полки и дивизии отходили на восток.

Наш сильно поредевший полк перебазировался на новый аэродром, с которого он раньше вел боевые действия на бомбардировщиках СУ-2.

Теперь мы - "безлошадная авиация" - разместились вблизи железнодорожной станции. Делать нам без самолётов было нечего. В основном мы ждали дальнейших распоряжений командования.

Как-то утором нас разбудил рев сирены и взрывы бомб. Выскакиваем с ребятами, как по тревоге, из дома, где квартировали.

Вражеские бомбардировщики Ю-87 налетели на железнодорожную станцию. Это рядом с нами. Ощущение не из приятных. Противно, с надрывом во время пикирования воют сирены. Они для паники установлены на "лаптежниках", - так мы прозвали немецкие самолёты "юнкерс-87" за их неубирающиеся шасси.

Скорость у "лаптежников" мала, и их можно на Ил-2 здорово бить.

- Эх, хоть бы троечку самолётов. Показали бы мы им, что значит советский штурмовик.

Но, как говорится, близок локоть, да не укусишь... Фрицы почти безнаказанно

отбомбились и улетели. А вскоре последовала атака фашистских танков.

Нашему полку было приказано отступить дальше, на юг. Командование полка назначило пункт сбора и срок прибытия. Добирались мы кто как сумел: на поездах, попутных машинах, тракторах, лошадях и даже пешком. После сбора опять назначили очередной пункт, куда следовало добираться опять самостоятельно.

На душе было горько и обидно за свою немощь. Километр за километром нам приходилось снова оставлять свою землю.

- Когда же этому будет конец?

Слишком тяжело, горько было видеть безмолвный укор в глазах стариков и детей в населенных пунктах, которые мы, отступая, оставляли на "милость" лютому врагу.

В Буденновске нам объявили приказ Народного комиссара обороны И. В. Сталина - "Ни шагу назад!"

Мы говорим командиру полка:

- Если нет самолётов, дайте винтовки! Будем воевать на земле!

- Будем воевать в воздухе! - остужал наши горячие головы командир. Красной Армии нужны лётчики!

Наконец мы добрались до места. Там собралось много таких же лётчиков, как мы, и всех нас должен был кормить один батальон аэродромного обслуживания. О трехразовом питании не могло быть и речи. Хотя столовая работала круглосуточно, мы не успевали поесть два раза в сутки с интервалами в двенадцать часов. В это время были назначены новый командир полка гвардии майор Зуб и его заместитель по политчасти майор Куц. Наш "батя" - майор Ильченко стал начальником штаба истребительной авиадивизии.

Новое командование полка вместе с начальником штаба майором Провоторовым целыми днями заняты приемом пополнения лётчиков.

Кое с кем из новичков мы уже успели познакомиться. Командир звена Николай Тимофеев, спокойный, черноглазый, с красивым чубом парень, ходит всегда в кожаном реглане. Он серьезен и немногословен, кажется старше своих лет, невольно вызывает симпатию и желание вместе с ним помолчать.

Его друг - Василий Гаврилов - по характеру прямая противоположность Николаю. Василий веселый блондин, с васильковыми глазами. Он всегда улыбается и готов с каждым отвести душу в разговоре.

Прибыл в полк командиром первой эскадрильи пожилой и рассудительный капитан Иван Иванович Панин. У него бритая голова, мягкий певучий голос и почти всегда приветливая улыбка.

Командиром второй эскадрильи назначен капитан Артемий Леонтьевич Кондратков, тоже в годах и с бритой, как у капитана Панина головой. На его лице заметны крупные веснушки. На вид он очень строг. А глаза такие по-отцовски добрые, что невольно вспоминается отчий дом и тятя...

Иван Карабут шутит:

- Уж не по признаку бритоголовости командир полка подбирает комэсков? Может тоже сбреем чубы, а? . .

Командный состав эскадрилий укомплектован. На очередном построении полка командир полка гвардии майор Зуб объявил:

- Через три дня нам приказано вылетать в Куйбышев за самолётами. В Куйбышеве примем пополнение лётчиков.

В Куйбышев прибыли в срок. Здесь была довольно прохладная, пасмурная погода. Мы изрядно вымокли под проливным дождем. И к тому же у всех нас расстроились желудки. Когда доложили об этом майору Зубу, он с улыбкой заметил:

- Меньше надо было нажимать на виноград, памятуя печальный опыт шолоховского деда Щукаря.

Даже от сала с хлебом никогда живот не болел, - сокрушался Иван Карабут. А тут и поилы-то трошки: кило по два на брата...

Кто-то сбегал в санчасть аэродрома, добыл каких-то успокоительных таблеток. Наутро следующего дня все мы были уже здоровы.

Куйбышев встретил нас деловой сосредоточенностью тылового города. Здесь не чувствовалось фронтовой спешки и сутолоки. Крупный промышленный центр Поволжья жил размеренной жизнью. Хотя по суровым осунувшимся лицам жителей, по очередям у магазинов и бешеным ценам на рынке, по темным улицам и светомаскировке окон - по всему чувствовалось и здесь дыхание войны.

Нас порадовали люди, жившие в этом городе, своей подтянутостью и организованностью, своим мужеством буквально во всем: в работе, в быту, в учебе. Как и во многих тыловых городах, они не считались ни со временем, ни с трудностями, отказывали себе во всем, но самоотверженно ковали оружие для Красной Армии, сражавшейся с врагом.

По прилете в город мы остановились и жили некоторое время в заводской гостинице, где обычно размещались командированные. Это были, правда, бараки без комфорта и каких-либо удобств. Спали мы на полу, расстелив матрацы. Но в комнатах тепло, имелось электрическое освещение. При гостинице работала столовая. Словом, это были не фронтовые условия, а чувствовался запах дома, тыла.

Техсостав полка целыми днями занят приемкой самолётов. Все дефекты устраняются тут же, на заводе.

Капитан Кондратков и старший лейтенант Карабут по просьбе Куйбышевского обкома партии выступали перед рабочими в цехах. Возвратившись с завода, Иван Карабут рассказывал:

- Ну и заводище, махина целая! В течение нескольких месяцев построить такие цеха! Пришли мы в один цех. Мать честная! Работают одни женщины да мальчишки. Идем мимо одного такого хлопчика. Токарем он работает. Стоит а ящике. Станок больно высок для него.

- Это наш двухсотник! - говорит инженер, водивший нас по заводу.

Назвал он по имени-отчеству парня, поздоровался с ним за руку, как со взрослым. На вопросы наши тот отвечал с серьезным видом, а под конец сказал, вытерев нос рукавом стеганой телогрейки:

- В общем, работаю как все, не лучше других, - и, наверстывая упущенное время, принялся обтачивать заготовку для стойки шасси.

Попрощались мы с ним. Отошли немного. Смотрю, схватил он кусочек стружки кинул в такого же хлопчика, своего соседа. Попал и озорно рассмеялся. Дети везде дети...

- А знаешь, сколько, наверное, таких хлопчиков по заводам нынче работает, школы побросали. И все это фашист проклятый, будь он трижды проклят, изуродовал у хлопчика детство, сделал раньше времени взрослыми.

Иван ещё долго чертыхался и, уняв свою ярость, говорит:

- Да, вот ещё какой разговор слышал у директора завода.

Приходим мы в кабинет. А он в это время заводского газетчика распекает за то, что тот поместил в многотиражной газете телеграмму Сталина, в которой обращалось внимание на то, что завод мало дает самолётов, работает не в утверждённом графике.

"Как же так? - грозно наступает директор на газетчика. - Секретную телеграмму разгласили? Что я теперь доложу председателю Государственного комитета обороны?"

Перепуганный газетчик стоит ни жив, ни мёртв. Наш командир полка за него заступился.

"Тут никакого секрета нет, - говорит он директору. - Что Илы машина хорошая, - это известно и нам и немцам. Что Илов на фронте пока ещё мало, немцы лучше нас знают. А чтобы Илов было больше и чтобы завод работал по графику, об этом лучше вас и заводского коллектива кто же знает?"

А когда пошли в цех, то командир полка, выступая перед рабочими, рассказал об этом случае в кабинете директора и попросил выпускать побольше для фронта этих замечательных машин.

Наконец мы получили новые машины. Перегнали их с заводского на перегоночный

аэродром, где мы временно базировались.

В полк пришло пополнение молодых лётчиков: Павел Хлопин, Александр Кубай, Захар Кочкарев, Николай Майоров, Борис Кисилев и другие крепкие ребята, хорошие лётчики - сержанты. Позже, участвуя в боях, они быстро становились офицерами.

Мы знакомимся с нашими новыми товарищами. Около месяца вели тренировочные полёты. Проверяли технику пилотирования, отрабатывали полёт по приборам, вели учебно-тренировочные бои.

Все мы изредка ездили в город, а иногда Коля Тимофеев, Вася Гаврилов и я оставались на ночлег у одной старушки, в маленьком деревянном домике, неподалеку от аэродрома.

Старушка проводила двоих своих сыновей на фронт, жила одна и никак не соглашалась взять с нас деньги.

- Что мы, ироды какие? - потешно взмахивала она каждый раз руками, когда заходила речь о квартирной плате. - Дом-то пустой. Живите, сколько хотите. .

- Жить нам, мамаша, здесь долго некогда, - говорил ей Гаврилов. - Нас немец ждет. Видишь, даже наступление на нашем фронте остановил: ждет нашего приезда. Не веришь, на, почитай газетку...

Мы смеялись. А старушка, поняв, наконец, что Гаврилов с ней шутит, беззлобно ворчала.

- Хватит тебе, балабон. Ты, вот лучше скажи, - обращалась она к Тимофееву, к которому питала особую симпатию за подтянутость и аккуратность. - Скажи вот, скоро ли немца окаянного прогоните?

- Скоро, Матрёна Фёдоровна, скоро. Как только немца покрепче измотаем и свои силы побольше соберем. Так и погоним его в хвост и в гриву.

- Дай-то господь.

Николай Тимофеев серьезно и с почтением разговаривал с хозяйкой дома. Она с живым интересом слушала его рассказы и любила коротать с нами вечера. От денег она по-прежнему отказывалась, и Николаю еле-еле удалось уговорить её чай, сахар и несколько банок свиной тушенки.

Вечером, когда мы возвращались с аэродрома, она обычно ставила самовар и угощала нас чаем. Николай читал ей газеты или рассказывал случаи из фронтовой жизни. Увлекался, был он большим фантазёром и любил помечтать вслух. Однажды сидим за чаепитием. Коля, чтобы не обижать старушку, опорожнил второй стакан, отдышался и мечтательно говорит :

- Вот разобьем скоро фрица. И подамся я знаете куда?

- Куда же ты, милый, пойдешь? - Бабушка отодвигает чашку и умиленными глазами смотрит на свою симпатию.

- А-а-а, не знаете куда? В аэрофлот пойду.

- Это кто же такой? - удивленно вопрошает старушка.

- Это не кто, а что! - смеясь, замечает Гаврилов.

- Да ну тебя! - отмахивается старушка и смотрит на Тимофеева.

- Это гражданская авиация, - поясняет тот. - перевозит людей и грузы. А я буду новые трассы открывать. Новые воздушные дороги прокладывать!

Мы с пониманием смотрим на нашего друга. Старушка допивает остывший чай. А наш друг мечтательно продолжает:

- Спросят люди, а кто проложил трассу Москва, скажем, какой-нибудь там Сидней? А люди ответят : лётчик гражданской авиации, пилот первого класса Николай Константинович Тимофеев.

А несколько дней спустя закончилось формирование полка. И мы, попрощавшись с гостеприимной, всплакнувшей хозяйкой дома, полетели в район Грозного, где немцы опять сосредотачивали крупные силы, стремясь захватить нефтеносные районы.

По дороге совершили несколько запланированных посадок. Они были, пожалуй, ничем особенным не примечательны, за исключением одной.

Летели на небольшой высоте. Внизу степь, степь, степь. Широкая, по-осеннему желтая,

опустевшая и какая-то унылая в однообразии своих красок.

Вечереет.

Темнота в степи наступает неожиданно быстро. Надо торопиться долететь до места очередной нашей посадки.

- Подлетаем к аэродрому! - слышу в наушниках голос командира полка. Эскадрильи садятся в установленном порядке.

Сели, укрепили самолёты. Выставили караул. И пошли в сарай, неподалеку от летного поля. Небо чистое, звездное. Воздух прохладный, озерной солью пахнет. А в сарае свежая солома.

- Курите поосторожнее, - говорит начальник штаба полка майор Провоторов. А то кругом такая сушь.

Выкурив по единой на ночь, ребята, утомленные дальней дорогой, быстро заснули, кто где устроился. Вдруг среди ночи истошный крик:

- Пожар?!

Выскочили из сарая все, как по тревоге.

- Где горит? - спрашивает Провоторов у парня из нового пополнения, который выбежал в одном исподнем. Фамилию его уже сейчас не помню. Это он разбудил всех нас.

- Я, товарищ майор, малость перепутал, - сконфуженно говорит тот начальнику штаба полка Провоторову. - Проснулся а она висит над дверью, луна-то. Я её свет за пламя по ошибке принял...

Обступили ребята незадачливого и растерявшегося парня. А Провоторов большой души человек говорит:

- Ладно, хорошо не в воздухе, а на земле случилось. А вот у нас как-то второй пилот на "ТБ-3" выпрыгнул с парашютом. Вышел он из кабины, только сменили его. Посмотрел, а на крыле огонь. С перепугу к люку и выпрыгнул. Отблеск луны тоже за пламя принял. Перелетели мы линию фронта. Зенитки нас встретили. Невдомек никому, что нет второго пилота. Только почти у самой цели вспомнили. А его нет... Отбомбились, идём домой. Хорошо ещё, что экипаж большой без второго пилота... Сели. А часами тремя позже он тут как тут. Дали тогда ему десять суток строгого ареста. Отсидел он и поумнел сразу... - эту последнюю фразу Провоторов сказал, обращаясь к незадачливому сержанту. А потом уже ко всем: - Ну, пошутили, товарищи, и досыпать пора!

Вдоволь ещё насмеялись мы в остаток ночи, так и не заснули до подъема. Ранним утром взлетели и благополучно добрались к вечеру домой. Там два дня передохнули и полетели на задание - бомбить моторизованные части противника.

Искали, искали скопления немецких войск. Нигде не нашли. Прилетели домой, доложили. А командир полка гвардии майор Зуб смеется и говорит:

- Считайте, что это было продолжение учебных полётов. Ну, так для тренировки...

Командир полка давал возможность новому пополнению лётчиков немного освоиться с обстановкой боевых полётов в условиях Кавказа.

Командир, не знающий поражений

С отважным и хорошо знающим дело командиром наше знакомство состоялось в самое тяжелое время для полка, когда мы, "безлошадные", находились в резерве.

Он стремительно вошел в школьный класс, где размещался лётный состав и после обычного приветствия присев на топчан просто, без рисовки сказал:

- Я ваш командир полка. Фамилия моя Зуб. - И, посмотрев смеющимися глазами на Ивана Карабута, заметил: - Прошу не путать: Зуб, а не зуд...

Ребята сразу к нему с вопросами:

- Когда дадут самолёты?

Майор Зуб встал во весь рост. Похож он был, и внешне и внутренне, на русского былинного богатыря. Окинул нас всех цепким взглядом и твердо сказал:

- Летать будем! Самолёты получим в Куйбышеве.

И так же стремительно ушел, как и появился.

А вечером того же дня меня вызвали к командиру полка. Вошел, доложил, как положено по форме.

- Садитесь, Сивков!

Сел на край табуретки.

- Хочу назначить вас замом к Кондраткову, - без обиняков начал майор. Как смотрите?

- А самолёты?

- Будут!

- Справлюсь ли?

- Вам виднее, вы же командир звена...

- Групп самостоятельно ещё не водил...

- Поведете. Вы что думаете, я всю жизнь полком командовал?

Николай Антонович Зуб родился в 1911 году на Украине, в селе, недалеко от города Николаева, в крестьянской семье.

Его отец погиб на фронте первой империалистической войны. Мать осталась с двумя малолетними сыновьями. Вырастить их помог матери Прасковье Яковлевне брат погибшего отца, Семён Сергеевич Зуб.

Рос Коля тихим любознательным мальчиком. Ничем особо не отличался от своих сверстников, разве что слово умел держать крепко и, по-видимому, по этой причине уже тогда верховодил среди таких же как и он ребят - пионеров.

После окончания школы-семилетки Николай переезжает к сестре матери в поселок Соляное, под Николаевом, где устраивается работать мальчиком на мельницу. Тетке не по душе работа племянника, и она хочет пристроить его куда-нибудь в контору. Но Николай, несмотря ни на какие уговоры, отказывается и едет в город Николаев, на завод имени 61 коммунара. Там он работает сверловщиком. Вступает в комсомол.

Вместе с комсомольской агитбригадой Николай участвует в работе по коллективизации сельского хозяйства Николаевской области.

На этом же заводе в 1932 году партийная ячейка принимает Николая Антоновича Зуба в члены ВКП(б). А осенью того же года он по спецнабору идёт учиться в Сталинградскую военную авиационную школу лётчиков, которую через три с половиной года успешно оканчивает. Ему присваивают звание лейтенанта. Служит он в летной части под Смоленском. Осваивает разные типы самолётов, в том числе скоростной бомбардировщик.

Весной 1937 года Николай Антонович вместе с группой лётчиков в Испании успешно выполняет ответственное и сложное задание командования Красной Армии. А когда возвращается уже капитаном в родные края, то продолжает службу в одной из летных частей под Смоленском. Отсюда вскоре вызывается командованием ВВС в Москву для прохождения службы в Военно-воздушной академии, где он обучал технике пилотирования группу воздушных штурманов. Затем он участвует в финской войне в качестве командира звена. А по окончании её работает лётчиком-инспектором управления учебных заведений ВВС СССР.

Великая Отечественная война застает майора Зуба в городе Краснодаре, где он находится в служебной командировке. Возвратившись в июле 1941 года в Москву, майор Зуб подаёт рапорт с просьбой направить его в действующую армию. Его посылают на Южный фронт. Там он сначала командует эскадрильей в 7-м гвардейском полку, а потом ему доверили командование 210-м штурмовым полком.

Николай Антонович Зуб постоянно, как бы он ни был загружен, много внимания уделял воспитанию личного состава полка, особенно молодых лётчиков. Делал он это как-то незаметно. Служил для нас сам во всем примером дисциплинированности, собранности, аккуратности, партийной принципиальности.

Гвардии майор Зуб великолепно владел искусством военного лётчика, имел уже большой боевой опыт. Умел он побеседовать на любую тему, говорил с жаром, убежденно и

обладал железной логикой.

Перед моим первым вылетом ведущим группы Николай Антонович инструктировал меня или, вернее, вел товарищескую беседу. Помню, сидели мы с ребятами под навесом в ожидании боевой задачи. Он подошел, поздоровался со всеми и говорит мне:

- Лейтенант, пойдёмте посидим на травке.

Сели мы в тень под крыло моего самолёта. Он спрашивает:

- Как настроение у лётчиков?

- Отличное. Только вот задания что-то долго нет.

- Будет вам и белка, будет и свисток, - майор улыбнулся какой-то свойственной, пожалуй, лишь ему, изнутри светящейся улыбкой. - По себе знаю: самое тягостное это неизвестность, когда ты уже готов к полёту, - и задумчиво помолчал.

- Учить вас не собираюсь, - сказал он, перебирая пальцами пожухлую травинку, - но скажу вот что. Во-первых, когда ведешь группу, надо помнить о тех, кто идёт за тобой. Ты - ведущий. Победа любой ценой нам не нужна. Надо быстро поразить цель и невредимыми привести всех домой. Во-вторых, необходимо видеть все вокруг и первыми, обязательно первыми, увидеть истребителей противника, пока они ещё вас не видят. Внезапная атака истребителей поражение. Увидеть первыми и организовать отпор силой своего оружия, а в удобном случае и активной атакой - это победа. В-третьих, от истребителей противника нельзя удирать - потеряете поддержку своих истребителей, и противник вас все равно настигнет: скорость у него больше. Атакам противника необходимо противопоставить круговую оборону, основанную на огневой мощи и отличной маневренности самолёта-штурмовика. Ясно?

- Все ясно, товарищ гвардии майор.

Николай Антонович взял мой планшет.

- Бомбить будете скопление автомашин противника вот здесь, - указал точку на карте. - На КП у майора Провоторова уточните линию боевого соприкосновения, нанесите на карту зенитки и продумайте, как выгоднее всего атаковать.

Через полчаса, обсудив с товарищами возможные варианты, докладываю командиру полка о принятом решении.

- Добро. Желаю удач, - говорит он, а сам улыбается сдержанно, одними глазами, в которых одновременно светится одобрение, отеческая ласка и воля к победе. - Через пятнадцать минут вырубивание на взлет!

Так провожал командир полка меня в первый боевой вылет ведущим группы.

Часто, особенно в нелетную погоду, майора Зуба можно было видеть среди лётчиков. В каждой беседе он непременно рассказывал о каком-нибудь поучительном случае из фронтовой жизни. О себе, как мы его не упрашивали, рассказывать не любил, а если иногда и случалось, то говорил всегда очень скупно.

Однажды Николай Антонович рассказывал, как в первые дни войны выполнял важное задание знаменитого лётчика Громова. Тот поручил ему, видимо, как самому опытному пилоту, вывезти с подмосковного аэродрома в Москву на "дугласе" штаб одного из авиасоединений.

Взял майор Зуб на борт людей и полетел в столицу. Летит, не беспокоится. Противника в этом районе не было. И невдомек пилоту, что его самолёт из резерва и не имеет почему-то опознавательных знаков. Подлетать уже стал к аэродрому, а тут наши истребители И-16. Один "ишак" поджег самолёт майора. И тому еле-еле удалось совершить посадку и спасти людей. Сам он, правда, недели две пролежал в госпитале, лечился от ожогов.

- Вот оно, оказывается как, - с улыбкой закончил тогда свой рассказ майор Зуб, глянул на Сашу Маркова, о котором пойдет речь впереди, и сказал: - Совсем ещё недостаточно перед вылетом проверить целы ли крылья и хвост у твоего самолёта...

Вспоминается случай, имевший место со мной. Сидим мы как-то после полёта в столовой. Поужинали. Разговариваем. Сначала разговор был тихий, а потом все оживленнее, оживление, и вдруг разгорячились ребята, заспорили. А время уже столовую закрывать.

Подошла официантка, раз сказала, что пора уже расходиться, второй, третий. А мы все сидим, сидим. Тогда дивчина и говорит:

- Командиру полка пожалуюсь...

Мы-то думали, шутит она. Посидели ещё немного и разошлись.

Прошел день, а может, и два. На одном из построений командир полка говорит:

- Некоторые наши лётчики установленный мной порядок нарушают. И среди них заместитель командира эскадрильи, - и он назвал мою фамилию.

Вышел я перед строем, руки по швам. А майор Зуб спрашивает:

- Как вы дошли до жизни такой?

- Да ничего особенного не было... Но и то, что было, больше не повторится.

Прорабатывает меня командир полка. Стыдно мне, но несколько не обидно. Тон у него добрый, товарищеский, а точнее отцовский, хотя лет ему в ту пору было не так уж много.

Удивительным тактом обладал наш командир полка. Все делал легко, красиво, без нажима. Умел увлечь своих подчиненных думать вместе с ним над тем, как лучше сразить противника. Мнения своего не навязывал. Но всегда получалось так, будто мнение майора Зуба - это и наше мнение.

С первого знакомства поняли мы, что Николай Антонович Зуб умный, волевой командир, человек необычайной твердости характера, оптимист. А когда поближе познакомились с ним, то узнали и ещё его замечательные качества: исключительную заботу о людях полка и редкую человеческую доброту. Таким он и остался в памяти у тех, кто воевал под его началом: большим жизнелюбом и командиром, не знавшим в воздухе поражений.

"Бить по танкам!"

Вскоре после того как мы перебазировались на новый аэродром, командир полка собрал командиров эскадрилий и их заместителей.

- Наступление противника остановлено по всему фронту. Однако немцы снова сосредотачивают танковые и моторизованные войска. Противник ещё надеется прорваться в нефтеносный район Грозного и Баку, в Закавказье.

Мы с Иваном Карабутом переглядываемся, представляя себе, как и в Донбассе, - колонны автомашин и танков, огонь "эрликонов" и атаки "мессеров".

- Наша задача, - продолжал командир полка - поддержать войска в обороне, а затем помочь им перейти в решительное наступление. Работа предстоит напряженная. Обратите внимание на новичков. Тренировочных полётов, как в первые дни, больше не будет.

Летать пришлось действительно очень много. В районе Моздок - Малгобек начались ожесточенные танковые бои. Вместе с другими авиационными частями наш полк помогал наземным войскам отбивать многочисленные ожесточенные атаки противника.

В условиях Кавказа тактика бреющего полёта себя не оправдывала. Как ни прижимайся к земле, а при перелете через Сунжинский хребет самолёты видно за десятки километров. Противник обнаруживает нас заблаговременно. Внезапности достичь не удается.

В полку участились боевые потери. 26 сентября не вернулся с боевого задания Вася Гаврилов. 29 сентября сбит над вражеской территорией Николай Майоров - один из лётчиков, пришедших в полк на пополнение в Куйбышеве.

По инициативе командира полка начинаем летать на большой высоте. На цель выходим с противозенитным маневром. Оказывается, и без внезапности можно избежать поражения о зенитного огня противника. И лучше всего это достигается таким маневром, как снижение с разворотом.

Радиосвязь теперь у нас в почете. Ведущий управляет группой по радио. Правда, не всегда чисто работают наши самолётные радиостанции. Но тем не менее все команды мы понимаем с полуслова.

Ведущему несподручно пользоваться радиостанцией. Тумблер переключения с приема

на передачу и обратно расположен на правом борту кабины. Из-за этого то и дело приходится левой рукой перехватывать ручку управления, а правой тянуться к тумблеру. Вот бы установить кнопку прямо на ручке управления. И Жора Панов, инженер по электроспецоборудованию самолётов, моментально сообразил, как исполнить пожелание лётчиков. До чего же легко и приятно стало работать с радиостанцией!

Строго соблюдаем радиодисциплину, что бы не "засорять эфир", не выдать излишним разговором, что летим на очередное задание. Фашисты все время подслушивают. Чуть что, и нас уже встречают истребители противника.

У каждого из нас свои позывные. Они периодически меняются, но все равно становятся известны врагу после первого же употребления в боевом вылете.

Сегодня, например, наши позывные : "Оптика 11", "Оптика-12", "Оптика-13" и так далее по номерам самолётов. Позывной наземного КП расположен вблизи линии фронта и в любую минуту может перенацелить вылетевшую группу самолётов, если это потребуется по ходу боевой обстановки.

Только что мы прилетели с боевого задания. Били по танкам. Мы уже научились довольно точно бомбить по скоплениям автомашин и танков, особенно если их много и они не рассредоточены. Нашей пехоте приходится очень трудно. С утора непрерывно её атакуют вражеские танки. Не успел техник по вооружению Саша Бормотов доложить о готовности оружия к бою, как мы снова получили задачу и идём по самолётам.

Группу ведет Иван Карабут. Он озабочен. Задача сегодня у ведущего непростая. Вражеские танки сосредоточились для очередной атаки на западном склоне высоты, что вблизи линии боевого соприкосновения. Бомбовый удар поэтому должен быть ювелирно точным.

Вот мы уже подходим к линии фронта. Она хорошо заметна по многочисленным столбам дыма. Горят немецкие танки.

Слышу в наушниках знакомый, чуточку с хрипотцой голос Ивана Карабута:

- "Заря", "Заря"! Я - "оптика-11"! Подхожу к цели. Разрешите работать? запрашивает Иван на случай возможного изменения обстановки.

"Заря" медлит с ответом. Видимо уточняет фронтовую ситуацию. И вдруг в эфире голос:

- "Оптика - одиннадцать", "Оптика - одиннадцать"! Бить по танкам не нужно. Это наши танки. Задание отменяется. Идите домой!

"Уж очень чистый, звенящий звук. Все наши рации хрипят, как при простуженном горле. И акцент опять же, едва уловимый", - только подумал я, не осознав ещё закравшееся сомнение, как слышу голос ведущего Ивана Карабута:

- Я тебе дам домой!. . (далее следовали слова, как говорится, не для печати). - Внимание, "оптики", - обращается к нам Иван. - Приготовиться к атаке!

Удерживая монолитный строй, вместе с самолётом ведущего переходим в пикирование. Бомбы летят в цель. На поле боя появляются ещё два черных столба дыма.

Возвратились на свой аэродром.

На пороге КП встречает командир полка Зуб, взволнованный, но довольный. Таким он бывает всегда, когда боевой вылет проходит успешно. Ему уже, очевидно, звонили с "Зари" и сообщили о результате нашего вылета.

- Товарищ гвардии майор! - громче обычного докладывает Иван Карабут. Задание выполнено! - и уже с ноткой неуверенности в голосе: - Какая-то команда была подозрительная об отмене удара по танкам...

Командир полка, будто не заметив сомнения Ивана, говорит ему:

- На команду надейся, да и сам не плошай. Голову на плечах иметь, как видишь, иметь тоже неплохо...

- Вы уже были над целью, - сказал майор Провоторов, - когда мы получили предупреждение нашей контрразведки. Немцы пытаются мощным передатчиком забивать

нашу "Зарю", подменяя её команды своими. Необходимо запрашивать пароль и только после этого выполнять команду "Зари".

В начале октября эскадрилья майора Панина, а потом и весь полк перебазировались в станицу Нестеровская, ближе к линии фронта. Продолжаем помогать с воздуха наземным войскам.

Однажды авиаразведка обнаружила на станции Моздок эшелоны противника.

- Поведете шестерку на Моздок, - приказывает мне майор Зуб. - Ударите по эшелонам. Будьте поосторожнее: на северной окраине вражеский аэродром. Могут быть истребители. Ясно?

- Ясно.

- Готовьтесь. Вылет в двенадцать ноль-ноль.

Задача поставлена не из простых. Зайти, как обычно, со стороны противника нельзя: истребители взлетят и атакуют раньше, чем мы сбросим бомбы. Зайти с юга, со стороны солнца - можно достичь внезапности, но после атаки выскакиваем на аэродром, где "эрликоны" и "мессеры". Куда не кинь, все клин. Останавливаемся на втором варианте. Все же внезапность есть внезапность. Может и не успеют взлететь немецкие истребители.

Докладываю командиру о принятом решении.

- Добро, - говорит он, - действуйте!

Двенадцать часов. Группа взлетает. На небе ни облачка. Светло - водянистая голубизна и ослепительное солнце. Набираем высоту. Слева в прозрачной синеватой дымке громада главного Кавказского хребта. Справа - река Терек.

Вскоре показался Моздок. Белые, словно игрушечные домики. Отчетливо вижу станцию и железнодорожные составы. Где-то севернее (ничего не могу разглядеть) затаились наши злейшие враги "мессеры". "Видят нас или не видят? - вихрем проносится в голове. - Взлетят или нет?"

С небольшим доворотом вправо переходим в пикирование. Четыре эшелона как на ладони! Залпы РС и очереди из пушек - для острастки. Поточнее прицелимся... Так! Бомбы пошли. Продолжаем снижение до бреющего полёта. Правее, ещё правее, чтобы избежать встречи с зенитными батареями. Вижу пыль от взлетающих истребителей. Бьем из пушек. Разворот вправо. Курс на свою территорию.

Смотрю назад, вправо и влево. Все наши идут, но слева один из самолётов отстал. "Мессеры" того гляди догонят. Ну вот и Терек. Стервятники не рискуют заходить на нашу сторону, да ещё на малой высоте. Отстают, и их вскоре становится не видно.

Но что это? Самолёт Тимофеева дымит.

- Коля, прыгай, горишь! - кричу ему по радио. - Прыгай, это наша территория!

Никакой реакции.

- Тимофеев, отвечайте! - снова кричу ему.

Николай молчит. Его самолёт оставляет за хвостом шлейф дыма. Это опасно. Надо немедленно садиться или прыгать с парашютом. Но Николай продолжает лететь, и над самым Терским хребтом его самолёт взрывается в воздухе.

Какая жуткая смерть. Больно и обидно до слез. Горько за свое бессилие. У тебя на глазах гибнет друг, и ты ничего не можешь сделать, чтобы спасти его.

Остаток пути этот страшный взрыв стоит перед моими глазами и ещё долгое время преследует меня на земле.

- Не мучай себя, Гриша, - по старой комиссарской привычке пытается успокоить меня капитан Лещинер, ставший теперь заместителем начальника штаба полка. - Ты же знаешь, война без потерь не бывает.

Согласен с капитаном, что по-другому на войне не может быть, что и война вырабатывает привычки. Более того, ловлю себя на мысли, что уже не даю воли своим чувствам, когда узнаю о гибели кого-нибудь в полку. Война жестокая, не на жизнь, а на смерть. Гибель Николая Тимофеева невольно напомнила о боевых друзьях Иване Раубе, Вениамине Васильеве, Евгении Мыльникове Сергее Корниенко и многих других.

- Все они чем-то схожи между собой, - говорю капитану Лещинеру, - в своей отваге и мужестве.

- Они одного поколения люди. Поколения двадцатых-тридцатых годов. Они все очень любили Родину и жизнь...

Капитан Лещинер умолк и после короткой паузы продолжал осевшим дрогнувшим голосом:

- Знать не суждено было сбыться мечте замечательного лётчика Тимофеева Николая. Не дотянул он свой самолёт до конца войны. Другим за него предстоит открывать новые трассы мира...

Новая тактика

С вечера прошел сильный дождь. Рано утром над аэродромом нависли белые, словно ватные, хлопья тумана. Летать в такую непогоду нельзя. Майор Зуб созвал на КП командиров эскадрилий, их заместителей.

- Подведём некоторые итоги, - начал он разговор. - Итак, в первом туре нас крепко побили. Здесь, на Кавказе, мы действуем лучше. Точнее и вернее бьем фашистов и меньше несем потерь. Однако сбиты Гаврилов и Майоров, Тимофеев и Елифанов. А почему?

Майор сделал паузу и обвел сидевших вопрошающим взглядом.

- Да потому, что тактика хромает. Мы идём на цель и обратно звено за звеном. Все звенья защищены мощным огнем пушек идущих сзади товарищей. Все, кроме последнего звена. С него-то и начинают истребители противника. Надо менять тактику. Ваши соображения?

- Истребители прикрытия должны лучше защищать последнее звено, - тихо высказывает свое мнение мой комэск капитан Кондратков. - И летать нужно выше. Местность тут гористая

- Кто ещё хочет сказать?

- На дядю надейся, а сам не плошай, - изрек Иван Карабут. - Свои пушки надо использовать в полную силу для защиты от истребителей врага.

- Правильно, - поддерживает его командир полка. - Но иметь хорошие пушки ещё не все. Надо уметь навести их на врага. Необходим маневр!

- Последнее звено не прикрыто, а первое никого не защищает, - спокойно произнес капитан Панин, командир первой эскадрильи. Его волнение выдавала слегка покрасневшая во всю голову лысина. - Замкнуть круг, тогда все будут защищены.

- Верно, - заключает майор Зуб. - "Оборонительный круг" уже известен и применятся на других фронтах. - И словно сам с собой вполголоса: - Почему до сих пор мы не додумались использовать его, просто непонятно. Ведь мы давно уже не бомбардировщики и не имеем сзади пулемёта. А придерживаемся старой тактики. Видно по привычке...

В тот же день, как только немного очистилось от тумана небо, мы попробовали "карусель" над своим аэродромом. И вскоре с наступлением летной погоды испытали в бою эту новую для нас "круговую оборону".

В очередной боевой вылет повел шестерку командир полка майор Зуб. Бомбы сброшены точно в цель. А вот и "мессеры" ринулись в атаку.

Наш ведущий с завидным спокойствием говорит по радио:

- Внимание, внимание! Слева сзади - истребители противника. "В круг!"

Он закладывает глубокий вираж. Повторяю маневр своего командира, не отстаю. В четком порядке выполняют вход "в круг" и остальные четыре самолёта. "Круг" замкнут. Теперь к нам не подойдешь. Атаки "мессеров" всюду встречают немедленный отпор. Противник отлично знает силу наших двадцатитрёхмиллиметровых пушек ВЯ - названных так по первым буквам фамилий их конструкторов Волкова и Ярцева.

Прекратив атаки, "мессеры" улетают, а мы выходим из "круга" и торопимся домой.

По дороге неожиданно всплывает рассказ отца о случае в ночном. Люди, пасшие табун,

заснули у костра. А волки тут как тут. Лошади их учуяли, сбились в круг: посередине молодняк и старые лошади, а кругом ездовые, рабочие кони. Не подступиться к ним: ударят копытами задних ног. Покрутились волки, зубами пощелкали, да и, как только стало светать, убежали в лес. Здесь уже и люди проснулись...

- Новая тактика - стоящая тактика, - подытоживает боевой вылет командир полка. - Проверили и берем на вооружение.

Боевой порядок "круг" применялся в полку до самого конца войны. Он позволял надежно обороняться от атак истребителей и сохранил жизнь многим моим товарищам по оружию.

Оборона Орджоникидзе

Танкам противника не удалось порваться на Кавказ через Малгобек. Все атаки бронированных полчищ были отбиты частями Красной Армии. Но фашистское командование не унималось и, сосредоточив большое количество войск и техники, предприняло ещё одну попытку проникнуть в Закавказье.

На этот раз главный удар был направлен со стороны Налъчика через Эльхотовские ворота - узкий проход по долине реки Терек между двух горных хребтов. Врагам удалось вырваться на равнину Северной Осетии. Они решили сходу захватить город Орджоникидзе и по Военно-грузинской дороге проникнуть в Закавказье. (Недаром город Орджоникидзе в прежние времена назывался Владикавказом: он прикрывает путь в Закавказье.) Однако планы командования противника провалились. Наши наземные части в тяжелых боях сумели остановить броневую лавину. Серьезную помощь в этом им оказала авиация. Целыми днями соединения штурмовиков и бомбардировщиков северной группы войск Закавказского фронта "долбили" скопление вражеских танков на подступах к городу Орджоникидзе вблизи населенного пункта Гизель. Совместными усилиями всех родов войск атаки противника были отбиты. Скопление бронетанковых войск под Гизелем окружено и разгромлено.

В эти напряженные дни немецкие истребители появлялись над полем боя почти при каждом боевом вылете наших групп. И мы настолько уже привыкли к этому, что чувствовали себя спокойно, когда не видели "мессеров", помня, что самое страшное - это внезапный удар противника. Поэтому, обнаружив истребителей, мы чувствовали себя увереннее, зная, как от них защищаться.

В "оборонительный круг" вставляли довольно часто, случалось по нескольку раз в одном боевом вылете. Маневр этот был отработан до совершенства. Но для того, чтобы "круг" был замкнутым, требовалось не менее шести самолётов. Иногда же приходилось летать и небольшими группами по два-четыре самолёта.

... Фашистские танки пытаются форсировать реку Терек в районе Ардона.

На КП полка поступило боевое распоряжение:

- Срочно помочь наземным войскам отбить танковую атаку.

Плохая погода. Низкая облачность. Поэтому решено лететь звеньями на малой высоте и без истребителей прикрытия.

Одну из троек веду я. Мои ведомые - Борис Киселев и Саша Кубай - лётчики из молодого пополнения, но машинами владеют отлично.

В районе цели погода оказалась лучше. Облака поднялись до 800 метров и редуют. Просвечивает солнце. А это плохо, могут быть истребители противника...

Едва успеваем сбросить бомбы по танкам, как из облака выскочили два МЕ-110 - двухкилевые двухмоторные истребители. Про них на фронте ходили легенды. Говорили, что МЕ-110 обладает огромной скоростью и высокой маневренностью. Сзади к такому самолёту не подойдешь: сидит стрелок с крупнокалиберным пулемётом. С такими самолётами встречаемся впервые.

Они уже атакуют второго ведомого Киселева. Кричу ему по радио:

- Борис, маневрируй! Сзади 110-й!

А сам ввожу самолёт в глубокий вираж. Ведомые летят за мной, не отстают. Немцы, надеясь на маневренность своих машин, вслед за нами тоже вошли в вираж и пытаются поймать в прицел самолёт Бориса.

Однако Илы оказались маневреннее "мессеров". И уже на втором вираже - мы в хвосте у немцев. Да поторопились: открыли огонь с большой дистанции. Сбить фашистов не удалось. Но они уже учуяли, чем, как говорится, пахнут наши пушки, дали полный газ и умчались, пользуясь преимуществом в скорости.

Это был уже выигрыш в бою. Хваленые двухмоторные скоростные истребители МЕ-110 спасались бегством от Илов!

Пришли домой. Доложили обо всем на КП.

- Так, значит, и ушли фрицы, не попрощавшись? - улыбаясь, спрашивает гвардии майор Зуб.

- Удирали без оглядки! - вторили мы в тон командиру полка. - На скорости больше пятисот километров в час. А может, и оглядывались, как бы их не догнал на скорости четыреста километров.

- Радиус виража пропорционален квадрату скорости, - посерьезнев, продолжает командир полка, - а на глубоком вираже у нас радиус меньше. Значит мы можем бить МЕ-110. Хлопцы, надо обязательно рассказать об этом всем лётчикам. Развенчать дутую славу двухкилевых стервятников.

- Может в стенгазете поместить заметку? - спрашивает у командира полка капитан Лещинер. Он ещё по старой памяти отвечает по партийной линии за выход стенгазеты. - как раз там место осталось.

- Это, пожалуй резон, - соглашается гвардии майор Зуб. - Давайте. Так, пожалуй, дойдет быстрее и лучше.

Стенная газета в полку выпускалась регулярно. Красочно ярко оформлялась. Содержала довольно острые заметки, не только писала о положительном, но и критиковала недостатки, называла фамилии допустивших ту или иную оплошность, тот или иной промах. Обычно около свежего номера всегда толпились люди. Вывешивалась газета на стенде, рядом со столовой.

Некоторые заметки потом горячо обсуждались ребятами на отдыхе, в общезитии. Написал и я свою первую статью в полковую стенную газету. Долго ещё потом надо мной ребята при случае подшучивали:

- Нашел время Сивков заняться теорией...

- В академию его...

- Чего уж там академия... прямо в генштаб...

"Дед" вступил в бой

Проведя несколько воздушных боев с истребителями противника, лётчики полка ещё больше уверовали в огневую мощь и прекрасную маневренность своих штурмовиков. Теперь мы уже смело вступаем в активный оборонительный воздушный бой с "месершмитами" и выходим победителями.

Успешно участвуют в боевых действиях: Захар Кочкарев, скромный паренек из Дагестана; Тамерлан Ишмухамедов, рубаха-парень и отважный лётчик; Павел Гладков, тихий и застенчивый на земле, но бесстрашный мастер ударов по врагу с воздуха.

В день 25-й годовщины Октября четверка лейтенанта Владимира Демидова провела бой с тридцатью шестью фашистскими самолётами. Вот что рассказал об этом бое Герой Советского Союза майор запаса Владимир Алексеевич Демидов:

- В составе группы были молодые, но опытные лётчики Павел Гладков, Захар Кочкарев и Саша Кубай.

На подступах к Орджоникидзе шли ожесточенные бои. Погода была нелётная. Висели низкие облака. Моросил дождь. Вылетели на разведку дороги Дигора Чикола.

Когда линия фронта осталась позади, погода немного улучшилась. Летим на высоте 700 метров. Вдруг показались на горизонте точки. И скоро уже можно было различить группу из двадцати пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Их прикрывали 16 истребителей. Силы были явно неравные. Но решение одно - атаковать!

Передаю по радио:

- Я - "Дед" (это моя фронтовая кличка). Слушайте меня. Я атакую ведущего, вы бейте остальных!

Расстояние между нами и немцами быстро сокращается. Я уже вижу большой черный крест и фашистскую свастику. Только бы не промахнуться, думаю, и даю несколько коротких очередей из пушек и потом пускаю рсы.

Вражеский самолёт взрывается.

К земле потянулись ещё две полосы черного дыма. Это ребята уничтожили ещё двух бомбардировщиков. Четвертый стервятник задымил, сбросил бомбы на свои войска и начал уходить. Павел Гладков догнал его и сбил очередь из пушки.

А Захар Кочкарев в это время смело врзался в строй другой вражеской группы. Среди "юнкерсов" началась паника. Видно, удар наш был ошеломляющим, дерзким и внезапным.

В это момент подошли фашистские истребители. Первые две атаки не принесли им успеха. Мы удачно сманеврировали. В третьей атаке немцы уделили особое внимание мне как ведущему группы. Трассы снарядов летели со всех сторон. В воздухе становилось тесно: куда ни глянешь, везде огонь.

В наших самолётах появились пробоины. Но мы приблизились к дороге, которую было приказано разведать. По ней двигались машины противника. Решаю сбросить на них бомбы, но помешала длинная пушечная очередь. Разбит фонарь кабины моего самолёта, слева вместе с форточкой выпал кусок выбитой брони. Я виден как на витрине.

Самолёт мой сильно побит, но продолжает лететь. Правые рука и нога ранены. Мне было ясно: ещё одна-две такие атаки, и от меня ничего не останется. Нужно уходить, пока не поздно, и тянуть к своим...

Смотрю вниз: лечу вдоль той же дороги. По ней, как и раньше двигаются машины. Сбрасываю на их бомбы. Мои ведомые делают тоже самое.

Хочу передать им, чтобы не ждали, а шли. Но повреждена рация. Махнул рукой. Они, кажется поняли и ушли. За ними погналось несколько истребителей.

Я остался один в окружении врагов. Принимаю последнее решение: резко снижаюсь, разгоняю скорость и разворачиваюсь в сторону наших войск. Фашисты с земли открывают по мне ураганный огонь. Вместе со мной попали под обстрел и вражеские истребители. Они сразу шарахнулись в разные стороны. Преследовать меня продолжали сперва четыре, потом два и, наконец один вражеский истребитель.

На мое счастье, подбитый мотор отказал только тогда, когда я подлетел к переднему краю. Мне удалось посадить самолёт "на живот" на нейтральной стороне, ближе к нашим войскам. Самолёт остановился в двух-трёх метрах от нашего минного поля.

С большим трудом вылез я из поврежденной кабины. Перезарядил пистолет и стал всматриваться в передний край. Вокруг были одни траншеи. Людей не видно.

Вначале мне было как-то не по себе. Потом показались головы. Смотрят на меня и молчат. Я не выдержал и закричал:

- Что, не узнаете?

Слышу кто-то кричит:

- Ребята, это наш лётчик!

Через несколько минут я был уже среди своих. Остальные мои товарищи на поврежденных самолётах благополучно сели на своей территории. В полку меня считали погибшим. Через два дня я вернулся в полк и попал в объятия друзей.

Память о боевых друзьях я сохраню в своем сердце до конца моей жизни.

Память!. Память человека, какой бы она ни была несовершенной, а отдельные события сохраняет всю жизнь. Около тридцати лет прошло с тех пор, как погиб Саша Кубай, а я

помню все до мельчайших подробностей, как будто это произошло вчера.

Саша Кубай

Было в нём все ладно и скромно, в этом симпатичном блондине, пришедшим в полк вместе с новым пополнением в Куйбышеве.

Подружились мы с ним после первого разговора.

- Из Казахстана я, - просто сказал мне он.

То ли разговором, то ли скромностью своей, уж не знаю чем покорила он меня, или скорее всего своей задушевно откровенностью и чистотой. Душа его была прозрачна и светла, как хрусталик.

Письмо получил он, краснеет.

- От девушки?

- Не, у меня ещё не было...

Уж и не знаю отчего, потянулись мы друг к другу. Был он месяца полтора у меня ведомым. На земле и воздухе понимали друг друга с полуслова.

Вот как сегодня, помню тот пасмурный, неприветливый, роковой день 13 ноября 1942 года. Прилетел с задания мой командир эскадрильи Кондратков и говорит:

- Ну и погодка, ничего не видно. Очень низкая облачность.

- Неужели никак не пройти к Гизелю?

- Есть один проход в район Гизеля, но только между гор, надо идти, По сунженской долине. Да опасно: на обратном пути можно попасть в ложную долину. И тогда амба! Войдешь в ущелье и не воротишься...

- Что же делать?

- Пойду доложу командиру полка обстановку на маршруте. Видимо будем летать парами, - сказал комэск и ушел на КП.

Командный пункт размещался в землянке. Вблизи на ровной и зеленой лужайке вплотную стояли две грузовые машины "полторки" с открытыми бортами. То была импровизированная сцена, на которой собирались выступать только что приехавшие на аэродром артисты. Сюда уже сходились все свободные от работы лётчики, техники, мотористы и оружейники.

Лётчики стоят полукругом около землянки. Ждут, что же будет: концерт или бой.

Из землянки выходят гвардии майор Зуб и капитан Кондратков.

- Будем воевать, казаки, - как всегда бодрым голосом, чуть-чуть улыбаясь одними глазами, произнес Николай Антонович Зуб, обращаясь к собравшимся, - но сначала одна пара уточнит погоду над целью.

Все застыли в немом ожидании. Командир полка обводит глазами полукруг лётчиков и останавливается на мне.

- Вы пойдете, товарищ Сивков. Ведомым у вас будет Кубай.

Нам с Сашей уже не до концерта. Мы рады, что назначили нас и что летим вместе. Быстро готовимся к вылету. Идем к самолётам и взлетаем. Ложась на курс, с ревом проносимся метрах в пяти над головами артистов, занявших свои места на походной сцене.

Идем по Сунже. Метрах в пятнадцати-двадцати над землей. Миновали церковь, что стоит посередине узкой долины. Её колокольня потонула в облаках. Серый неровный потолок низкой облачности опирается на две стены горных хребтов. Идем, словно в тоннеле, и выходим в долину Терека. Курс на Жзуарикау. Там, по данным разведки, скопление вражеских танков.

Прошли линию фронта. Впереди цель. Видна группа танков. Штук около двадцати. Но проклятая погода! Облака словно стекают с гор и, лежа на земле, клубятся, закрывая цель.

Входить в облака нельзя: врежешься в горы - верная смерть. По необходимости делаем крутой разворот, чтобы не вскочить в облачность. Даже прицелиться не удалось. А танки,

фашистские танки, стоят совсем рядом! Разве можно уйти не сбросив бомб?

Делаем второй заход. Фашисты опомнились. Засверкали красные смертоносные шарики "эрликонов". Сбрасываем бомбы, но, кажется, все же не очень точно. С маневром и с максимально возможным снижением высоты, едва не цепляя винтом землю, выскакиваем на свою территорию.

"А где Саша? Не вижу... Шел все время за мной и как в воду канул..."

Вираж над своей территорией. Ещё вираж. Кричу по радио:

- Саша где ты? Что с тобой? Стань в вираж и очень медленно снижайся!

Саша не отвечает, да и не может отозваться: тогда не на всех самолётах были передатчики, а стояли только приемники.

Горючее у меня на исходе. Иду домой с гнетущим чувством. Клянусь: зачем пошёл на второй заход. Но ведь там были танки, фашистские танки! .

Конец второго тура

Ещё несколько дней напряженных боев в районе города Орджоникидзе. Теперь уже ясно, что враг не пройдет. Это, по-видимому понимает и фашистское командование. Таковые соединения настолько искромсаны совместными усилиями "земли и неба", что врагу не до жиру, быть бы живу.

На смену нам прилетел 214-й штурмовой авиационный полк. Наш полк должен направиться на пополнение и кратковременный отдых.

Капитаны Кондратов и Токарь, старший лейтенант Карабут и я остаемся на несколько дней на старом месте, чтобы передать боевой опыт вновь прибывшим товарищам, как это делали полгода назад гвардейцы 7-го полка, обучая лётчиков наших эскадрилий.

По всему похоже, что мы завершаем второй тур на Ил-2.

Майор Провоторов заканчивает очередную запись в дневнике боевых действий полка. Смотрю на его твердый почерк. Читаю крупные, аккуратно выведенные строчки.

"10 октября 1942 года. Произведено 24 боевых вылета.

12 октября. 33 боевых вылета. Подбиты четыре самолёта. Приземлились дома.

14 октября. 24 боевых вылета. Отбита танковая атака противника.

17 октября. 6 боевых вылетов на станцию Моздок.

19 октября. 12 боевых вылетов на станцию Моздок. Сбит Тимофеев, самолёт его взорвался в воздухе. Подбит самолёт Киселева, он ранен.

25 октября. Воздушный бой над своим аэродромом. Сбит один МЕ-110 и один ЛаГГ-3. 5 боевых вылетов. Сбит Земляков зенитной артиллерией. Сивков сел на вынужденную посадку.

26 октября. 12 боевых вылетов по танкам. Кочкарев сел на вынужденную посадку.

29 октября. 22 боевых вылета.

1 ноября. 22 боевых вылета по танкам. Сбит самолёт Карабута. Он спасся на парашюте. Вернулись Карташов и Епифанов.

2 ноября. 15 боевых вылетов. Прибыл Карабут.

4 ноября. 10 боевых вылетов парами на Гизель.

5 ноября. 27 боевых вылетов на Гизель. Подбит Хлопин. Ранен Ишмухаметов. Сбиты лётчики из 7-го гвардейского полка Кузнецов и Жуков.

6 ноября. 16 боевых вылетов на Дзуарику и Ардон. Жуков и Хлопин вернулись в полк.

7 ноября. 14 боевых вылетов. Бой с истребителями противника. Не вернулись Епифанов, Демидов, Кочкарев, Гладков. Самолёт Кубая получил 142 пробоины.

13 ноября. 4 боевых вылета парами на бреющем полёте. Самолёт Токаря получил 97 пробоин. Не вернулся Кубай. "

- Ну, как? - спрашивает начальник штаба, дождавшись, пока я дочитаю последнюю строку. - Есть чего добавить?

- Нечего. Все правильно, хотя и скупо.

- Эмоции не для военного документа, - замечает как всегда резко и прямолинейно Провоторов.

Да, действительно эмоций у нас теперь все меньше и меньше. Но мы теперь умеем бить врага.

Берегись, заклятый враг - немецкий фашизм. Ты никуда не спрячешься. Тебя будет жечь неистребимый огонь возмездия наших сердец, везде и всюду, пока не испепелит дотла!

Двухместный ИЛ - наша мечта

Приближался новый, 1943 год. Выполняя приказ Народного комиссара обороны И. В. Сталина от 7 ноября 1942 года № 345, где анализировался ход событий полутора лет войны и был призыв "не давать более врагу продвигаться вперед", части Красной Армии общими усилиями пехоты, артиллерии, бронетанковых войск и авиации отстояли город Орджоникидзе. Враг был вынужден перейти к обороне. Теперь надо было выгнать захватчиков с Северного Кавказа.

Полк в порядке подготовки к предстоящим наступательным боям получил в Чир-Юрте пополнение лётчиков и самолётов и перебазировался на другой аэродром. Теперь в полку вместо двух стало три эскадрильи.

Мы, четверо ведущих лётчиков (Кондратков, Токарь, Карабут и я), выполнив к началу декабря задание по передаче боевого опыта 214-му полку, распрощались с тем аэродромом, откуда наш полк два месяца вел напряженные боевые действия. Для нас это была настоящая школа ударов по врагу, академия воздушного боя, где оценки были только двух видов: победа или смерть.

Когда мы прибыли в полк, то были неожиданно обрадованы. Полк только что получил несколько двухместных Илов. У этой машины была своя любопытная история. По первоначальному проекту её создателя Сергея Владимировича Ильюшина самолёт был задуман как двухместный. Но проект был отклонен и конструктору было предложено переделать самолёт на одноместный вариант.

Уже первый фронтовой опыт показал недостаток одноместного Ила - уязвимость сзади, хотя кабина лётчика в этом месте имела достаточно крепкую броню. На самолёте не было ни пулемёта, ни пушки, стреляющих назад, и был плохой обзор задней полусферы. А фашисты в таких случаях подкрадывались сзади снизу и били по боковой части кабины лётчика, по форточке, закрываемой задвижкой из плексигласа. Поэтому весьма важно было не допустить внезапного смертельного удара, а первому увидеть противника и организовать оборону.

- Дайте нам только "глаза" назад, - говорили мы в адрес конструкторов, - и тогда будет все в порядке.

И вот появился двухместный Ил-2 - наша мечта! Теперь в задней кабине сидел воздушный стрелок с крупнокалиберным пулемётом. У стрелка был великолепный, вполнеба, обзор. Это были уже не только глаза, но и надежное оружие.

Пока полк находился на старом месте пришло новое пополнение: старший лейтенант Григорий Курбатов, командир эскадрильи, его заместитель, лейтенант Николай Дедов, старшие сержанты Николай Есауленко, Михаил Ткаченко, Анатолий Синьков. Все хорошие лётчики.

А вскоре прохладным декабрьским вечером расставались мы с командиром эскадрильи капитаном Кондратковым. Уходил они из полка на повышение - в дивизию. На его место был назначен Иван Карабут.

Так уж повелось с самого начала нашей совместной службы, капитан Артемий Леонтьевич Кондратков, внешне неказистый, остроносый, с бритой головой и забавной ямочкой в середине подбородка, будучи старшим по возрасту и званию, обладая спокойным, рассудительным характером и большим уже опытом войны, опекал меня, молодого, горячего и с меньшим опытом лётчика. И на этот раз, перед тем как уехать к новому месту службы, он решил напоследок поговорить со мной.

- Не обижайся, Гриша, Что не оставляю тебя за себя.
- Иван хороший лётчик и командир.
- Правильно, а тебе надо горячность побороть в самом себе.
- Стараюсь.
- Не стесняйся спрашивать, что неясно, у майора Провоторова.
- Хорошо.
- У Ивана Ивановича опыта на десятилетиях. Ты не смотри, что он такой тихий. А как лётчик сильнее многих в полку.

Трудно мне было расставаться со своим самым близким наставником, товарищем, ведущим, с которым десятки раз летал на сложные боевые задания. Как я не старался, но не мог, очевидно, скрыть своего огорчения. Капитан Кондратков, чувствуя это, сказал:

- Не тоскуй. Не на тот свет уезжаю. Писать не люблю, а заглядывать изредка буду.
- Спасибо.

Не подставляй самолёт под чужие пушки. Береги себя. Привязался к тебе, как к меньшему брату...

Кондратков пристально глядел на меня задумчивыми, серыми, словно отцовскими глазами. Потом неуклюже обнял и зашагал к ожидавшей его машине. Может мне показалось, что ссутулившиеся плечи капитана Кондраткова вздрагивали...

В полк на фронтовую стажировку сроком на один месяц прибыл из ЗАПа лётчик-инструктор лейтенант Евгений Прохоров, жизнерадостный и интереснейший по натуре, большой, светлой души человек. Был он хорошим рассказчиком, знал уйму различных анекдотов и всевозможных авиационных приключенческих историй.

С Женей Прохоровым мы подружились, а сошлись довольно близко уже в Куйбышеве, куда нам привелось несколько позже снова ехать за самолётами.

Погода у нас стояла нелётная. Серые лохматые облака закрывали горы. Небо очищалось лишь иногда ночью, когда мы не летали. За это время успели сходить даже в театр.

Как-то в конце очередного "дня ожидания погоды" кричит дежурный по полку:

- Кто в театр, выходи к машине!

Вышли мы с ребятами на крик, сели в полуполторку и поехали с аэродрома в город.

Билеты в кассе нам оставили заранее. Вошли гурьбой в фойе. Люди смотрят на нас с подчеркнутым вниманием. Мы в комбинезонах, унтах, будто с Северного полюса приехали. Хотя и была война, но люди в театр пришли прилично одетыми. Мы невольно сбились в кучу, прижались в уголке. Стоим. Женька Прохоров, как всегда, рассказывает какую-то смешную историю, а потом берет театральную программку и говорит:

- Вот так, дорогие товарищи, прибыл, значит солдат с фронта, чтобы посмотреть "Фронт"...

Ребята оживленно смеются.

В тот вечер посмотрели мы пьесу А. Корнейчука "Фронт". Очень она нам всем понравилась. Мы были буквально взбудоражены этой злободневной и острой пьесой. На обратном пути и дома перед сном бурно обсуждали её, споря между собой и даже с автором. А в целом пьесу приняли: "Молодец, Корнейчук!" И уснули до предрасветного подъема и очередного выезда на аэродром.

Проклятая погода! Сидим и никак не можем вырваться на равнину. Правда, эскадрилья майора Панина все же удалось перелететь через Терский хребет. Наши товарищи ведут успешные боевые действия. А мы каждый день, спозаранку уезжая на аэродром, надеемся последовать их примеру. И каждый вечер снова возвращаемся на полуполторке домой, даже не расчехлив самолёты.

В эти ненастные дни узнали мы фронтовую песенку композитора Табачникова "Давай закурим". Она сразу покорила нас своей искренностью и душевностью, мечтой о тех днях, когда наша Родина снова будет полностью освобождена от фашистской нечисти.

Как только мы усаживались в грузовик и машина трогалась с места, обязательно кто-

нибудь запевал:

Дует теплый ветер, развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять...

Особенно проникновенно с глубокой верой а правдивость и обязательность этих вещей слов мы подхватывали напев:

Снова нас Одесса встретит как хозяев.

Звезды Черноморья будут нам сиять...

А до Одессы, Каховки и до города Николаева было ещё так далеко... Но тем сильнее звучала эта песня призывом бить врага беспощадно, скорее освобождать родную землю от ненавистных захватчиков.

В канун нового, 1943 года полк получил ещё восемнадцать двухместных машин. А 3 января началось наступление наших войск на Северном Кавказе!

Неделю спустя, с установлением летной погоды, мы были уже в освобожденном Моздоке.

Сегодня мы рано ушли с аэродрома. Боевой задачи полку пока нет. Гвардии майор Зуб приказал лётчикам отдыхать, набираться сил к новым боям.

Медленно идём по городу. Видны следы недавних боев. Особенно много разрушений вблизи железнодорожной станции.

Однополчанин Иван Лупов вспоминает об этих днях: "Немецко-фашистские войска недолго продержались в Моздоке. Но свирепствовали они, как лютые звери. Перед самым уходом из города зверски расстреляли группу детей, женщин и стариков. Мы хоронили невинные жертвы. А когда возвратились с кладбища, капитан Лещинер сказал:

- Фашистские палачи умертвили наших людей только за то, что они были советскими людьми.

Ребята поклялись тогда жестоко отомстить врагу. И слово свое сдержали в очередных боевых вылетах на вражеские позиции".

Наутро следующего дня, едва мы появились на аэродроме, - боевое задание.

- Парой двухместных самолётов разведать автоколонну противника на участке дороги от станции Прохладное до Георгиевска и с бреющего полёта точно установить, где находятся наши войска и где противник.

Командир полка назначил меня ведущим пары. Ведомый - Володя Ильин. Вместо воздушного стрелка со мной летит опытный штурман Тима Гуржий. Он ещё на самолёте СУ-2 был известен в полку как снайпер бомбометания. На его счету более полутора сотен боевых вылетов и не менее полсотни - ведущим группы.

- Тима, - спрашиваю я, - сможем мы отличить наши войска от немцев?

- Сможем, - без тени сомнения, слегка улыбаясь, отвечает он.

- Как, по каким признакам? - обращаюсь я уже и к Тиме и к стоящему рядом Володе Ильину.

- У наших шинели серые, а у немцев зеленые, - говорит Володя Ильин.

Тима Гуржий добавляет:

- Наш Ил-2 теперь уже хорошо знают и наши войска и немцы. Увидев нас, наши обычно стоят во весь рост и машут руками или шапками. А немцы разбегаются, как овцы, и прячутся, куда попало.

- Начнут стрелять по нам, все сомнения исчезнут, - единодушно заключаем мы разговор и расходимся по самолётам.

Руководствуясь этими признаками, мы действительно довольно легко установили точное местонахождение противника. Затем прошли немного на запад, за линию фронта. Севернее Георгиевска обнаружили большую колонну автомашин противника.

- Поохотимся?! - кричит мне Тима.

- Можно, отвечаю ему, делаю разворот, и наша пара устремляется в атаку.

Почти одновременно вспыхивают два вражеских грузовика. Разворот, ещё атака! И снова удачно. Веселая работа. Ни зениток, ни истребителей противника.

Под нами идут навстречу друг другу два бензовоза. Один из них зажигает Володя Ильин. Горящая машина остановилась поперек дороги, и в неё врежется встречный бензовоз. Взрыв, столб огня. Бензовозы горят. А мы снова и снова атакуем автоколонну.

У меня кончились боеприпасы в пушках и пулемётах. Сброшены все восемь РСов. Кажется увлеклись немного...

Патроны есть? - спрашиваю у Тимы Гуржия.

- Немного оставил.

- Идем домой!

Разворот на 90 градусов. Володя Ильин на месте, молодец, парень! И вдруг Тима кричит:

- Гости!

- Какие гости? Где?

- Два "мессера-109", справа сверху, уже заходят!

- Что будем делать Тима? Снарядов - то у меня нет!

- Будем уходить виражем, - отвечает Тима.

Я кричу Ильину:

- Володя, держись плотнее. Не отставай на вираже!

- Понял, понял, - басит он в ответ.

Немцы приближаются, вот-вот откроют огонь. Тима кричит:

- Вираж!

Закладываю глубокий вираж. Ухожу из-под прицела "мессеров". Короткий взгляд назад. Володя держится за мной.

- "Худые" вышли из атаки, докладывает Тима, следя за "мессерами", - и набирают высоту.

Ложимся на курс домой. А немцы снова приближаются и атакуют. И снова в критический момент команда Тимы:

- Вираж!

Так продолжается несколько раз. И всегда мы легко "надуваем" фрицев. Мы привыкли летать на бреющем полёте и можем уверенно делать глубокие виражи, едва не касаясь крылом земли. А им привычнее большая высота, на малой им опаснее: одно неверное движение и могут врезаться в землю.

И все же "мессеры" не отстают, все наседают и наседают. Они атакуют и бьют из пушек, но... к счастью, мимо. Тогда они, по-видимому, решили нас, как говорится, подловить: разделить по одному. Один фашист атакует. Мы делаем вираж. А когда ложимся на курс, второй фашист идёт в атаку. Однако и такой маневр им не удаётся.

Мы не успели ещё развернуться на 360 градусов, а только наполовину, как сталкиваемся со вторым "мессером" лоб в лоб.

"Откуда немец может знать, что у меня кончились снаряды? - мелькнула в разгоряченном мозгу мысль. - Спокойно, не кипятись!" И иду в лобовую атаку. Вижу неудержимо наплывающий на меня самолёт. "Ах, сволочь, были бы снаряды"... Мессер у меня в прицеле. А в кабине становится почему-то так тихо, что слышу, как стучит молоточком в висках. "Таран так таран"... Отчетливо вижу кабину немца и, мне кажется, его румяное, словно на картинке лицо. Секунда, другая, и мы столкнемся. Но нет, немец, едва уловив, что я в него прицеливаюсь, круто взмыл вверх. "Ах, стервец, все-таки боишься наших пушек!"

Теперь снова курс домой. В лобовой атаке мы набрали метров сто высоты. Немедленно снижаться поближе к земле. И вдруг отчаянный Тимы:

- Вираж!

Предельный крен. Ручка на себя. Треск пулемётной очереди, и радостный возглас Тимы:

- Ага, доигрался "худой"! Есть! Упал!

Оказывается, едва мы отошли от земли, как один из фрицев подобрался - таки сзади

снизу, под стабилизатор, где не видно его, и чуть было не открыл огонь с малой дистанции. Но мы вовремя снизились. Земля близко. , "мессер" вынужден был выйти из-под хвоста и повис над нами метрах в тридцати. Тут-то и прошил его Тима длинной очередью из пулемёта. Немец взмыл вверх и с переворотом врезался в землю.

А второй стервятник куда-то исчез.

- Уходим домой!

- Понял, понял! - слышу голос Володи Ильина. - Иду за вами.

Через полчаса мы уже были дома.

На боевые задания из Моздока нам летать больше не пришлось.

- Самолёты приказано сдать соседнему полку! - разочарованно сообщил на следующий день гвардии майор Зуб своим заместителям и командирам эскадрилий. Как же так?! - возмутился Иван Карабут. - Тильки приноровились и на тебе...

Самый старший из командиров эскадрилий по званию и возрасту майор Иван Иванович Панин понимающе молчал.

- И половину летного состава надо отдать соседнему дяде, - подлил масла и огонь в огонь майор Провоторов.

- Самолёты отдать! - подтвердил свой прогноз командир полка. - А что касается летного состава, то еду сейчас же в дивизию. Всех лётчиков в машины и - в ближайшую станицу, чтобы ни одного не было в Моздоке, до моего приезда! приказал он начальнику штаба полка майору Провоторову и улетел к командиру дивизии.

Около недели, пожалуй, сидели мы в станице, а потом вернулся гвардии майор Зуб собрал весь лётный состав и, не скрывая довольной улыбки. , сказал:

- Приказано всем лётчикам остаться в полку. Едем в Куйбышев получать самолёты!

Снова Куйбышев

Перед тем как развернуться последним событиям в полку, Женя Прохоров был направлен штабом в командировку в город Махачкалу.

Вечером, после возвращения с очередного задания, сидим в комнате. Женя пришивает к гимнастерке чистый подворотничок, готовится в дорогу. Николай Есауленко чуть слышно перебирает клавиши баяна.

- Подвезло Женьке! - с доброй улыбкой говорит Николай, тихонечко наигрывая. - Будет где погулять-повеселиться...

Старший сержант Николай Есауленко - бывший лётчик-инструктор летной школы. Лихой, с характером парень, кубанский казак по крови и натуре. Отличный лётчик и прекрасный баянист.

Проводили мы Женю. Поджидаем обратно. А тут вскоре возвратился майор Зуб из штаба дивизии. Узнаем, что дорога наша тоже лежит через Махачкалу, Баку, Красноводск, Ташкент. Круглым путем едем в Куйбышев.

Даем телеграмму Жене Прохорову, что едем на Волгу через Махачкалу.

Встречает он нас на вокзале ночью. Увидели мы Женю в шумливой толпе пассажиров, закричали, услышал он, подбежал к вагону. Весь продрогший от холода. Махачкалинская зима не то что на Урале, но все же зима, да ещё поезд наш опоздал, тогда все эшелоны находились в пути по несколько суток.

- Держите, - осевшим голосом говорит Женя и протягивает какой-то сверток, обернутый тряпицей. - А с этим "золотым теленком" поосторожнее братцы. - Он сует в руки Ивану Карабуту свой чемоданчик.

Не помню уже, с чьей легкой руки прилепилось прозвище к чемоданчику, с которым Женя приехал в полк и в котором вместе с пилоткой, парой белья постоянно находилась книга И. Ильфа и Е. Петрова "Золотой теленок". Её в часы досуга перечитал, наверное весь личный состав полка.

Вошли мы в вагон, разместились. Женя докладывает:

- Вот здесь, братцы, - он указывает на сверток, что в руках у Николая Есауленко, полбарана. А в "золотом теленке" пять бутылок.

Иван Карабут присвистывает:

- Только и всего? .

- А ты думал, на наши деньги можно цистерну купить? - под всеобщий смех парирует Женя Прохоров. - Хотите новый анекдот, братцы?

- Давай!

Ехали мы в общем вагоне. Наверху, в конце купе, мигал фонарь с огарком свечи. В полутьме мы и соседние пассажиры с интересом прислушивались к Женькиному выразительному голосу. На нижней боковой полке ехала какая-то девушка. Она в конце анекдота оглашала купе звонкими раскатистыми "хо-хо-хо", словно чайка-хохотунья. А за ней уже весь вагон содрогался от заразительного смеха.

На вторые сутки приехали в Баку. Ожидаем теплоход, чтобы добраться до Кисловодска. Голодновато без привычной горячей пищи. Во фронтовых условиях лётный состав кормили очень прилично. А тут приходилось мириться: скудный сухой паек. Наличные деньги почти на исходе. Да и денег - то у нас помногу никогда не было: отсылали по денежным аттестатам домой. До очередной полочки ещё далеко. Довольствуемся тем, что есть.

Иван Карабут выдал каждому по два сухаря и по столовой ложке сахара-песку.

Раздобыли в порту кипятку. Подкрепились. Сидим, размышляем вслух, чего бы на оставшиеся деньги купить в дорогу из харчей.

- Закупим, братцы, чая, - хозяйственно предлагает Женя Прохоров.

В добром согласии закупили на все деньги чая и пустились в дальний путь на Волгу по Каспийскому морю, через всю Среднюю Азию.

Каспий вообще суров а зимой тем более. Штормит, многотонные, словно свинцовые валы методично бьют о борт теплохода, кидают его, словно щепку, шумно захлестывают палубу, накрывают её ледяной водой. С непривычки ребята неважно переносят морскую качку, но виду не показывают, стараются держаться бодро.

Лицо Жени Прохорова осунулось, стало серо-пепельным, но он, перебарывая себя, как обычно, рассказывает ребятам разные смешные истории.

День моего рождения - 10 февраля - отмечали на теплоходе. Все организационно-технические мероприятия взял на себя Иван Карабут. Договорился с капитаном, получил разрешение собраться в кают-компанию. Упросил корабельного кока приготовить закуску из баранины.

Собрались мы за праздничным столом. Пшеничную кашу с бараниной сварил кок, да ещё от себя в подарок прислал к столу две вазы кураги. Разлили по рюмкам оставшееся вино, досталось каждому "по маленькой перечнице".

Майор Зуб поздравил меня, ребята тоже.

Все ребята были очень веселыми, радостными. Незадолго до этого, 2 февраля, наша армия завершила ликвидацию окруженной группировки гитлеровских войск под Сталинградом. Это был всенародный праздник, исторический, поворотный момент войны.

А потом Николай Есауленко потчевал всех нас, меня, понятно, в первую очередь, своей блестящей, виртуозной игрой на баяне и великолепными песнями.

Николай запевал, ему хором подпевали. Спели все песни, которые знали: и "Катюшу", и "Любимый город", и "Вечер на рейде", и многие другие. А в конце майор Зуб попросил:

- Сыграй ещё раз, Коля, ту самую...

Николай понимающе тряхнул чубом и растянул мехи баяна. В напряженной тишине полилась знаменитая "Землянка" на слова Алексея Суркова. Командир полка, чуточку опустив плечи, задушевно пел полюбившуюся всем нам песню. Мы вполголоса ему помогали. В уютной тишине, напоминавшей нам чем-то отчий дом, ровно звучал тоскующий голос нашего командира. Он, должно быть, вспоминал о жене и дочурке, от которых долго шли письма из далекого тыла, где они находились в эвакуации.

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага...
Так было отмечено мое двадцатидвухлетие.

В Красноводске погрузились в два товарных вагона и стали держать путь в Куйбышев через Ташкент. Вагоны наши подцепляли на больших перегонах то к одному, то к другому составу. Ташились еле-еле. Но, если случалось подцепиться к угольному эшелону, мчались без остановки - по "зеленой улице".

Выданный на дорогу сухой паек с каждым днем таял на наших глазах. Зато мы впрок были обеспечены своим собственным чаем разных сортов.

На остановках дежурные разжигались кипятком. В ведрах заваривали чай, черпали кружками и пили с сухарями и "вприглядку", когда они кончались. Ехали до Куйбышева в основном на чае...

Вся дорога от Моздока заняла у нас 22 дня. Где бы мы не останавливались в пути, всюду давала себя знать война. Она шла уже второй год. Люди устали но не унывали, боролись с трудностями и невзгодами.

В Куйбышеве мы остановились на заводском аэродроме. Побывали в театре и на вечерах - встречах с заводскими рабочими. Особенно бросались в глаза сверхчеловеческое напряжение людей и их непоколебимая вера в победу.

Выкроив один из вечеров, зашли мы к старушке, у которой квартировали в свой первый приезд. Узнала, обрадованно засуетилась.

- Уж извиняйте, Христа ради, гости дорогие, что угощать вас нечем, запричитала она, ставя на стол рядом с самоваром сковороду картофельных лепешек, обваленных в отрубях.

- Чаю и сахара, мамаша, у нас в достатке, - Иван Карабут выложил два мешочка. - Чего-чего а этого добра хватает...

- Хорошо, что у вас-то, фронтовиков, хучь есть. А мы тут как ни-то обойдемся. Теперича, поди, недолго уже осталось воевать-то?

- Недолго, недолго, мамаша, - согласно кивнул Иван

- А где же Коля? - вдруг неожиданно спрашивает меня Матрёна Фёдоровна и Николае Тимофеев.

- Погиб Коля, - тихо отвечаю ей.

Хозяйка наша опечалилась, тяжело вздохнула...

- А балабон-то этот, не помню как по фамилии не помню, ну, Васей звали, где?

- Вася Гаврилов тоже погиб...

- Царство им небесное, - всплакнула старушка - У меня тоже на одного сына похоронная пришла. - Она краешком платка утёрла слёзы.

- Живой-то сынок мой Гаврила пишет: медаль получил - обратилась она ко мне. - А у тебя ещё один орден прибавился?

Матрёна Фёдоровна с умилением смотрела на мои ордена Красного Знамени.

В Куйбышеве мы пробыли дней десять. Получили новые самолёты и полетели, как было приказано, в Армавир.

Пока мы ездили за самолётами фронт заметно продвинулся. Северный Кавказ был почти очищен от немецко-фашистских захватчиков. Линия фронта переместилась на север и северо-запад. Красная Армия только что освободила Краснодар и гнала врага дальше на запад. В районе станиц Славянская и Крымская противник ввел в бой свежие силы и сумел закрепиться.

- Когда фрицы драпали и был самый выгодный момент для их штурмовки, мы уехали в Куйбышев, - сетовал майор Провоторов. - А теперь он опять укрепились. Нам придется много сил приложить, чтобы взломать эту самую "Голубую линию".

На Кубани была ранняя весна, пожалуй, самое чудесное время на земле. Ясная синь неба с редкими белыми облаками. Редкие островки серого ноздреватого снега и черные поляны-проталины, пригретые палящим солнцем, дышат белесым паром. Стаи напуганных орудийным гулом, задержавшихся с пролетом на север грачей. А на проснувшейся земле уже

копошатся люди. Вблизи жилья виднеются бело-розовые шапки деревьев - цветет миндаль...

Но в эту весеннюю пору враг ещё топчет нашу землю, и мы делаем в день по несколько вылетов, сбрасываем смертоносный груз на его позиции.

Полк расположился на аэродроме возле станицы Новотитаровская. Первые два дня проходят удачно: задания выполнены и все самолёты возвратились на свою базу. Третий весенний день омрачен. Не вернулся с боевого задания отважный лётчик, командир третьей эскадрильи Григорий Курбатов. Самолёт его был подбит над целью. Уже над нашей территорией возник пожар в моторе. Курбатов начал резкое скольжение, чтобы сбить пламя. Но земля была слишком близко, и пламя сбить ему не удалось. Самолёт зацепил за дом на окраине станицы Поповическая. Комэск Григорий Курбатов погиб. Его место в строю занял Николай Дедов.

В середине апреля с гор хлынули холодные потоки воздуха, небо заволочло сизыми тяжелыми облаками, свисавшими рваными клочьями до самой земли. Нудно накрапывал мелкий дождик.

Сидим в белом уютном домике, чудом уцелевшим среди таких же своих собратьев, что были, словно колония грибов, разбросаны рядом с аэродромом. С КП пришел капитан Карабут. Слышно как он аккуратно чистил о скребок налипшую на подошвы сапог грязь и шумно стряхивал с шлемофона воду.

- Срочное задание, - сообщил он, войдя в дом и показывая мне на стул рядом с собой. Затем, увидев, как я посмотрел в окно на затянутый плотной пеленой горизонт, сказал: - Знаю, погода дрянь, но надо слетать. На юго-запад от станицы Крымская железная дорога и шоссе. Приказано разведать.

- Есть, товарищ капитан!

- Пойдете парой, с Прохоровым.

- Он идёт в первый раз...

- Знаю. Справится. Он умеет летать в сложных метеоусловиях.

И мы уже чавкаем сапогами по намокшей земле. По пути к стоянке самолётов объясняю Жене задание. Капитан Карабут, провожая нас напутствует:

- Будьте поосмотрительнее. Зря на рожон не лезьте. Помните задание только разведка.

Взлетели мы с Женей. Идем почти у самой земли. Вот и Крымская. На юго-запад от станицы - дорога, по ней оживленное движение автомашин противника. Эх, поштурмовать бы! Но с гор сползают низкие облака, точь-в-точь как в предгорьях Кавказа. Сверкнула очередь "эрликонов". Обстановка ясна. Лезть дальше в горы нет смысла. Разворот влево. Горы близко. Хотя и невысоки, каких-нибудь 400-600 метров, но на них лежат облака. Это опасно. Лишь на мгновение мелькнул в развороте неровный край серого тумана и я снова вижу землю. Обстановка сложная.

Женя - в первом боевом вылете, и сразу попасть в такую сложную ситуацию. На развороте он вскакивает в облака. Я уже на обратном курсе. Над нашей территорией, севернее станицы Абинская, делаю вираж, поджидаю Женю. Вот-вот, думаю, появится из облаков. А его нет и нет.

Смотрю на бензиномер и нехотя направляюсь домой. Хочется верить, что Женя уже, наверное, прилетел. Он прекрасно летает в облаках. Но дома его не оказалось...

На следующий день на небе ни облачка. С утра шестеркой идём бить по артиллерии противника. Южнее станицы Крымской, у западного склона высоты, на территории занятой противником, лежит разбитый обгоревший ИЛ. Раньше его не было. Никто, кроме нас, вчера здесь не летал. Значит это самолёт Жени Прохорова. , значит он погиб...

Возвратились с задания, доложили на КП. День-другой подождали, нет лейтенанта Прохорова.

- Отошлите вещи его родным, - говорит майор Провоторов. - Все же какая-то память...

А вещей-то у лейтенанта Прохорова не оказалось лишь чемоданчик один "золотой теленок". Ехал Женя Прохоров к нам в полк на кратковременную стажировку и потому никаких вещей с собой не захватил. В чемоданчике оказалась пилотка, книга И. Ильфа и Е.

Петрова "Золотой теленок" и карандаш.

Книгу мы отдали командиру полка гвардии майору Зуб. "Пилотку беру себе на память", - сказал капитан Карабут. А мне на память о Жене Прохорове достался карандаш...

Очень тяжело переживал я гибель друга. Терзал и винил себя, вспоминая вещи слова майора Зуба о том, что когда летишь не один, надо помнить о тех, кто идёт вместе с тобой... Терзал я себя тем более что это был первый боевой вылет Жени.

Дней через пять после того, как не вернулся Женя Прохоров, Саша Гуржиев летал с очередным заданием по связи в район Краснодара. Саша - опытный лётчик. На СУ-2 сделал около сотни боевых вылетов. Потом его списали по здоровью, после ранения. Разрешили летать только на ПО-2. Теперь он летал в дивизионном звене связи.

- Ребята видел Ил-2, - сообщил нам Саша в общезжитии. - Стоит, накренившись, с поломанной ногой шасси. Уж не Женька ли там сидит?

- Ты что? - возразил Иван Карабут. - Прохоров дисциплинированный хлопец.

Все-таки на всякий случай Гуржиева направили вторично в то же место. И что вы думаете, привез он Женьку и его стрелка Швецова живыми и невредимыми. А их самолёт отбуксировали на ближайший аэродром, где техники быстро отремонтировали и ввели в строй.

Потом уже Женя рассказывал, как все случилось:

- Когда на обратном пути ударили зенитки, я ушел за тобой в облака. А выходить из них опасно - как бы в гору не врезаться. . Вот и пошёл на восток, подальше от гор. Лечу, вижу: горючее на исходе. Вышел из облаков и не пойму, наша или чужая территория под нами. Похоже потерял я ориентировку в полёте. Летел-то на задание в первый раз. Особо за ориентировкой не следил. Ведь ведомым летел... Город какой-то.

- Давай подальше на восток о этого города, - советует Швецов. - Черт знает, наш этот город или у немцев...

Послушал его и тянул на восток, пока было в баках горючее. Сели возле деревушки, почти удачно сели, только в конце пробега попал одним колесом в яму, шасси у машины подломал. Сбежались жители. Деревенька оказалась нашей. Фашистов давно там уже не было. Дал я телеграмму в полк, как положено. А её видимо не получили. Охрану самолёта выставить некого: в деревне одни пацаны и старухи. Так и сидели мы со Швецовым у самолёта, пока нас Гуржиев на кукурузнике не подобрал.

После этого случая Женя Прохоров сделал много успешных боевых вылетов, участвовал в жарких воздушных сражениях. Ему уже неоднократно поручали водить группу самолётов. Парень он был талантливый, имел блестящую летную и штурманскую подготовку. Командование полка, оценив это, представило его к очередному званию старшего лейтенанта.

И вот, когда в полку за событиями и переживаниями стали уже забывать о случае с Женей Прохоровым, вдруг поступила телеграмма. В ней излагалась просьба вернуть лётчика-стажера лейтенант Прохорова после прохождения стажировки обратно в часть, из которой он прибыл в наш полк. На что майор Провоторов безапелляционно сказал, свернув трубочкой телеграмму:

- Дудки им, а не Прохорова!

И пояснил свою позицию:

- Во-первых, он не лейтенант, а уже старший лейтенант. Во-вторых, он будущий заместитель командира эскадрильи. И, в-третьих, он уже не стажер, а опытный лётчик-штурмовик. И его нецелесообразно отправлять обратно в запасной полк.

Майор Провоторов тотчас подготовил шифровку в дивизию. Там с его доводами согласились. Так и остался Женя Прохоров в нашем полку до конца войны.

В полк вскоре прибыло новое пополнение летного состава: Иван Павлов, Николай Мельников, Николай Буравин, Василий Фролов, Николай Калинин. Это были молодые лётчики, но толковые и очень дружные между собой ребята.

Пополнение пришло в самое горячее время. В полку велась тщательная и всесторонняя

подготовка к прорыву "Голубой линии". Так называли немцы свой сильно укрепленный рубеж обороны на Таманском полуострове. Южным концом "Голубая линия" упиралась в берег Черного моря, а северным - в плавни у реки Протока.

"Голубая линия"

Рубеж этот немецко-фашистское командование позаботилось хорошо укрепить заранее, ещё перед своим отступлением с Кавказа, чтобы зацепиться на Таманском плацдарме. Противник сосредоточил здесь много артиллерии и в том числе зенитных орудий. Перед нами стояла задача: помочь наземным войскам взломать и прорвать оборону противника.

Перед очередным боевым вылетом гвардии майор Зуб сказал:

- По разведанным в станицах Молдаванская и Киевская у немцев много зениток. Имейте это в виду. Будьте поосмотрительнее.

Всякий раз, когда мы приближались к станице Молдаванской, противник встречал нас ураганным огнем. А вот артиллерия в станице Киевской почему-то молчала. При отходе от цели со снижением, мы часто проносились над зелеными кварталами Киевской и чувствовали себя в безопасности. Станица эта находилась почти на передовом крае немецкой обороны. Если подобьют, то можно вполне спланировать на нашу территорию. И главное: из пышных садов станицы не стреляют. Поэтому даже как-то приятно было пролетать над станицей Киевской, такой зеленой и казавшейся тихой и мирной. Но каково было наше удивление, когда после освобождения этих станиц мы узнали, что в Киевской зениток находилось гораздо больше, чем в Молдаванской.

Майор Провоторов на это заметил, как всегда, прямолинейно:

- Чему удивляться? В Киевской - румыны.

Наземные войска Красной Армии при поддержке авиации вели изнурительные и ожесточенные бои. Но никак не могли одолеть вражеские укрепления и снова погнать немцев на запад.

- Крепкий орешек эта "голубая линия", - говорил майор Зуб. - Работы будет много. Успех боя во многом зависит от преимущества в воздухе.

И, действительно, в апреле 1943 года на Кубани развернулись небывалые доселе по размаху и ожесточенности воздушные бои. Противник сосредоточил здесь огромное количество истребителей и пытался вновь завоевать утраченное господство в воздухе. В Анапе находилась немецкая истребительная эскадра, состоявшая в своем большинстве из опытных лётчиков, воздушных "асов".

Что бы прикрыть с воздуха наши наземные войска, бомбардировочную авиацию и прочно удерживать господство в воздухе, наше командование перебросило в этот район боевых действий резервные соединения истребителей. В их состав входили истребительные полки с Дальнего Востока. Они были укомплектованы кадрами с хорошей летной подготовкой, лётчиками, которые стояли на страже восточных рубежей Родины и уже два года рвались в бой. Теперь они дрались с врагом, точно львы.

Как сообщала газета 4-й воздушной армии, один из этих лётчиков, старший лейтенант Иванов только за один день сбил пять вражеских самолётов.

Отечественная промышленность к тому времени уже безотказно снабжала нашу авиацию самолётами. На фронте появились бомбардировщики ТУ-2 и новые истребители Лавочкина и Яковлева.

В воздушных сражениях на Кубани в эти дни участвовали непревзойденные мастера воздушного боя Покрышкин, Лавриненков, Камозин, братья Дмитрий и Борис Глинки и другие замечательные лётчики - истребители.

Почти круглые сутки над линией фронта непрерывно шли жаркие воздушные схватки. В каждом боевом вылете на маршруте к цели мы наблюдали гигантскую панораму воздушного сражения. Идем плотным строем двух-трёх восьмёрок, а вокруг - слева, справа, вверху на большой высоте, над морем и над сушей всюду, куда не посмотри, - клубки

воздушных боев, снующие точки истребителей, словно тучи комаров. То и дело вспыхивают факелы горящих самолётов. На Кубани в ту пору в воздушных боях участвовало одновременно по несколько сотен истребителей.

Командование фронта ещё в начале февраля высадило морской десант в районе Мысхако, юго-западнее Новороссийска. Это создало угрозу южному крылу обороны немецко-фашистских войск на "Голубой линии".

Противник стремился во что бы то не стало ликвидировать этот плацдарм. Нашему десанту приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях вести бои, чтобы удержать занятые позиции. О событиях на Малой Земле - как тогда называли плацдарм наших моряков под Новороссийском - написано довольно много книг. Что бы не повторяться, мне хотелось бы отметить, что наш полк всемерно поддерживал десант морской пехоты. Лётчики доставляли морякам продовольствие, боеприпасы, медикаменты, бомбили вражеские войска, поливали пушечно-пулемётным огнем артиллерийские батареи противника. Само появление на Мысхако наших штурмовиков уже было помощью нашим морякам, так как при появлении самолётов на бреющем полёте автоматный, пулемётный и артиллерийский огонь врага, как правило прекращался. Фашисты боялись штурмовиков, летавших над их головами, прятались в окопы. В эти минуты "затишья" моряки либо имели короткую передышку, либо, воспользовавшись заминкой врага, переходили в контратаки. Штурмовики обычно летали под прикрытием истребителей. Однажды поутру мне поручили вести группу самолётов для поддержки десантников. По дороге положено было взять на соседнем аэродроме группу истребителей прикрытия. Как всегда в таких случаях, штурмовики делали круг над аэродромом, взлетали истребители, пристраивались, и мы вместе летали на боевое задание.

Подошли мы к аэродрому. Сделали один круг. Никто не взлетает. Второй круг. Опять наших истребителей не видно.

Что делать?

Только два выхода. Лететь без прикрытия истребителей и выполнить боевое задание или, израсходовав бензин, возвращаться с бомбами на аэродром, не выполнив задания.

Зная, что на Мысхако ждут моряки, принимаю решение идти без прикрытия истребителей.

Идем к цели. Вокруг воздушные бои. К счастью, вражеские истребители не атаковали нашу группу. Не до нас, видимо, было тогда "мессерам".

Мы сбросили бомбы на вражеские окопы, отштурмовались и возвратились благополучно на свой аэродром.

Прихожу на КП полка доложить о выполнении задания. А там командир дивизии полковник Гетьман. Выслушал он мой доклад и говорит:

- Почему летали без прикрытия?

- Не взлетели истребители.

- Вы рисковали людьми! Хорошо, что все обошлось благополучно. Десять суток домашнего ареста с исполнением служебных обязанностей.

Летать на боевые задания я, конечно, по-прежнему летал, а вот в свободное от полётов время десять дней пришлось посидеть дома...

Вскоре я убедился насколько был прав командир дивизии в своей требовательности. 21 апреля группа старшего лейтенанта Дедова пошла на боевое задание в район Новороссийска. Истребители прикрытия, охраняя штурмовиков, вступили в бой с "мессершмитами" и "фокке-вульфами". В это время подошла вторая группа - более двадцати вражеских истребителей - и навалилась на восьмерку самолётов Николая Дедова.

Отважно дрались воздушные стрелки. Будучи тяжело раненым, Варич сбил один МЕ-109. Но силы были слишком не равны. Пять наших самолётов не вернулись домой. К счастью, пять человек из десяти оказались живы и несколько позже возвратились в полк. Самолёт Киселева - Варича приземлился на фюзеляж на Малой земле. Лётчики Слесарев и Лагош спаслись на парашютах. Воздушные стрелки Рагозин, Ямин, Фараджев, и Фадеев погибли. В этом же бою погиб отважный сын Дагестана Захар Кочкарев, который

неоднократно отличался в яростных схватках с врагом ещё на Кавказе.

Напряжение боевых действий на "Голубой линии" все возрастало и возрастало. Наши наземные войска успешно атаквали противника в районе станиц Крымская и Киевская. Взаимодействуя с ними, усилила свои удары с воздуха на этом участке фронта и авиация. Мы делали по два-три боевых вылета в день. Наши воздушные стрелки каждый раз проявляли образцы мужества и стойкости, отваги и героизма при отражении атак истребителей.

В полковом дневнике в эти дни записано:

"28 мая 1943 года. 29 боевых вылетов.

29 мая. 35 боевых вылетов. Группа Синькова вела бой с истребителями противника. Воздушные стрелки Останин и Алексейков сбили два ME-109.

30 мая. 18 боевых вылетов. Вели бой с истребителями противника: группа Карабута, сбито три ME-109, группа Панина, сбито четыре ME-109. Воздушные стрелки Останин, Алексейков, Пластунов и Руденко сбили каждый по одному истребителю противника. "

Именно в эти дни наши истребители в жарких схватках завоевали господство в воздухе, стали хозяевами неба. Но зенитный огонь противника не ослабевал, а продолжал усиливаться. Полк нес боевые потери.

Ещё в начале мая нашим войскам удалось добиться некоторого успеха и овладеть станцией Крымской, важным опорным пунктом в системе обороны противника. Однако врагу удалось закрепиться на промежуточном рубеже и остановить продвижение наших войск. Напряженные бои продолжались вплоть до начала июня. И, наконец наступило временное затишье.

С 25 марта по 14 июня 1943 года полк потерял 11 лётчиков, 16 воздушных стрелков и 15 самолётов. За этот отрезок времени было совершено 734 боевых вылета.

В дни напряженных боевых действий росло не только наше умение бить противника, но и организованность работы на аэродроме. Надо было предусмотреть все до мелочей, чтобы в кратчайший срок подготовить самолёты к очередному боевому вылету. Инженеры и техники, оружейники и мотористы проявляли образцы слаженности и четкости в выполнении своего воинского долга. Мы приходили на аэродром с рассветом, а технический состав уже на месте, докладывает о готовности самолётов. В сумерках мы уходили с аэродрома, а техники и мотористы оставались, залатывать пробоины в самолётах, заменяли поврежденные в бою детали и агрегаты. Когда они только спали, уму непостижимо!

Учитывая обстановку на фронте, командование поставило задачу сократить до минимума время с момента получения боевого задания до взлета группы. В особо критические моменты мы вырубивали со стоянок по сигнальной ракете с КП полка, а задача нам ставилась уже на старте и даже после взлета по радио. В этом случае время вылета сокращалось до нескольких минут.

... Четыре утра. Серые, ночные тени уступают место мглистому рассвету. Командиры эскадрилий - на КП полка. Десять-пятнадцать минут уточняется линия боевого соприкосновения, даются возможные варианты задач. Ещё столько же времени для постановки задачи летному составу, и мы - готовы к боевому вылету.

Лежим под крылом самолёта, ждем сигнальной ракеты. Резкий хлопок, и зеленая дуга, дымя, чертит полнеба. Садимся в кабины. Запускаем моторы. Через две-три минуты подруливаем к старту. Там начальник штаба полка майор Провоторов дает ведущему цель, и самолёты взлетают с интервалом десять пятнадцать секунд.

Иногда не обходилось без курьезов. Пять-шесть часов после трудного боевого дня - это, конечно, маловато. Хроническое недосыпание. В ожидании сигнала на вылет забираемся под крыло самолёта, чтобы на минутку сомкнуть глаза, пока есть время. Но "дежурное" сознание всегда начеку.

Хлопок - выстрел ракетницы! Вскакиваем. Смотрим, какого цвета ракета. У каждой эскадрильи - свой цвет. Ничего не видно.

- Да это не ракета, - говорит подошедший техник соседнего самолёта и смеется, - это

Аня Трофимова нечаянно хлопнула крышкой ящика из-под снарядов...

- Тьфу ты, елки-моталки, а я уже на крыло вскочил.

Девушки-оружейницы, заменившие ребят, которые ушли в десантные войска, теперь уже в совершенстве овладели своей специальностью. Тася Лагунова, Аня Трофимова, Саша Мазюкова, Тося Дмитриева, Рая Пикалова, Клава Филаретова, Галя Танина, Лиза Шашева, Вера Лаврушкина, Паня Загузова, Паня Щербакова, Лея Искольд - всех не перечесать! Какие вы чудесные, умные, самые красивые девчата! Руки ваши не знают маникюра и золотых колец. Но это поистине золотые руки! Они так надежно, и с такой любовью снаряжают наши пулемёты и пушки, что те всегда стреляют до последнего патрона и снаряда. Вот только до сих пор мне не понятно как девушки могли снимать и ставить обратно в крыло самолёта огромные тяжелые авиационные пушки. Как они ухитрились подвешивать без лебедки (чтобы побыстрее) стокилограммовые бомбы? Совершенно не понятно... А укладчица парашютов Полина Шишова не без основания могла гордиться тем, что уложенные её руками парашюты спасли жизнь нескольким лётчикам и в том числе самому Ивану Карабуту. Действительно, золотые руки!

Стоял тогда наш полк в станице Днепровская, которая утопала в садах. Вишневые деревья вплотную подступали к аэродрому. С крыла самолёта можно было собирать спелые сочные ягоды. Но мы этого не позволяли себе. Женщины-станичницы каждый день приносили нам целые ведра ягод, яблок, разных овощей, снабжали вкусными домашними лепешками и молоком. Словом подкармливали. Приносили все самое лучшее. Иногда бывали и забавные случаи.

Как-то рябая востроносая молодка повадилась носить молоко, но, очевидно, сперва снимала с него сливки. Вот воздушный стрелок Леня Татаренко - чудака такой был, любил шутку - подходит к женщине и говорит:

- Ах, опять принесла снятое молоко?

- Скажи ещё и кислое, - бойко отбилась станичница. - Типун тебе на язык.

- А мы сейчас проверим... - Леня подносит компас к ведру с молоком. Конечно, снятое, - смеется он. - Смотри, как стрелка прыгает...

Опрокинув молоко, молодуха подхватила бежать.

Любили ребята в нашем полку шутку. Она создавала настроение, помогала в минуты отдыха быстрее размагнитится, отойти от скованности и напряженности боев. С шуткой легче было переносить все невзгоды и тяготы войны. Шутка давала заряд бодрости, смеха. А смех очищал душу от горечи переживаний за погибших друзей, освежал голову от тягостных мыслей, укреплял веру в торжество нашей победы. Как после боя хотелось вдвойне песни, шутки, смеха, так после смеха и разрядки хотелось с новой силой гнать врага, биться до победного конца, невзирая ни на какие трудности войны.

Любили в полку шутку и шутили, впрочем, может это выходило и не всегда тонко. Но всякая шутка это, по-видимому, своеобразный и определенный показатель стойкости духа солдата. Улыбается, шутит он, значит, крепок, здоров, бодр, готов к очередной схватке с врагом.

Шутку у нас понимали и шутили вне зависимости от звания и занимаемой должности. Иван Карабут, хотя и стал командиром эскадрильи, но в свободное от полётов время любил, как говорить, схохмить.

... На аэродром привезли обед. Мы уселись за столом и наблюдаем за магическими действиями официантки. Николай Есауленко что-то рассказывает, задевая словом Ивана. Тот сначала молча переносит, потом говорит:

- Коля, хватит языком чесать. Оставь трошки для женского полка...

А Коля не унимается, все подкалывает и подкалывает Ивана. В это время официантка ставит перед Иваном тарелку борща. Он пробует с тарелки огненный борщ, обжигается, но, не подавая вида, говорит на полном серьезе:

- Опять борщ чуть теплый... И когда же у нас порядок будет с обедом!

Не подозревая подвоха, Николай отправляет в рот полную ложку борща, но тотчас

вскакивает со стула, словно ужаленный, и смешно вытягивает губы трубочкой.

- Аж язык ошпарил. Не борщ, а кипяток в томате...

Ребята покатываются со смеху. Иван тоже смеется:

- Как-нибудь переживем твою временную немоту...

Шутки шутками. Но они вовсе не были помехой для командира эскадрильи капитана Карабута. Он, когда нужно, умел потребовать и спросить с подчиненных. Как-то был такой случай. Пришел Иван с КП, видно там с него майор Зуб "стружку снял", скомандовал:

- Становись!

Выстроились мы. Ходит капитан Иван Карабут взад-вперед перед строем, сумрачный, серые глаза стали зелеными. - Почему это мы такие обшарпанные и по колено в грязюке?

Мы молчим. А он продолжает ходить и ощупывать нас холодным колючим взглядом. Остановился перед Николаем Есауленко и процедил:

- Вот вы, старший сержант, небритый. К девушкам ходите, а обросли, как дед... Чтобы небритым я вас больше не видел. Ясно?!

- Ясно! - громко чеканит Есауленко, видя, что дело принимает серьезный оборот.

И как только мы расходимся по команде, Николай достает бритву, помазок и долго, словно красная девица, возится перед зеркалом.

... На рассвете эскадрилья идет на боевое задание.

Летим на малой высоте. Под нами проносятся цветущие поля. Тянет медуницей и полынью. Пряный, опьяняющий запах. Будто ты не в самолёте, а в цветнике. Вдруг внизу замелькала какая-то желтая полоска, и пряный запах сменился резким дурманом.

- Жень, а, Жень, - обращается к Прохорову Паша Хлопин. - Будто клопами пахнет...

- Прекратить болтовню! - слышу в наушниках требовательный окрик командира эскадрильи. - Я Карабут, прием...

Теперь в самый раз поведать о Саше Маркове.

Бывший колхозный тракторист

Когда мы первый раз возвратились из Куйбышева на фронт, то удивились, что на ПО-2 летает не майор Куц, как обычно, а какой-то стройный парень.

Заместитель командира полка по политической части майор Афанасий Григорьевич Куц был очень приятным, душевным человеком. Свою работу он делал капитально, без лишних слов и суеты, был, как говорится, на своем месте, ощутимо помогал командиру полка в проведении политико-воспитательной работы среди личного состава полка. Сам он иногда летал на боевые задания в качестве воздушного стрелка что было вовсе не обязательным и среди людей его должности и звания считалось довольно редким явлением, о всяком случае в нашей дивизии. Майор Куц сделал на "Голубой линии" более двадцати боевых вылетов. В одном из них он был тяжело ранен в голову. Врачи чудом вырвали его из рук смерти.

Майор Куц летал в обычное время на ПО-2. А тут видим летит кто-то другой. (Лётчика, ведущего самолёт, мы узнавали, как человека по походке.)

Спрашиваем:

- Откуда такой лётчик взялся?

Оказывается, когда отступали, в Донбассе это было, Афанасий Григорьевич остановил трактор, на котором ехал черноволосый разбитной парень, старший сержант.

Разговорились они по дороге.

- Трудно небось с непривычки трактор водить? - спросил майор у парня. Тот поправил планшет и ответил:

- Трудности особой нет: тракторист я...

- А планшет что, на память взял?

- Лётчик-истребитель я. Самолёт немцы подбили. Теперь безлошадный. Отступаю вместе со всеми. Сел на бесхозный трактор, чтобы пешком не идти...

Взял тогда парня майор Куц в свой полк. Посылали тогда парня из штаба полка с разными поручениями на ПО-2: то донесение отвезти в дивизию, а то слетать за арбузами в освобожденный колхоз для пополнения витаминами суточного рациона личного состава полка.

Парень так вот и дошел вместе с полком до Кубани.

Сначала летал и за воздушного извозчика, и за интенданта, а потом взмолился:

- Отпустите назад в истребители.

- Давайте документы, отпустим.

А документов нет, утеряны при отступлении. Тогда майор Куц все же настоял чтобы комсомольцу Саше Маркову дали провозные на Ил-2 и допустили к полётам на боевые задания.

Проверили Сашу в воздухе на Иле. Летать может. Определили постоянно в нашу эскадрилью. Полк нес большие потери, очень были нужны лётчики на новые машины.

Потренировался Саша немного и полетел вместе со всеми на боевое задание. Слетал не хуже остальных один раз, другой, третий. И прижился в эскадрилье. Все было вроде нормально. На нашем участке фронта наступило короткое затишье. Из дивизии команда:

Проверить технику пилотирования у всех лётчиков. Для нас, "старичков", такие проверки не были в новинку. Их время от времени проводили, чтобы знать качество подготовки нового пополнения и держать под контролем опытный лётный состав авиасоединения. Мы не обижались : порядок есть порядок.

Стали проверять технику пилотирования новичков и в нашей эскадрилье. Полетел я в зону с Сашей Марковым. Когда он делал мелкие виражи и летел по прямой, то ещё ничего. Но как только вошел в глубокий вираж, так я прямо за голову схватился : координации никакой и высота теряется, аж свист вокруг кабины!

Говорю ему:

- Давай попробуем вместе.

Показал, как выполняется глубокий вираж.

Попробовал он сам, получилось уже лучше, но все же не так, как было нужно. Другой, третий раз и все - не то.

Садимся. Говорю ему:

- Как же вы летаете, старший сержант? Вы же совсем не владеете пилотажем.

Он молчит, а потом в оправдание:

- Голова у меня раскалывается от боли...

- Сходите в санчасть.

Санчасть - санчастью, а пилотаж - пилотажем. Доложил я командиру эскадрильи капитану Ивану Карабуту.

- А где же я других лётчиков возьму? - сказал тот в ответ. - Самая лучшая школа это боевые полёты. Захочет, научится...

На этом все кончилось. Наступила лётная погода, а с ней и новые боевые вылеты. По несколько вылетов в день. О технике пилотирования Саши Маркова просто-напросто забыли в боевой горячке фронтовых будней. Летал он столько же, сколько и все, когда требовала фронтовая обстановка. Боевые задания выполнял успешно и в конце концов действительно научился летать не хуже других. А когда он стал младшим лейтенантом, командиром звена первой эскадрильи, то удивил однажды весь полк своим необычным желанием. Связано оно было с его награждением.

О наградах тогда мы как-то не задумывались это было заботой командования. Самой большой наградой для нас было остаться живым. В минуту задумчивого отдыха вдруг кто-то неожиданно для самого себя произнесет вслух:

- Все-таки, ребята, чертовски интересно было бы дожить до конца войны!

А Саша Марков тем и удивил всех, что однажды он проявил небывалый интерес к своей награде.

Обязанностью командования было представлять к наградам тех, кто уже достаточно

сделал много успешных боевых вылетов или проявил образцы трудового героизма, обслуживая боевую технику на земле.

Подоспело время подготовки наградных документов и на младшего лейтенанта Маркова. Заниматься этим пришлось Саше Иванову. Он опытный штурман и снайпер бомбометания на самолёте СУ-2. В полку с момента его организации Саша адъютант первой эскадрильи. На самые сложные задания он летает на ведущем самолёте вместо воздушного стрелка. И вот теперь перед ним встала нелегкая задача. Недолго думая, Саша шутливо спрашивает у Маркова:

- Как ты смотришь на орден Отечественной войны 1 степени?

- Не-не-не...

- Разве это невзрачный орден?

- Хороший орден, но мне по душе другой...

- Какой-же?

- Орден Славы...

- Почему?

- Пока я ещё младший лейтенант, имею право получить этот орден. А вдруг лейтенанта дадут, тогда уже не получишь. А с остальными орденами ещё успеется...

Саша Иванов обратился к гвардии подполковнику Зубу. Тот улыбнулся про себя и спросил:

- Как летает этот Марков?

- Ничего...

- Пусть сделает ещё несколько боевых вылетов, тогда посмотрим.

Через месяц наградили младшего лейтенанта Семёна Маркова орденом Славы. (При объявлении приказа мы узнали, что настоящее имя Маркова - Семён. Он, как и Семён Локаткин, тоже не любил почему-то своего имени. Маркова однополчане до сих пор называют Сашей. Что это все Семёны не любят своих имён? . .)

Награждение орденом Славы, оказывается, давало одновременно право на повышение в воинском звании. Стал бывший тракторист, истребитель Саша Марков кавалером ордена Славы, лейтенантом и неплохим лётчиком-штурмовиком. И все это, пожалуй, благодаря майору Куцу и своему боевому опыту, который Саша в довольно короткий срок приобрел на "Голубой линии".

Штурман полка капитан Токарь

Судьба военных дроз свела нас с капитаном Токарем ещё в Донбассе. Был этот чернявый, плотный, очень рассудительный человек штурманом полка. К своим служебным обязанностям относился честно, серьезно и творчески. Районы предстоящих полётов требовал от лётчиков изучать досконально, всегда обеспечивал нормальное самолётовождение и штурманскую подготовку лётчиков в полку.

Перелет из Куйбышева он обеспечил блестяще, разработал его по своей штурманской линии в мельчайших деталях. Все лётчики довели в сохранности самолёты до конечного пункта, где базировался полк.

Летал он много. Водил группы самолётов. Одно время был я у него ведомым. Это ещё когда в Донбассе летали. Ничего особенного за своим ведущим как-то не примечал. Но однажды...

Капитан Токарь вел группу на очередное задание. Перед вылетом он приказал:

- Держитесь покрепче.

Пристроился я вплотную к его самолёту. Летим крыло в крыло. Настолько близко, что отчетливо вижу его лицо. Он ведет группу на цель. Меня поразило и испугало выражение его лица. Оно было искажено, словно судорогой, гримасой страха.

Задание группа под его руководством успешно выполнила. Все лётчики вернулись домой. После полёта я поделился своими впечатлениями с Иваном Карабутом. Он мне

сказал:

- Все знают, что капитан Токарь боится огня, тяжело переживает каждый вылет. Но все же летает, выполняет задания и свой воинский долг. А ты думаешь, что я не побаиваюсь в полёте?

Удивленный и обескураженный неожиданным сообщением Ивана я молчал. А он в раздумье продолжал:

- Не очень верь, когда тебе заявляют: "Я совсем не боюсь", Так говорят хвастуны или лгуны... Всем людям свойственно чувство страха. Только сильные духом преодолевают это чувство, если хочешь, борются со страхом. Именно так поступает капитан. Задания он выполняет нормально, а остальное не так уж важно...

Когда на нашем участке фронта наступило короткое затишье, из дивизии пришел приказ: провести тренировочные полёты командного состава.

Однажды ранним утром гвардии подполковник Зуб сказал:

- Сегодня будут тренировочные полёты комсостава. Рассматривайте это как подготовку к штурму "Голубой линии".

Полет был по маршруту на полный радиус действия самолёта. Следовало пролететь по треугольнику, в определенном месте на полигоне сбросить бомбы и отстреляться. После посадки в баках должно остаться горючего не более, чем на пять минут полёта. В этом последнем, собственно, и заключался смысл данного тренировочного полёта.

Первым, как всегда в подобных случаях, слетал гвардии подполковник Зуб. Блестяще, мастерски слетал. После него полетели командиры эскадрилий и их заместители. Все нормально. Дошла очередь до штурмана полка капитана Токаря. Полет по кругу на предельный радиус действия - это вопрос престижа штурмана. Капитану Токарю, естественно, не хочется "упасть лицом в грязь" в глазах своих однополчан. Да здесь ещё и командование дивизии...

Взлетел капитан Токарь. Хорошо взлетел. Отбомбился, отстрелялся и пришел на аэродром точно в срок, минута в минуту. Но при заходе на посадку допустил перелет. Видимо волновался, поздно убрал газ. Надо уходить на второй круг. Хватит ли горючего? Полет так рассчитан, что все на пределе. Если не хватит бензина, то возможна вынужденная посадка в поле, вне аэродрома, да ещё, не дай бог, шасси надо убрать, - это уже поломка винта... "Для штурмана полка такое просто недопустимо..."

И капитан Токарь принял решение садиться, может, посадочная полоса аэродрома окажется достаточной.

Самолёт приземлился с перелетом метров на триста-четырееста. Катится по земле, а впереди болото. Надо срочно убрать шасси, но это грозит поломкой винта... и он не убрал шасси а нажал на тормоза и вскочил в болото.

Самолёт скапотировал - перевернулся через нос и завалился на спину. Экипаж погиб.

Всех нас поразила своей нелепой неожиданностью этот скорбный случай. Мы очень переживали трагическую смерть товарищей, свершившуюся на глазах почти у всего состава полка.

Когда мы остались вдвоем с Иваном Карабутом, тот философски заметил:

- Видишь, как жизнь наша фронтовая все же примитивно устроена. Два года человек сражался. В воздухе подавлял в себе страх перед врагом. Хорошо воевал. И на ж тебе: не сумел побороть в себе чувство перед начальством...

Вместо выбывшего из строя капитана Токаря штурманом полка был назначен майор Панин. На его место - командиром эскадрильи - назначили меня. А замкомэском у капитана Карабута стал старший лейтенант Прохоров.

Хлопот теперь у меня прибавилось. Наряду с ответственностью за состояние личного состава надо было ещё отвечать за боеготовность самолётов эскадрильи. А в инженерно-технической службе я тогда разбирался ещё довольно посредственно. Большую помощь мне оказывали старший техник эскадрильи Михаил Переверзев и техники звеньев Иван Лупов и Яков Огнев. Машины они знали до винтика. Под их непосредственным руководством наши

техники и мотористы тщательно, аккуратно и безукоризненно готовили самолёты к боевым вылетам.

Не помню уже в какой пьесе один из командиров - артиллеристов сказал расчёту орудия: "Если артиллерия - бог войны, то вы - его апостолы!" наши техники звеньев казались мне тоже апостолами. До чего же здорово знали они свое дело!

А Ивана Лупова, коммуниста с довоенным партийным стажем, мы единодушно избрали парторгом эскадрильи. Он был возрастом всех нас постарше и всегда помогал мне, молодому коммунисту и командиру.

Смерть отца полка

Стояла середина июля. Сухое, безветренное и по-кубански жаркое лето. Шел третий год войны...

Войска Красной Армии приобрели опыт ведения боевых действий. В огне боев выросли и сложились кадры командного состава. Тыл непрерывно наращивал выпуск самолётов, танков, орудий, снаряжения и боеприпасов.

Победа под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии. Однако вопреки здравому смыслу, гитлеровское командование в июле 1943 года снова предпринимает наступление под Курском, сосредоточив здесь крупные силы пехоты, танков артиллерии и авиации.

На нашем участке фронта, на Кубани, противник продолжал упорно сопротивляться. Пресловутая "Голубая линия" была плотно прикрыта зенитным огнем. Зенитки стояли чуть ли не на каждом бугорке.

Кратковременную передышку мы использовали для подготовки к предстоящему штурму "Голубой линии". В тренировочных полётах и на занятиях мы передавали опыт молодым лётчикам, пришедшим в полк на пополнение.

Надо было что-то придумать для подавления огня вражеских зенитных батарей. Обычно для этой цели в случае необходимости выделялась специально часть самолётов летевшей на задание группы. Если идут, например, двенадцать самолётов на цель, то четверем из них специально поручается сбрасывать бомбы на зенитные батареи противника. Однако и подобном случае задача эта очень серьезная и не такая уж простая, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что зенитное орудие ведет прицельный огонь с упреждением, то есть с известной поправкой на скорость самолёта. А когда самолёт пикирует на зенитную батарею, то зенитчики могут стрелять без упреждения, прямой наводкой по цели.

Пикировать на зенитку опасно. Штука эта, как говорится, обоюдоострая. Игра нервов. Кто кого. Изменила выдержка зенитчику - выиграл бой лётчик. А если наоборот, то оказывается победителем зенитчик.

Очевидно, все-таки лётчику сложнее, хотя бы потому, что не на земле, а в воздухе. И попасть бомбами в зенитную батарею или из пушек по зенитчикам - не такая уж простая задача. И все же, как правило, лётчикам удавалось заставить замолчать, хотя бы на несколько минут зенитные батареи, если их было две-три, не более. А как быть, если их двадцать-тридцать?

Наше командование пришло к логическому выводу: наносить сосредоточенные удары по противнику. Бить по его переднему краю и ближайшим тылам колоннами по сорок - шестьдесят самолётов. Противопоставить большому количеству батарей противника - массу самолётов, не меньше двух полков одновременно.

Сначала предполагалось, что такие воздушные "армады" будут водить в бой командиры полков и их заместители, но потом дело дошло и до командиров эскадрилий. Пришлось и мне три раза водить "дивизию" в бой.

При подготовке таких массированных ударов наш командир полка гвардии подполковник Зуб проявил исключительные организаторские способности. Готовил он полк

к решающим схваткам без суеты, уверенно и рассчитано, как, впрочем, он умел делать все, за что брался или что ему поручалось командованием дивизии.

Он никогда не принижал инициативу командиров эскадрилий и ведущих групп. Вызовет на КП, поговорит минут десять-пятнадцать - и все. А дальше мы должны были действовать самостоятельно, решать поставленную задачу, сообразуясь с конкретной ситуацией. Но командир наш внимательно наблюдал за нашими самостоятельными действиями, и, если вдруг возникала необходимость, тактично и поразительно точно своими, казалось, незначительными советами он направлял выполнение боевой задачи по наилучшему пути.

Передышка на нашем участке фронта кончилась.

6 июля мы начали сосредоточенные удары по "Голубой линии", так называемую авиационную подготовку атаки наземных войск.

Идем дивизионной колонной пятерок. При подходе к цели - ураганный огонь зенитной артиллерии, преимущественно крупного и среднего калибра. Почти все пространство спереди и с боков заполнено черными клубками разрывов. Изредка, когда снаряд рвется вблизи самолёта, сквозь шум мотора слышно лишь глухое пуфф!

Война в воздухе по звукам резко отличается от наземного боя. Звуки боя слышны только тогда, когда стреляешь сам или получаешь прямое попадание снаряда противника в самолёт. Все остальное - одни лишь зрительные ощущения. Однако, если понимаешь и знаешь, что они означают, то действуют они ничуть не слабее ощущений звуковых...

Первая пятерка наносит удар, делает разворот. Затем бьет и потом разворачивается на следующий заход вторая пятерка, за второй - третья, пятая, десятая. Получается большой замкнутый круг.

После первого захода огонь зениток стихает наполовину, после второго остаются редкие одиночные выстрелы, на третьем и четвертом заходах вражеские батареи затихают полностью.

Мы становимся хозяевами в своем родном небе.

Как только авиация свое дело сделает, начинается артиллерийская обработка вражеских позиций, а потом уже идут в атаку танки и пехота.

И все же длительное время наземным войскам не удавалось прорвать "Голубую линию". Вот до чего немец здесь сильно укрепился, зарылся в землю, укрылся бетоном.

С вечера командир полка гвардии подполковник Зуб собрал на КП своих заместителей и командиров эскадрилий. Был он как всегда немногословным. Но в этот раз он показался мне более сосредоточенным и озабоченным, чем обычно.

- Наземные войска получили приказ, - сообщил он, - во что бы то ни стало прорвать оборону противника. Мы должны поддержать их своими силами. Применяем тактику сосредоточенного удара. Идем колонной пятерок. Превышение пятьдесят-сто метров. В первой пятерке пойдут со мной.. он оглядел нас долгим задумчивым взглядом и назвал фамилии лётчиков.

Рано утром, как только взошло солнце, окропив бело-голубое небо багряными сполохами, армада в шестьдесят самолётов, которую вел Николай Антонович Зуб, вылетела на очередное боевое задание.

Я веду третью пятерку на дистанции пятьсот-семьсот метров, с допустимым превышением в пятьдесят-сто метров. Впереди линия фронта. Скоро цель. Взгляд на приборы - высота семьсот метров. Стало быть, у первой пятерки, которую ведет Николай Антонович, высота метров пятьсот-шестьсот, то есть самая опасная высота. Ведь в начале атаки самолёты идут по прямой, и вражеским зенитчикам легко их сбить.

Зенитные батареи пока молчат. Видимо тщательно прицеливаются. Необходим маневр, хотя бы небольшой. Первый залп - самый опасный. Дальше уже легче. А батареи все молчат. Напряжение растёт. Сейчас атака...

И вдруг мгновенно вокруг пятерки гвардии подполковника Зуба возникают десятки смертоносных разрывов. Черные клубы кольцом опоясывают самолёт ведущего. Вся его

пятерка, разом ринувшись в атаку, скрывается в сплошной черной массе разрывов.

"Что там? Все ли уцелели?"

Идем в атаку и мы. Разворот и снова заход.

А в ведущей группе - три самолёта вместо пяти. "Неужели сбиты? А может, дотянули до нашей территории?"

Команда с КП командира дивизии:

- После второго захода - домой!

Выходим из атаки. Курс - свой аэродром. Посадка. Командный пункт полка. Ошеломляющее известие: первым залпом сбиты Николай Антонович Зуб и Володя Ильин.

Почему Николая Антонович повел именно на этой высоте свою пятерку, для меня тогда было загадкой. Может потому, чтобы с меньшей высоты лучше поразить цель? Или просто отвага у него взяла верх над трезвым расчетом?

Горький удушливый клубок поступает к горлу, обида ест глаза.

На траурном митинге дали мы клятву отомстить за гибель командира полка и других наших товарищей. А жене гвардии подполковника Зуба - Анне Ивановне и его дочери мы послали письмо. Оно и сейчас, спустя много лет, сохранилось в семье Николая Антоновича.

"От партийной организации воинской части

Дорогая Анна Ивановна!

22 июля 1943 года, выполняя ответственное боевое задание в борьбе с гитлеровскими захватчиками, погиб наш боевой командир, стойкий большевик, отец полка, Ваш муж гвардии подполковник Николай Антонович Зуб.

Тяжела для нашей части, для партии, для Красной Армии эта утрата. Ещё тяжелее она для Вас, для вашей дочери Валентины.

Вы потеряли самого близкого человека, мужа, друга жизни. Партия потеряла лучшего своего члена стойкого большевика.

Для Красной Армии Николай Антонович Зуб был не просто бойцом, он был командиром, красным офицером-воспитателем. Для нашей части гвардии подполковник был не просто командиром полка, он был отцом, душой части. Придя к нам в полк в период Отечественной войны, Николай Антонович своим умелым руководством приумножил боевые традиции части, воспитал десятки отличных лётчиков, умелых командиров-руководителей.

Всегда, когда перед полком стояла ответственная задача, Николай Антонович сам садился в боевую машину и вел за собой своих питомцев громить врага. Лётчики всегда говорили: "С нашим боевым командиром мы выполним любое задание партии и правительства по разгрому ненавистного врага". И они правы.

Десятки раз тов. Зуб водил наших соколов громить вражеские аэродромы, вражеские переправы, вражеские танковые колонны, поезда и скопление войск.

Триста восемьдесят один раз гвардии подполковник Зуб летал громить врага, и всегда возвращался с победой. За свою светлую жизнь он уничтожил много вражеской техники, убил тысячи гитлеровцев.

Правительство и партия высоко оценили боевые дела любимца полка, боевая слава о котором идёт по всей Красной Армии, Зуба Николая Антоновича и наградила его медалью "За Отвагу", орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, орденом Красного Знамени и орденом Ленина.

На митинге, посвященном памяти гвардии подполковника тов. Зуб Н. А. , воспитанники Николая Антоновича товарищи Сивков, Гладков и молодой лётчик т. Фролов дали клятву мстить за боевого командира, ещё больше уничтожить врага, его техники, чтобы быстрее приблизить победу, чтобы скорее совершить всенародно справедливый суд над теми, кто начал войну, кто вверг человечество в эту кровопролитную бойню. Техники, мотористы, работники спецслужб коммунисты, комсомольцы, весь личный состав части дали клятву мстить за командира - отца - друга Зуба Николая Антоновича. Каждый выступающий обязался ещё лучше работать на своем посту.

На место погибшего на боевом посту стойкого большевика тов. Зуба в нашу партийную организацию изъявили желание вступить лучшие лётчики и воздушные стрелки товарищи Варич, Качанов, Фролов, чтобы продолжить дело Николая Антоновича, полностью разгромить врага. Все они приняты в партию и сейчас на своих грозных машинах бомбовыми и штурмовыми ударами с воздуха помогают наземным войскам километр за километром очищать нашу священную землю от иноземных захватчиков.

Уважаемая Анна Ивановна!

Партийная организация части вместе с Вами скорбит о нашей общей большой утрате.

Не падайте духом. Ваш муж был и останется в памяти у всех героем. Он сделал все, что мог, для отвоевания счастья и свободы нашей Родины. Он не жалел сил и даже самой жизни для победы над врагом.

Желаем Вам бодрости и здоровья.

Пишите нам, партийная организация всегда будет считать за свой долг ответить на Ваши письма, оказать необходимую помощь.

По поручению партийного бюро подписали:

Парторг части (Петров)

Трижды орденосец (Панин)

Трижды орденосец (Сивков)

25. 07. 43 г.

Настроение в этот день в полку у всех было прескверное. Женщины на митинге плакали, а мужская часть полка крепилась, дала волю своим чувствам, когда разошлись по квартирам.

- Не понимаю, - сказал я Ивану Карабуту, едва мы остались наедине, - зачем он пошёл со своей пятеркой на такой высоте?

- Понимать тут нечего. Приказ был категорический. А Николай Антонович привык выполнять приказы. Здесь это стоило ему жизни. Но зато фрицы драпают. И мы с тобой живы...

И меня вдруг осенило. Николай Антонович Зуб знал о грозившей опасности. Вот почему он повел свою пятерку на этой высоте. Это, по-видимому, сделано было им с расчетом: при наименьших потерях обеспечить успех в выполнении задания командования. И он, командир, не знавший поражений, пожертвовал ради победы полка собственной жизнью.

- Полк потерял своего отца, - в раздумчивой грусти сказал мне Иван Карабут. - Но мы отомстим фашистским гадам!

В последующие дни полк делал по несколько боевых вылетов, помогая в составе авиационной дивизии наземным частям. А вскоре под натиском пехоты и танков "Голубая линия" была взломана. Фашистские войска начали отступление на этом участке фронта.

"Охотники"

Наши войска после тяжелых кровопролитных боев в середине сентября освободили город Новороссийск. Началось отступление немецко-фашистских войск по всей "Голубой линии". Однако отступление довольно организованное, на заранее подготовленные и сильно укрепленные позиции. Во всяком случае, мы ощутили это в последующих боевых вылетах по плотному огню ЗА противника.

Полку было приказано бить гитлеровцев на дорогах. Часто в плохую погоду приходилось летать парами, как у нас тогда говорили, на "охоту".

Когда истребитель шел "охотиться" - это была настоящая охота, так как истребители имели преимущество в скорости над всеми другими самолётами. А когда штурмовик идёт на "охоту", то ему надо смотреть в "оба", чтобы самому не превратиться в "дичь".

"Горбатыми" штурмовиков называли в шутку потому, что у этого самолёта кабина самолёта образует как бы горб.

"Охотились" мы на немцев, с воздуха помогали пехоте преследовать отступавшие мотодивизии противника. А в тех местах, где немцы задерживались, наземные войска при поддержке штурмовиков выбивали противника из укрепленных населенных пунктов.

Вот как рассказывает о боевых буднях осени 1943 года один из активных "охотников", Герой Советского Союза Николай Есауленко.

"Штурмовому полку помимо групповых полётов под прикрытием истребителей часто приходилось выполнять специальные задания: полёты на поиск и уничтожение подвижных целей противника - колонн автомашин и железнодорожных эшелонов, или, как такие полёты называли мирным, увлекательным словом, "охота".

Такая задача была поставлена двум экипажам 13 сентября 1943 года. Возглавил пару самолётов ведущий старший лейтенант Евгений Прохоров, а я у него был ведомым. Взлетели и пошли на задание. Погода на этот раз была хорошая. Воздух прозрачен. На небе ни облачка. Женя Прохоров всегда о такой погоде говорил:

- Видимость такая, что вокруг земного шара можно просмотреть и увидеть свою спину...

Правда, понятие о состоянии погоды у лётчиков, идущих на "охоту", не совсем обычное. Если небо покрыто сплошной облачностью, идёт дождь, плохая видимость, то это для лётчиков-"охотников" погода отличная.

Женя Прохоров на этот счет в шутку замечал, бывало:

- Погода сегодня хорошая, отличная, даже более того, посредственная...

Полеты на "охоту" обычно осуществлялись без прикрытия истребителей, а при ясной погоде такие полёты могут принести много неприятностей для лётчиков-штурмовиков. "Охотникам" не всегда удавалось уходить невредимыми.

Но как бы там ни было, мы летим. Женя посматривает на меня, показывает пальцем в небо и что-то говорит. Я не слышу что именно. Он не включает передатчик. По его губам я вижу, что сказанная им фраза не для широкого круга слушателей. Это он сердится на плохую погоду. Потом слышу его голос: "Как меня понял? Я "Кобра-пять", прием!"

Отвечаю, что очень хорошо и правильно понял. Женя смотрит в мою сторону и улыбается.

При полётах на охоту мы старались как можно меньше пользоваться рацией, что бы не обнаружить себя раньше времени. Иначе фрицы успеют подготовиться к встрече.

Прошли станцию Курчанскую. Здесь линия боевого соприкосновения. Все нормально. Фрицы не успели открыть огонь. Всполошились они, но было уже поздно.

Женя опять посмотрел на меня, снова показал большой палец и улыбнулся своей заразительной улыбкой. Так мог улыбаться только он один... Понял его отлично: мол все идёт, как следует быть.

Все внимание сосредоточилось на том, чтобы отыскать подходящую цель. Долго искать не пришлось. По дороге к линии фронта движется колонна автомашин и бронетранспортеров.

Женя показал мне взглядом вперед. Отвечаю кивком, что вижу колонну.

- Приготовиться! - звучит Женин голос. - Бьем с ходу и сразу идём на второй заход. Как меня понял? Я "Кобра-пять", прием!

- "Кобра-пять"! "Кобра-пять". Все понял! Я "Кобра-шесть".

Откинута колпачки с кнопок сбрасывания бомб и пуска Рсов, сняты с предохранителей гашетки пулемётов и пушек.

Сейчас будет бой.

Враги пока не открывают огня. Вероятно ещё нас не заметили. А мы их отлично видим.

Женя покачивает самолёт с крыла на крыло. Это означает: "Внимание, приготовиться!"

Я тоже покачал крыльями: понял.

Ведущий отворачивает вправо, с таким расчетом, чтобы зайти вдоль колонны с тыла. Делает боевой разворот и с разворота переводит самолёт в пикирование.

Я продолжаю лететь по прямой и повторяю тот же маневр. Так было задумано на

земле, чтобы увеличить дистанцию для выполнения самостоятельного прицеливания и штурмовки.

Вижу, как с плоскостей самолёта ведущего потянулись струйки трасс пушек и пулемётов, а на земле вдоль колонны замелькали вспышки. Уже горит одна автомашина.

Женя боевым разворотом уходит на следующий заход.

Беру на прицел сбившиеся в кучу автомашины, открываю огонь и бросаю бомбу. Результата не вижу, так как ухожу на повторную атаку.

Сделали мы по три захода и каждый раз, завершая атаку, бросали по одной бомбе.

При первом заходе фашисты почти не стреляли, а при втором и последующих заходах открыли огонь из скорострельной пушки "эрликон".

- Очухались, гады! - услышал я Женин голос, словно он разговаривал сам с собой.

От дыма и огня почти ничего не было видно, что делалось на земле. Заметил лишь автомашину, ваявшуюся вверх колесами в кювете.

При выходе из атаки почувствовал удар где-то в нижней части самолёта, и в то же время раздался треск со стороны правой плоскости. Самолёт начал сильно крениться вправо. Стоило большого усилия, чтобы удержать его в левом развороте.

- Я "Кобра-пять!" - послышалось в наушниках. - Кончай работу! Как меня понял? Прием! Вышли из боя. На этот раз нам повезло: в воздухе не появились "мессеры".

До самого аэродрома пришлось двумя руками держать ручку от сваливания самолёта на крыло. В правой плоскости зияла огромная дыра. Это была работа "Эрликонов".

Пришли на аэродром. Женя выпустил шасси и идёт на посадку. Захожу за ним, вижу, как его самолёт то накренится вправо, то резко выйдёт из крена. Как он посадил самолёт я не видел, потому что при уменьшении скорости мой самолёт тоже стало сильно кренить вправо. Пришлось помогать себе коленом правой ноги, чтобы как следует держать ручку.

В общем, сел. В конце пробега мой самолёт резко развернуло вправо. Еле удержал направление, чтобы совсем не развернулся самолёт. Обычно при резком развороте шасси не выдерживали и ломались. Когда самолёт остановился, я вылез из кабины и увидел, что самолёт Жени Прохорова тоже стоит развернутый вправо. Колеса повреждены, пробиты баллоны. Рулить на них было нельзя.

На "эмке" подъехал командир полка подполковник Галущенко Николай Кириллович. Посмотрел на наши самолёты, махнул рукой и сказал: "Садитесь в машину, хлопцы".

Подполковник любил эту собранную из разных трофейных частей машину, всегда сам сидел за рулем. Довез он нас до КП полка. Там стал расспрашивать, как работали, какая цель, каким пользовались маневром.

Женя Прохоров доложил. Галущенко очень внимательно слушал, потом сказал: "Молодцы, хлопцы! А это все отрабатывается ещё на земле... "

Посмотрел на меня Женя и улыбнулся.

- Ты чего смеешься? - спрашивает Галущенко. - Может, я что не верно говорю?

- Да, нет, товарищ подполковник, я не поэтому, - нашелся Женя. - Вы говорили о наземной подготовке и я вспомнил рассказ Есауленко, как их обучали на земле тактике штурмовки.

Галущенко попросил меня рассказать. И я поведал ему о подготовке способом "пеший по-летному". Это было ещё когда мы стояли в Чир-Юрте.

Он долго хохотал, приговаривая: "Вот это да-а-а! Вот это бой так бой... Говоришь даже пикировали?"

Когда мы вышли с КП, Женя сказал:

- Надо же было фрицам так искалечить наши самолёты. Сволочи! На чем завтра лететь?

- Была бы работа, а лошадка найдется. А что нас маленько потрепали, это ничего, злее будем. Но и фашистам досталось крепко. Как они метались, места себе не находили. Будут ещё долго помнить и детям своим закажут.

Пока мы с Женей разговаривали, из КП вышли Галущенко и его заместитель по политчасти майор Куц.

- Лейтенант Есауленко, ко мне! - скомандовал Галущенко.
- Слушаю вас, товарищ подполковник! - кричу я в ответ и на ходу говорю Жене: -
Самодетельность.

- Где твой баян?

- В клубе.

- Сегодня вечером устроим самодеятельность. Будет петь замполит, - он кивнул на майора Куца, - потом цирковые номера моториста Иванова. Ещё есть в столовой тарелки?

Майор Куц пояснил:

- Моторист Иванов крутит сейчас алюминиевые миски.

- Ну тогда ничего, пусть крутит. Будут и другие номера. В общем есть программа у Куца.

Вечером состоялся концерт самодеятельности. Куц пел свою любимую песню "Дивлюсь я на небо"... Иванов выступал с цирковыми номерами. Исполнялась кантата "Идет война народная" полкового композитора Саша Бормотова. И другие номера тоже были. Действительно, у майора Куца всегда была наготове программа самодеятельности.

А дальше отдых после трудового дня, вот и закончился день 13 сентября 1943 года. Завтра опять бой".

Дни фронтовых будней мало чем отличались один от другого. Обычные дни напряженных и опасных вылетов с победами и боевыми потерями. В этой, ставшей уже повседневной, работе недавно пришедшие на пополнение молодые однополчане приобретали опыт, проявляли мужество и самоотверженность, отвагу и героизм, а случалось, и настоящие подвиги. На войне как на войне.

Подвиг Николая Калинина

Наши войска гонят фашистов все дальше и дальше на запад, к Керченскому проливу.

Освобождена станица Славянская, родина Николая Есауленко. С разрешения нового командира полка подполковника Галущенко, Прохоров и Есауленко на ПО-2 летали к матери Николая. Пробыли там два дня. Привезли массу впечатлений о встрече с родными и близкими Есауленко.

А 17 сентября мы перебазировались ближе к линии фронта, в станицу Славянскую. Не успели ещё зарулить на стоянки, как поступило срочное задание : бить по немецким эшелонам на станции Джигинская.

Мне приказано вести четверку. В составе группы - экипажи Александра Маркова, Николая Калинина, Николая Антонова.

Как всегда перед вылетом, майор Провоторов, поставил задачу, предупредил:

- Поосторожнее, Гриша... Зениток там чертова уйма.

Линия фронта находилась в постоянном движении, и где расположены зенитные точки противника, мы, конечно, в этот раз не знали. Поэтому было решено нанести короткий удар с хода, с прямой. Затем разворот на 180 градусов, обстрел пушечно-пулемётным огнем и уход от цели со снижением до бреющего полёта.

Спокойно миновали линию фронта. Ни истребителей, ни зениток. Подошли к станции. Вижу два эшелона. Небольшой доворот, и мы входим в пикирование. Две-три очереди из пушек, залп РСов, небольшое упреждение на глазок - и бомбы пошли в цель. Порядок!

Теперь быстрый разворот на 180 градусов для повторной атаки.

И вдруг со всех сторон засверкали красные шарики "эрликонов"! "Ах, бандюги, плотный огонь по ведущему! Старый прием! . . "

Треск справа спереди! В кабине стало жарко, как возле чугунной печки. "кажется все, - мелькнула мысль, - горим... "

Но нет, ещё не все. Мотор пока работает отлично. Запахло кипящей водой. "Ага, значит, пробита система охлаждения, но сам мотор не пострадал. Долго, однако, не протянет, перегреется и заклинит... до своих далеко, километров сорок... не дотянуть... надо на север,

ближе к реке Кубань. Там камыши и кустарник. Можно спрятаться, пока придут наши... "

Разворот влево. курс 360 градусов. Оглядываюсь назад. За мной идут только два самолёта: Марков и Калинин. "Где же Антонов?" в свистопляске огня и маневров я не заметил, как он куда-то исчез.

Три-четыре минуты полёта, и вот она, полноводная красавица Кубань. Идем на восток, вдоль северного берега. Скорость заметно падает. Обороты двигателя уменьшаются. Вот-вот мотор остановится. И тогда немедленная посадка прямо перед собой, где придется... нет, этого допускать нельзя. Надо найти заранее более или менее пригодную площадку. Пожалуй, эта... Пора, пока не поздно... "Убрать газ. Выпустить посадочные щитки. Шасси не выпускать. Садимся на фюзеляж. Зачем жалеть машину - ведь это территория противника"...

Самолёт уже несется над землей. Вот-вот коснется её, уже, кажется, чуть-чуть зацепился. Руку вперед, на приборную доску, перед головой, чтобы смягчить удар и не набить шишек...

Р-раз! Из глаз - искры. Сухой металлический треск. Облако пыли. И вдруг все стихло...

Поднимаю голову. Ветерком быстро относит пыль. Земля необычайно близко. Самолёт лежит на фюзеляже.

Медлить нельзя. Фашисты будут охотиться за нами. Надо во что бы то ни стало уйти, спрятаться получше.

Фонарь открыт. Шлемофон с головы долой. Вместо него - пилотка из кармана. Лихорадочные, машинальные действия. И вполне осознанное: подготовить пистолет к бою.

Спрыгиваю с крыла на землю. Воздушный стрелок Степан Пластунов уже выскочил из кабины, с пистолетом наготове.

Над нами кружатся самолёты Маркова и Калинина. Накренив машины они смотрят, что с нами.

Оглядываюсь вокруг. Площадка приличная. Сесть можно. И неожиданно для себя делаю широкий взмах руками - сверху - вниз к земле: "Садись! Выручай! Сесть можно!"

Саша Марков понял: покачивает самолёт с крыла на крыло. И заходит на посадку, но... садиться нельзя. Шасси повреждено зенитным снарядом. Перебит подкос левой стойки шасси. Саша снова проходит над головой и покачивает крыльями. Расшифровываю этот ответ: "Смотри, рад бы выручить из беды, да не могу! . "

Медлить нельзя.

- Степан Иванович! - кричу Пластунову. - Бежим в камыши, пока не спохватились фрицы!

- Смотрите, смотрите! - кричит Пластунов. - Калинин заходит на посадку.

Коля Калинин хороший лётчик, умный, спокойный парень. Но сесть на маленькую площадку, да ещё на территории противника, - совсем не так просто. Тут надо обладать железной выдержкой и сознательно принять решение добровольно полезть дьяволу в пасть, которая в любой момент может захлопнуться. : достаточно одной пули из автомата в баллон колеса - и уже не взлетишь! .

Риск огромный. Но решение ребята принимают мгновенно. Лётчик Николай Калинин и воздушный стрелок Леонид Татаренко, рискуя собственной жизнью, садятся на вражескую территорию ради спасения товарищей.

Калинин планирует. Шасси выпустил, выравнивает, вот-вот колеса коснутся земли, но... дает газ и уходит на второй круг. Не рассчитал. Площадка все же маловата...

До камышей метров пятьсот. Мы бежим туда. Не успели пробежать и полпути, видим, как Калинин, сделав небольшой круг, снова пытается сесть. Теперь нам уже не до камышей. Надо бежать туда, где его самолёт остановится после пробега. И мы поворачиваем сторону садящегося самолёта.

Калинину опять не удается сесть. Мы снова бежим к камышам. Раз пять заходил Николай на посадку И мы метались туда и обратно. Степан Иванович спортсмен. Он - впереди, я - позади. Ему ничего А из меня уже и дух вон.

- Хватит бегать туда-сюда, - говорю Степану Ивановичу, - прячемся в камышах.

Слышишь стреляют? Наверное фрицы очухались...

Высоченный - метра четыре - густой камыш. Задыхаясь, как загнанные лошади, бежим вглубь зеленой чащи. Пытаемся "замести" свой след в камыше. Руками выравниваем за собой высокие упругие стебли.

Остановились. Прислушиваемся. Что же дальше? Над головой по-прежнему рокот моторов и почему-то короткие очереди из пушек, сухой треск крупнокалиберного пулемёта. Что они кружат? Почему не идут домой? Почему стреляют?

Снова подбираемся к краю зарослей. Осторожно выглядываем. Но что это? Самолёт Калинина уже катится по земле!

Бежим!!!

Калинин ждёт, винт вращается на малых оборотах.

Бежать осталось метров четыреста. И вдруг справа бьёт тяжелый миномет врага. Разрывы все ближе и ближе. Вот-вот накроет, тогда амба!. . Бегу а сам машу рукой к себе, - мол, Коля, отрули от разрывов, к нам поближе. А он почему-то медлит и продолжает стоять на месте. По-видимому, понял меня по-своему: дал команду стрелку Леониду Тараненко поджечь наш самолёт. Леонид мчится к самолёту, лежащему на фюзеляже, прострелил бензопровод, поджег бензин и - обратно.

Калинин видел разрывными и стал подруливать к нам поближе. Запыхавшись, вскакиваем с Пластуновым на крыло. Николай освободил уже место в кабине лётчика, спрашивает меня:

- Сами будете взлетать?

- Сам!

Калинин, Пластунов и подоспевший Татаренко быстро вскакивают в кабину стрелка. Я сажусь за управление.

Спешно выруливаю на взлет. С одной стороны - стена из камыша, с другой воронки от разрывов мин.

Начинаю взлет. Самолёт что-то тяжело разбегается. Того и гляди врежемся в кустарник... Включаю форсаж. Едва-едва оторвался от земли.

Смотрю на счетчик оборотов: он показывает 1800 вместо 2300 взлетных оборотов. Оказывается, второпях я не перевел регулятор оборотов винта на взлетное положение. И из-за этой моей оплошности все мы могли погибнуть. "Пуускай уже взлетал бы коля Калинин, - поймал я себя на мысли, - он это сделал бы лучше... "

Все, к счастью обошлось благополучно. Мы прилетели на свой аэродром в станицу Славянскую.

Около КП нас уже встречал замначштаба капитан Лещинер. Выпили сначала по ковшу воды из бачка. Потом докладываю по форме: - Товарищ капитан, задание выполнено. Лейтенант Калинин совершил подвиг. Сел на территории противника и спас воздушного стрелка и своего командира эскадрильи.

Сильно поседевший Лещинер улыбается своими ямочками и говорит:

- Пошли наверх.

- Зачем?

- Пошли, пошли...

Выходим из землянки. Рядом по какому-то случаю оказался фотограф. Сфотографировал нас с Николаем Калининным.

А когда мы уходили с КП, то Коля Калинин подскочил к саше Музюковой и расцеловал её в обе щеки.

- Это ей говорите спасибо, - пояснил он мне. - Машину всегда образцово готовит к полётам.

Экипаж Коли Антонова не вернулся с боевого задания. А Саша Марков удачно приземлился на одно колесо. Только в конце пробега его самолёт, как подстреленная птица, опустился на подбитую "ногу", чиркнул концом крыла по земле, и, описав небольшую дугу, замер.

- Кто же стрелял из пушек? - спросил Пластунов Сашу, когда тот, не спеша, подошел к землянке КП.

- Я... увидел, как на дороге остановилась машина с немецкими автоматчиками. Они пытались окружить вас. Я решил их придержать немного...

4 февраля 1944 года за этот подвиг и за отличное выполнение боевых заданий Николаю Калинин у было присвоено звание Героя Советского Союза. Но Коли тогда уже не было с нами...

"Сжечь переправу под Темрюком"

Линия фронта медленно и верно продолжала продвигаться на запад, но в ряде мест немецко-фашистские войска оказывали отчаянное сопротивление.

Ожесточенные бои шли и за небольшой городок Темрюк. Здесь находилась переправа через реку Кубань. А на пристани отступавшие части грузились на самоходные баржи, отправлявшиеся в Крым.

Полк штурмует баржи, катера и другие плавсредства врага. Летаем на бомбежку переправы и подступов к ней. Противник, пытаясь сохранить переправу, быстро восстанавливает её разрушения после бомбежек. Тогда наше командование принимает решение: сжечь переправу через реку Кубань.

Это было чрезвычайно трудное задание. К переправе с какой стороны не подходи, все равно самолёт виден противнику. Плотный зенитный огонь. Самолёт летит на малой высоте. Такие полёты требовали от лётчиков огромного нервного физического и морального напряжения, ювелирной отточенности действий и высокого летного мастерства.

Неделю назад старший лейтенант Прохоров водил четверку на боевое задание с ВАПами. Две вражеские зенитные батареи, сосредоточив огонь по ведущему, при отходе от цели зажгли самолёт Прохорова. Едва перетянув через линию фронта, Женя посадил самолёт на фюзеляж. И только успели отбежать от горящего самолёта, как начали рваться боеприпасы и бензобаки. При посадке Женя был ранен в голову.

Сжечь переправу под Темрюком командование полка поручило заместителю командира эскадрильи Григорию Ильину, его ведомому Николаю Мельникову, воздушным стрелкам Георгию Егорову и Валерию Маслову.

Вслед за ними, с небольшим интервалом во времени, на повторную бомбежку переправы вылетела вторая пара - Василия Рябова и Ивана Белых. Воздушный стрелок Михаил Петров был только на ведущем самолёте. Иван Белых летел на одноместном самолёте.

Это ответственное и опасное задание было получено вскоре после обеда. Жарко припекало солнце.

Четыре лётчика и три воздушных стрелка готовились к выполнению боевой задачи. Сосредоточенно смотрели они на карту крупного масштаба - километровку и разговаривали между собой вполголоса:

- Зайдем с запада, Коля.

- Да, солнце поможет...

Обычное волнение, возникающее у каждого, кто должен идти в бой, можно было угадать лишь по отрывистым голосам да по едва заметной бледности лиц.

- Если подобьют, тогда в плавни...

- На бугре зенитка, стрельнуть бы по ней...

Стоявшие вокруг лётчики невольно притихли. Лишь изредка кто-нибудь глубоко затягивался самокруткой из махорки. Все понимали, что опасность велика.

Солнце клонилось к западу, и жара заметно спала, когда первая пара, а вслед за ней минут через десять - вторая легли на курс 270 градусов и на малой высоте скрылись в розовато-желтой дымке, окутавшей горизонт.

Молча проводив товарищей, мы остались на аэродроме. Уходить не кому не хотелось. В волнении мы ожидали их возвращения.

... Подойти к переправе незамеченными не удалось. Фашистские зенитчики были начеку. Смерч огня, сплетенный из красных пунктиров эрликоновских очередей, внезапно возник перед самолётами, когда они приблизились к переправе. И все же обе пары, одна за другой, неустрашимо пронзая огненное пекло, вышли точно на цель и зажгли её.

Два истребителя прикрытия, из которых уцелел лишь один - Николай Рекин, видели, как ведущие обеих пар ИЛов были сбиты в момент атаки цели. Самолёт старшего лейтенанта Григория Ильина, отойдя метров 800 от цели, начал резко падать и врезался в землю. По-видимому, Гриша потерял сознание или был убит ещё в воздухе. Самолёт лейтенанта Василия Рябова с левым доворотом упал в Кубань. Похоже, что Вася в самый последний момент отвернул от жилых кварталов города.

Так погибли в одном из боев за советскую Родину замечательные русские парни, ценой своей жизни выполнившие боевое задание командования.

Переправа через Кубань была надолго выведена из строя. Но отступавшие части противника все прибывали и прибывали в Темрюк. Нам приходилось совершать ежедневно вылеты и штурмовать скопление вражеских войск, бить по их новым переправам и плавсредствам.

Летали группами. И обычно самых лучших и опытных лётчиков, летевших на задание в этот район, ведущие специально выделяли для подавления огня ЗА.

Вражеские зенитки били с берега и с военных кораблей. Небо над Темрюком казалось крошечным адом.

Одна из батарей среднего калибра замаскировалась на высоком азовском берегу у станицы Голубицкая, неподалеку от маяка, и много хлопот доставляла нашим боевым группам.

В этот раз командир группы из двенадцати самолётов выделили на подавление зенитного огня экипажи Михаила Ткаченко, Александра Маркова и Николая Калинина. Отойдя немного вправо, они удачно миновали заградительный огонь и, отделившись от всей группы, веером с левым разворотом почти одновременно ввели свои самолёты в пикирование на зенитные батареи.

Николай Калинин выбрал самую назойливую батарею, которая непрерывно вела огонь по основной группе. Он уже успел выпустить РСы и бомбы. Но расчет одного из орудий прямым попаданием сбил пикирующий на зенитку штурмовик Николая. Самолёт упал недалеко от батареи на склоне крутого берега Темрюкского залива.

Погиб Николай вместе с воздушным стрелком Виталием Поповым.

Перестало биться сердце отважного лётчика, редкой души парня, которому я обязан своей жизнью.

- Каких ребят потеряли под этим самым, будь он не ладен, Темрюком... сказал майор Провоторов, записывая события очередного боевого дня в полковой дневник. - и похоронить по-человечески не похоронишь, раз там ещё немцы.

- После войны обязательно съезжу в станицу Голубицкую. Узнаю подробности гибели Коли. Потом разыщу его родителей. Если, конечно, останусь живой...

Обычно суровое и резкое лицо майора Провоторова подобрело.

- Правильно, Гриша, фронтовых друзей не забывают, тем более спасителей. И на добро всегда отвечают добром.

Когда нам случалось пролетать над местом гибели Коли, мы, не сговариваясь, делали круг и давали в воздух короткие очереди из пушек и пулемётов. Это был наш салют отважному лётчику-герою Николаю Калинину.

Последний вылет на Тамань

С песчаной косы Чушка наземные части Красной Армии прогнали врага.

Вчера майор Галичев сводил группу на порт Кордон. Там зацепились остатки вражеских дивизий. Противник на баржах переправлялся в Крым.

Была сплошная облачность. Фашисты, по-видимому, не ожидали налета. Группа майора Галичева успешно справилась с заданием и не имела потерь.

Утром 8 октября сводил и я свою группу на Кордон. За ночь гонимые ветром облака поредели. Шли мы над мелкими серо-сизыми облаками, ориентировались через просветы между ними. В воздухе было относительно спокойно. Зенитки молчали. Они начали стрельбу, когда наши самолёты вошли в пикирование. Сбросив бомбы, мы уходили быстро в облака. Потом неожиданно опять появлялись над целью и снова прятались в облака. Основательно полив свинцом вражеские позиции мы благополучно возвратились домой.

А днем на Кордон опять полетел майор Галичев со своей группой.

- Как слетали, Кузьма Ефремович? - спрашиваю, повстречавшись с ним около КП.

Майор Галичев, спокойный, никогда не торопившийся "старик", с седыми нависшими над глазами бровями, оживился:

- Ну и огонек был. Жару дали нам фрицы...

- Все пришли?

- Все! Ни одной царапинки!

Довольный удачей майор Галичев поспешил на доклад к командиру полка.

- А не пора ли нам отметить твой сотый вылет? - обращается ко мне подошедший Женя Прохоров. У него повязка на голове. После ранения его пока не допускают в полёты.

- Отметить можно! - восклицает Николай Есауленко. - как же такое событие не отметить?

Эскадрилья Николая сегодня свободна от полётов.

- Подождите ребята. Схожу на КП.

Спускаюсь в землянку.

- Ага, на ловца и зверь бежит, - говорит командир полка Галущенко. Сивков, слетаешь ещё разок на Кордон. Поведешь шестерку на пристань.

- Есть, - отвечаю и спрашиваю уже в коридоре майора Галичева: -Кузьма Ефремович, как облачность?

- Почти рассеялась. Лететь будет хуже.

Вышли мы с майором Галичевым из КП. Говорю ребятам:

- Приказано лететь на Кордон.

Женя присвистнул:

- Вот те, бабушка и Юрьев день...

- Вернешься, тогда отметим, - сказал Николай. - Ни пуха ни пера!

- К черту!

Не пролетели мы половины пути, облака совсем исчезли. Самолёты как на ладони, видны со всех сторон.

Знаю, что за линией фронта много зенитных установок. "Эрликоны" моментально сбивали самолёты, шедшие на высоте пятисот-шестисот метров. Высота в тысячу метров была уже менее опасна. А на высоте 1500 метров самолёты для "эрликонов" трудно досягаемы.

Принимаю решение идти на необычайно большой для нас высоте - тысячу шестьсот метров.

На цель вышли с запада. Успели снизиться до полутора тысяч метров. Сбросили бомбы. И в этот момент трассы "эрликонов" потянулись с земли, образовав огненный конус, острие которого, вытягиваясь змеиной головой, норовило ужалить нашу группу. И опять, как двадцать дней назад, удар где-то внизу спереди потряс мой самолёт Привычная вибрация и шум мотора исчезли. Наступила тишина.

"Прямое попадание в мотор... "

Мотор заклинило. Хорошо ещё, что была приличная высота, с которой можно спланировать километром на восемь-десять. Я понял, что линию фронта перетяну с большим

запасом.

Планирую. Не спеша выбираю площадку, где бы сесть Дорога и справа от неё вспаханное поле.

Сажусь на фюзеляж на мягкую пашню. Стальной бронекорпус машины секунду-две скользит, как глиссер, едва касаясь валков черной земли. Затем внезапно погружается в неё выступающей словно редан, броней маслорадиатора и резко тормозится, оставляя за собой глубокую борозду. А я тут же привычным жестом левой руки страхую голову от удара, чтобы не набить шишку на лбу.

Сели на своей территории. Рядом с КП стрелковой дивизии.

- Хорошо, что справа от дороги сели, - говорит дежурный лейтенант. - Там уже разминировано... А слева ещё мины.

Это была моя пятая по счету и последняя за войну вынужденная посадка на подбитом самолёте.

Воздушный стрелок Степан Иванович Пластунов смотрит на меня, радостно улыбается. Доволен, что все обошлось благополучно.

Лейтенант говорит:

- К самолёту поставим охрану. А для вас транспорт вряд ли найдется...

- Разберемся сами, - говорю ему. - Только прошу позвонить в полк. Позывной "Резеда".

Лейтенант кивает:

- Обязательно дадим знать.

В свой полк мы в тот же день не добрались. Прибыли только на третий день. Там нас ждала новость: Иван Карабут переведен в соседний 7-й гвардейский полк нашей дивизии. Командиром второй эскадрильи назначен старший лейтенант Прохоров.

Мы попрощались с нашим боевым другом, соратником и учителем капитаном Карабутом, отметили повышение в должности Жени, а заодно и мой 101-й боевой вылет. Посидели часик-другой в столовой. Выпили понемногу вина. Вволю напелись песен под аккомпанемент баяна Николая Есауленко.

- Ещё раз поздравляю тебя, Гриша! - сказал мне капитан Лещинер, когда мы расходились по домам. - Хоть и с перебором...

- В нашем военном деле для верности лучше перебрать, - заметил майор Провоторов, - чем недобрать...

В первых числах октября 1943 года Таманский берег был полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков. В этот день нашей 230-й штурмовой авиационной дивизии было присвоено звание Кубанской.

Вспомнилась мне та старая седая учительница, "вечера у камина", лермонтовский "Герой нашего времени", "Тамань"... Теперь Тамань снова стала свободным советским городом. А земля таманская обильно полита солдатской кровью. И поэтому мне этот город кажется родней, ближе и краше любого другого города широкой и мудрой России.

А 15 октября того же года наш 210-й штурмовой авиационный полк был представлен к ордену Красного Знамени.

Таманский вечер

По случаю освобождения Таманского полуострова от немецко-фашистских захватчиков командир полка подполковник Галущенко решил провести вечер отдыха, который тут же окрестили Таманским.

Вызвал подполковник к себе командира батальона аэродромного обслуживания:

- Надо сообразить что-нибудь насчет ужина.

- Съестного у нас маловато... - ответил тот, неловко переминаясь с ноги на ногу.

- Эх, вы...

Командир батальона на это не обиделся, зная, что в полку все очень уважительно, без особых придинок, относились к батальону аэродромного обслуживания.

- На нет и суда нет, - безобидно сказал командир полка. - Тогда придется совместить обед и ужин.

На том и порешили.

Нас с Женей Прохоровым, с которым мы вместе квартировали, оповестили заранее из штаба полка. С ними вместе пошёл и Тима Гуржий. Он был уже в дивизии, приезжал к нам редко, а тут как раз появился. Женя Прохоров Съязвил:

- Ну и нюх у тебя, Тима, как у борзой на зайца.

Иван Карабут, прибывший к нам уже как гость, понимающе заметил:

- Ему положено, он же теперь начальство...

По случаю вечера столовая торжественно убрана. Хотим сесть вместе со своими ребятами, а дежурный по полку говорит:

- Приказано провести вас сюда, - и указывает на стол, что стоял рядом с другими, как верхняя планка у буквы "П".

Прошли мы, сели. Там уже командир полка со своими заместителями и командиры других эскадрилий.

Подполковник Галущенко поздравил всех присутствующих на вечере с освобождением Таманского полуострова и передал слово своему заместителю по политчасти майору Кущу. Тот сказал короткую речь.

Все чокнулись и выпили за скорую победу над врагом.

Вечер по причине, описанной выше, продолжался не очень долго.

- Ну и вечер, - возмущался Женя Прохоров, - точно ради того, чтобы поставить галочку в формуляре...

- И галочка иногда тоже нужна, - успокаивал его Тима Гуржий, как представитель дивизии.

- Не знаю как галочка, - сказал своё слово Иван Карабут, - а вечер дело стоящее. Тильки горилки было малувано. .

Николай Есауленко молчал. Ему было все равно: он как всегда был самый трезвый.

По дороге к дому поймали ежа. Женя Прохоров предложил:

- Подложим к Фиме под простыню...

У хозяйки дома узнали, что Фима Фишелевич, наш полковой врач, ушел по срочному вызову: должно быть, кто-то заболел.

Ежа выпустили в опавший вишневый сад.

Утром перед полётом спрашиваю воздушных стрелков эскадрильи:

- Как вечер?

Они переглядываются и молчат. Один из них, бывший подводник Борис Панов, говорит:

- Что вечер? Мы трезвые были...

Все стало ясно: за столом командного состава полка кормили и поили хоть ненамного, но лучше... Устроители вечера перестарались...

И здесь я понял, почему мой бывший командир эскадрильи капитан Кондратков всегда в подобных случаях, не взирая на косые взгляды начальства, садился вместе с лётчиками своей эскадрильи: в его присутствии устроители старались всех оделить по справедливости.

- От начальства подальше, - обычно отшучивался он, когда его пытались упрекнуть, - а к вину и закуске поближе...

Нам, молодым и неопытным, тогда было невдомек, а потом мы с Женей Прохоровым обычно говорили:

- Спасибо, мы со своими эскадрильями сядем...

И, уж конечно, следили за тем, чтобы не обносили ребят интенданты.

Бои за Керчь

Таманский полуостров освобожден. На очереди бои за Крым. Части Красной Армии

ведут тщательную подготовку к форсированию Керченского пролива.

Полк 27 октября перебазировался ближе к фронту, в станицу Ахтанизовскую. Проводили тренировочные полёты с молодыми лётчиками. Изучали вероятные цели, противоздушную оборону и аэродромы противника. Выезжали на передовую, визуально знакомилась с близлежащими целями. Их видно в стереотрубу с НП. До начала операции две четверки слетали в район Керчи на разведку.

С керченской стороны, с высоты 175,0 была немецкая дальнобойная артиллерия. Она доставляла много неприятностей частям морской пехоты, готовившимся к десанту, и истребительному полку, аэродром которого был расположен на Таманском берегу, неподалеку от станицы Запорожская.

Вызывает меня командир полка подполковник Галущенко.

- Поведешь четверку. Цель - артиллерия на западном склоне высоты 175,0.

Взлетели. Взяли курс на Керчь. Зениток там уйма, по данным авиаразведки до 40 батарей. Будет жарко.

Заходим с севера, со стороны моря. Погода прекрасная. Высоту 175,0 видно хорошо. На её вершине и чуть западнее просматриваются какие-то пятна беспорядочно изрытой земли. Гитлеровцы искусно замаскировались. Никак не могу определить - батарея это или нет. Не видя больше ничего подходящего, решил бить по подозрительно "изрытому месту".

Входим в пикирование на цель с разворотом, не сбавляя оборотов двигателя. Это лучший противозенитный маневр: самолёт идёт по кривой, высота уменьшается, скорость непрерывно возрастает, попробуй-ка, зенитчик, прицелиться...

Вражеские зенитки пока молчат. Сбрасываем бомбы. Выходим из пикирования. С разворотом и дальнейшим снижением до бреющего уходим домой. Во время разворота вижу, что цель накрыта разрывами наших бомб. Зенитки по-прежнему не стреляют, не видно ни одного разрыва. Может, разведчики несколько преувеличили насчет количества немецких батарей...

Мы уже над керченским проливом. Спрашиваю своего воздушного стрелка Пластунова:

- Степан Иваныч, зенитки видишь?

- Да, очень много.

Оглядываюсь назад. О, ужас! Все небо усеяно разрывами. Яркая голубизна обезображена серо-черными отвратительными оспинами - следами залпов вражеских батарей.

Да, зениток действительно очень много. Но смертоносные разрывы уже позади: шли мы с хорошим ускорением. Зенитчикам, видимо, трудно учитывать его при стрельбе. Вот, оказывается, почему мне показалось, что зенитки вроде совсем не стреляют.

Сели. На КП нас встречает сияющий Провоторов и протягивает листок бумаги

- Читай-ка, телеграмма от пехоты.

Читаю:

"Группа работала отлично. Часть бомб упала на высоте 175,0. Разбит НП противника. Остальные бомбы упали на северо-западном склоне высоты, в расположение батареи. Пехота просит объявить благодарность всей четвёрке. Заместитель начальника разведотдела майор Ледогоров. "

Назойливая батарея больше не стреляла по аэродрому истребителей. Но над высотой 175,0 нам пришлось ещё крепко поработать в последующие боевые вылеты.

Вечером 31 октября 1943 года начальник штаба полка майор Провоторов зачитал приказ командования о начале операции по форсированию Керченского пролива и освобождению Крыма.

- Начинаются жаркие деньки, - сказал он. - немцы сильно укрепили район пролива. Берег минирован. Много артиллерии. Очень трудно будет морской пехоте захватить и удержать плацдарм на крымском берегу...

А утром получаем информацию: моряки под прикрытием ночного тумана уже высадились и захватили небольшой плацдарм на берегу Керченского пролива. Удачно! Молодцы ребята! Необходимо их поддержать с воздуха.

Небо капризничает. Низкая облачность и никудышняя видимость. Но все равно вылетаем, чуть забрезжил рассвет. Идем на цель, как всегда в плохую погоду, парами. Над проливом нависли тучи. Они едва не касаются рваными краями закипающих белых барашков волн. С середины пролива не видно обоих берегов. На секунду в сознании всплывает Дзуарикау. Танки. Облака, сползающие с Кавказских гор. Саша Кубай...

Появляются неясные очертания высокого крымского берега. На бреющем полёте проносимся над головами наших моряков. Они сосредотачиваются для атаки высоты 175,0. Со стороны противника, у самой земли, мерцают желтоватые всплески-звездочки.

Это действуют огневые точки врага.

Короткий доворот и очередь по ним из пушек. Осколочные бомбы - на окопы противника.

Разворот, ещё заход. А тем временем моряки уже идут во весь рост. Машут нам бескозырками. Строчат из автоматов. Незабываемая картина. До сих пор стоит перед глазами.

Кружимся. Делаем пять-шесть заходов на вражеские окопы. Бьем из пушек по всему, что сверкает со стороны противника. Фашисты попрятались в окопы. Их пулемёты молчат. Моряки идут в атаку.

Нам на смену пришла следующая пара. Теперь она будет поддерживать своим огнем наступающую морскую пехоту.

"Эрликонов" пока не видно. Их не успели ещё подтянуть к переднему краю. Видимо не ожидали такого внезапного натиска нашей пехоты и авиации.

С боем взяли моряки высоту 175,0. Как радостно и приятно сознавать, что и мы помогли им в воздухе.

Морской десант прочно закрепился на Керченском полуострове, в районе Маяка. А вскоре моряки - десантники высадились и в районе Эльтигена.

Но немецко-фашистские войска крепко засели на заранее подготовленных и хорошо укрепленных позициях. Начались упорные, кровопролитные бои за Керчь, длившиеся почти полгода.

К переднему краю противник подтянул большое количество "Эрликонов". И вскоре среди наших пар, атаковавших врага в непогоду с бреющего полёта, начались, как свидетельствует полковой дневник, боевые потери.

1 ноября 1943 года. 19 боевых вылетов на поддержку десанта в районе Маяка.

2 ноября. 17 боевых вылетов в район Аджимушкая. Подбит самолёт Максимова.

3 ноября. 16 боевых вылетов в район Баксы. Сбиты командир третьей эскадрильи Дедов и воздушный стрелок Варич. Подбит самолёт командира второй эскадрильи Прохорова.

4 ноября. 20 боевых вылетов в район Баксы. Сбиты Кочанов и Татаренко. Самолёт взорвался в воздухе и упал полтора километра восточнее Аджимушкая. Сбит огнем зенитной артиллерии Слесарев в районе высоты 104,3. Не вернулись с боевого задания экипажи Киселева и Когана. Предположительно сбиты зенитным огнем в районе Аджимушкая. Побиты самолёты Максимова, Едуша и Галичева. Сели на косе Чушка и в районе Фонталовской.

5 ноября. 8 боевых вылетов в район Аджимушкая - Колонка. Подбит самолёт Синькова.

6 ноября. 29 боевых вылетов. Сбрасывали продукты морской пехоте в районе Маяка.

8 ноября. 8 боевых вылетов в район Капканы. Подбит самолёт Сосулева, сел на воду.

9 ноября. 5 боевых вылетов в район Аджимушкая.

11 ноября. 1 боевых вылетов в район Колонка - Аджимушкая и по баржам в порту Керчь. Экипаж Мельников - Маслов вел бой с тремя ME-109. Маслов сбил один ME-109, который упал восточнее Колонка. Самолёт Мельникова подбит.

12 ноября. 8 боевых вылетов в район Булганака. Сбит экипаж Белых - Уваров. Подбиты самолёты Фролова и Ткаченко.

14 ноября. 8 боевых вылетов в район Эльтиген - Булганак. Подбит самолёт Лесняка.

15 ноября. 1 боевой вылет по баржам противника.

19 ноября. 4 боевых вылета по баржам противника в районе Камыш - Буруна.

20 ноября. 12 боевых вылетов на Керчь.

25 ноября. 14 боевых вылетов на Эльтиген. Доставка продуктов десантникам морской пехоты.

26 ноября. 56 боевых вылетов. Доставка продуктов десантникам на Эльтиген.

28 ноября. 4 боевых вылета по зенитной артиллерии и катерам в районе камыш-Буруна.

30 ноября. 23 боевых вылета в район Эльтигена. Сбит экипаж Рабинович Пухов. Самолёт упал в море между Эльтиген и коса Тузла. Подбиты самолёты Фролова, Максимова, Лесняка.

1 декабря. 22 боевых вылета на Эльтиген. Не вернулись с задания экипажи Крестина и Ренева.

2 декабря. 19 боевых вылетов на Эльтиген. Сбит экипаж Едуш - Силин.

4 декабря. 38 боевых вылетов на Эльтиген. Самолёт Фролова при взлете скапотировал в Лиман. Воздушный стрелок Шабалин погиб. В районе эльтигена сбит экипаж Мартынович - Ахмадиев. Подбиты самолёты Блашенко и Бизякова.

5 декабря. 25 боевых вылетов на Эльтиген. Подбиты самолёты Иванова и Жданова. Возвратились в полк лётчик Блашенко и воздушный стрелок Вишняков".

210-й штурмовой полк всеми силами и средствами старался поддержать десант на Керченском полуострове. Личный состав полка работал, не зная усталости, проявляя при этом массовый героизм. Помимо обычной работы по бомбежке, штурмовке вражеских позиций, огневой поддержке десантников, когда они вели напряженные бои, нам приходилось ещё быть и "воздушными извозчиками". Перевозили в мешках десантникам боеприпасы, продовольствие, медикаменты, хотя самолёты-штурмовики, как известно, не были рассчитаны на выполнение подобной работы.

Но война есть война. Летному и техническому составу полка пришлось приспособливаться к требованиям фронтовой обстановки, чтобы оказать наибольшую помощь наземным войскам в выполнении поставленной командованием задачи.

"Сердцу не прикажешь... "

Войска Красной Армии на всех фронтах осуществляли зимнее наступление. Фашисты с боями отходили на запад, туда, откуда они пришли.

Война находилась в той стадии, когда мы уже могли во фронтовых условиях позволить себе собраться на торжественный вечер или предоставить командному составу полка возможность по очереди побывать на отдыхе.

Вспоминается праздничный вечер 6 ноября 1943 года. Накануне полк произвел массовые боевые вылеты. Помогали десантникам боеприпасами, продовольствием, медикаментами, поливали свинцом с воздуха немецкие окопы. А в этот праздничный день не было боевых вылетов.

Сидим с Женей Прохоровым в президиуме торжественного собрания личного состава полка. Майор Провоторов зачитывает праздничный приказ.

- Смотри-ка, он уже проник в этот монастырь, - толкает меня Женя и показывает на Колю глазами.

- Откуда девчата? - шепотом спрашиваю я у него.

Он шепчет мне на ухо:

- Откуда же им быть, как не из полка майора Бершандской.

Неподалеку размещался женский авиационный полк ночных бомбардировщиков.

- Жень, где-то эту чернявую, круглолицую, слева от Коли сидит, я мог видеть?

- Поди у неё спроси, - смеется Жень.

Девушки, очевидно, заметили наше перешептывание и чересчур пристальное внимание. Порозовели от смущения.

Потом мы узнали, что это были Ава Артемова и Катя Рябова. Ава до войны окончила Херсонскую авиашколу и работала лётчиком-инструктором в Краснодаре. Опытный лётчик, она успешно выполняла боевые задания в четвертой эскадрилье женского авиаполка. Катя была штурманом этой эскадрильи. Пришли они по своим хозяйственным делам в БАО - батальон аэродромного обслуживания, который стоял вместе с нами в станице Ахтанизовской и обслуживал одновременно и 46-й гвардейский женский полк и наш 210-й полк. Коля Есауленко хороший разведчик. Он, конечно, знал, что в БАО придут девчата. Встретил их там и пригласил на вечер.

Девушки отказывались:

- Не одеты по-праздничному...

Да разве перед Колей устоишь. На вечер они пришли. Только раздеваться не стали. Сидели в шинелях.

После торжественной части мы с Женей пригласили девушек танцевать. А Николай уже успел предупредить нас:

- Между прочим, симпатичная блондинка - это Ава. Она уже занята...

Чернявая, круглолицая оказалась Катей Рябовой. Танцевала она со мной. А месяц спустя мы случайно встретились в Кисловодске, куда меня командование отправило на отдых.

Приехали в Кисловодск с техником Иваном Шейко. Идем по городу, встречаем Марину Чечневу и Татьяну Сумарокову.

- Здравствуйте!

- Здравствуйте...

- А Катя Рябова приехала?

- Где же быть штурману, если командир её эскадрильи в Кисловодске, задорно смеется Марина. - Здесь она, в санатории отдыхает.

Так вот нежданно-негаданно свела меня судьба с Екатериной Рябовой.

Катя ушла на фронт с третьего курса механико-математического факультета МГУ. Как-то само собой зашел разговор о мирном времени, об учебе. Мне тоже очень нравятся математика и физика. Интересно, как у них на мехмате. Это же университет, а не какой-то там авиатехникум... Одно название - Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова вызывает у меня легкий душевный трепет. Там, должно быть, все по солидному, внушительно. Профессора. Кафедры. А в перерывах между лекциями студенты чинно прогуливаются по коридорам и обсуждают научные проблемы...

Катя рассказывает:

- Учиться в университете очень интересно, но чопорности никакой нет. Профессора - и наставники и друзья для студентов. Мехматяне - народ веселый, дружный. Любят пошутить в перерывах. Однажды в полутемном коридоре стоят наши ребята вдоль стен, хватают студентов из соседней группы а клещи из двух рук и ловко переворачивают с ног на голову. Сгребли так одного невзрачного с виду паренька и под общий хохот перевернули.

"Оттяни носочки, а то не отпустим..." Что поделаешь. Оттянул тот носочки, словно на занятиях по гимнастике. Поставили его ребята на ноги и застыли от изумления. Перед ними был молодой ученый, профессор, доктор физико-математических наук. Шел он к студентам на лекцию...

- Ну и ну! Вот так пошутили...

Незаметно у нас зарождалась дружба. Время мы часто проводили вместе. Гуляли в горах, стреляли из пистолета по мишеням. Нередко оказывалось, что стреляла Катя лучше, хотя и я считался в полку неплохим стрелком.

Катя рассказывала о своей семье:

- Старшие братья Сергей - в Хабаровске, Авваша на фронте. Сестры Сима и Маруся с детьми Юзей и Борей и младший брат Леня уехали из Москвы вместе с мамой и папой на их родину, во Владимирскую область. Папа там, в эвакуации, недавно умер... Муж Маруси - Володя Миккель служит на Дальнем Востоке в береговой обороне. Муж Симы - Александр Маккель - погиб на фронте в первые дни войны...

Большая и дружная семья Рябовых уже познала трагедию войны. И я невольно вспомнил младшего брата Евгения, который тоже был где-то на фронте, и я от него давно не получал писем. Жив ли?

Пошли мы с Катей как-то на рынок. Фруктов разных много, но все очень дорого. А у меня денег-то не было. Перед отъездом отослал родителям в деревню. А что осталось, израсходовал в дороге. Катя покупает фрукты, угощает меня. В глазах у неё словно озорные бесенята прыгают.

Отошли мы от торговых рядов, говорю Кате:

- Зайдем на барахолку.

- А зачем? - спрашивает она. - Покупать мне там нечего...

Ну, пожалуйста, зайдем...

Подшли к старику, торговавшему скобянкой. Показываю ему свои часы.

- Сколько дадите?

- Карманные сейчас не в моде.

- Это же Павел Буре...

Старик прищурился.

- Рублей пятьсот дам.

- Я за них заплатил полторы тысячи два года назад.

- Времена, молодой человек, меняются, деньги - тоже. Больше, чем пятьсот не дам.

Тут вмешалась по-хозяйски Катя:

- Зачем за бесценок такую вещь отдавать?

Часы у меня находятся и по сей день. А Кате я рассказал о своем временном финансовом кризисе.

- Так бы и сказал чудак, сразу, - рассмеялась она. - А я уж подумала: ну и жаден же ты...

Вскоре мы вместе уезжали из Кисловодска, каждый в свой полк.

Шла война. Как и прежде, вылетали мы на боевые задания. И продолжали дружить. Таков уж закон жизни: сердцу не прикажешь...

Разговор о храбрости

Когда я вернулся в часть первым меня встретил взволнованный Женя Прохоров.

- Горе у нас опять...

- Что такое?

- Погиб подполковник Галущенко.

- Как же так?

- Да вот так, - раздумчиво протянул Женя и стал рассказывать предварительно закурив папиросу. - Сегодня утром это случилось, у всех на глазах... Вчера к вечеру приехал майор Емельяненко.

- Ну, знаю отлично штурмана дивизии. Друзья они большие с командиром.

- Вот-вот, он ему, видно, по-дружески возьми, да и скажи: Мол, скоро опять будут учебные полёты по освоению новых бомб. Для всех, начиная с командиров полков.

- Сам-то майор Емельяненко одной бомбой может танк поразить. .

- А наш - то, ведь знаешь, уж очень горяч. Говорит майору: "Что мне учебные полёты? Хочешь покажу как надо летать?" Майор Емельяненко стал его отговаривать, да разве остановишь... и слушать не хотел. Приказал оружейникам подвесить новые бомбы и полетел на полигон, на наш, вот здесь, вблизи аэродрома.

Женя опять затаился.

- Мы все наблюдали, как он отбомбился и отстрелялся по цели. Потом видим, набрал высоту, сделал петлю, иммельман, потом несколько бочек. Это уже почти над аэродромом было. Облачность хоть и редкая, а все же, видно мешала.

- Конечно, облачность, даже если она редкая, всегда усложняет пилотаж.

- На одной фигуре, когда он выходил из облака, сорвался в левый штопор. Вывел самолёт из штопора, но тут же перешел в правый штопор. Выбрался удачно из него, но на выходе из пикирования уже не хватило высоты. Самолёт врезался в землю. Неподдалеку от аэродрома. Разбился подполковник...

Женя умолк, задумчиво глядел на огонек папиросы. Наступила пауза.

- Наш командир был ведь большой мастер высшего пилотажа, - заметил я. - На Иле делал все фигуры, будто на истребителе! Опытный лётчик, храбрый.

- Лихая храбрость его и подвела, - притушил Женя папиросу. - А помнишь, как говорил Николай Антонович? "Нам в воздухе не нужны лихачество и безрассудная храбрость. Нам нужен трезвый расчет и храбрость разумная".

- А помнишь что ещё говорил нам гвардии подполковник Зуб? "Нам не нужна победа любой ценой. Нужна победа малыми потерями даже над численно превосходящим врагом".

Женя утвердительно кивнул.

- Как же, отлично помню, сказал он и без всякого перехода продолжил: Храбрость - храбростью, а тут в твое отсутствие так разок трухнул, что и посеючас отойти не могу.

- Ну-ка, выкладывай!

- Сводил группу на Эльтиген. Морьякам на подмогу. Все нормально. Отштурмовались, идём обратно. Немцы открыли такой огонь - ни черта не видно из-за разрывов. Потрепли нас, сволочи крепенько. Но все ребята вернулись домой. Поужинали. Ну, думаю, на сегодня все. А Провоторов говорит: "Надо срочно доставить медикаменты. Морьяки радировали с Эльтигена". Раз надо, значит надо. Подвесили девчата-оружейницы по мешку под плоскости. Поднялся, сделал круг. Машут они мне снизу. Осмотрелся, оказывается один мешок встал поперек. Пытаюсь сбросить его, не получается. Мешок точно прилип. Сесть тоже нельзя: мешает выпустить шасси. Долго летал над аэродромом, виражил и пикировал, пока мешок от перегрузки не оторвался... Сейчас техники придумали, как привязывать мешки, так что они больше не кувыркаются. А тогда мне пришлось хлебнуть горюшка и страха.

Женя вдруг замолчал, а потом вполголоса сказал со вздохом:

- В нашем летном деле не знаешь где найдешь, а где потеряешь...

- Жаль, что так нелепо погиб подполковник Галущенко. Сколько бы ребят он смог научить искусству пилотажа на Иле. Летал, как бог! Что ни говори, а подполковник это личность, да ещё какая! Нам всем до него далеко...

Женя раздумчиво замолчал.

- А храбрость храбрости рознь, - говорю ему, - помнишь, как у Максима Горького здорово сказано: "Безумству храбрых поем мы песню..."

Женя соглашается со мной. Подполковник Галущенко был храбрым человеком и на земле, и в воздухе.

Майор Кондратков возвращается в полк

Горе и радость соседствуют рядом. Вслед за горестной вестью меня вскорости ожидала приятная. Командиром полка назначен майор Артемий Леонтьевич Кондратков.

В полк он вернулся без особого шума, как, впрочем, любил делать все в жизни - исключительно тихо, скромно. Никаких совещаний не созывал. Обошел, оглядел полковое хозяйство и занялся очередными делами так, будто он все это время был на посту командира полка и не куда не отлучался. Такой уж выработался стиль у майора Кондраткова: решать насущные фронтальные задачи без суеты и торопливости, весомо и капитально. Правда, бывали впоследствии и у него минуты душевной слабости: покричит, покричит на провинившегося лётчика, припугнет, но так больше для вида, а наказать не накажет. В этом, очевидно, тоже сказывалась своеобразная житейская мудрость моего воспитателя, командира.

Никого не удивило его назначение командиром полка. Майора Кондраткова знали как опытного, бесстрашного лётчика с великолепной довоенной подготовкой, уважали за рассудительный характер, добрый нрав, помнили и ценили его постоянную заботу о подчиненных.

Увиделись мы с Артемием Леонтьевичем около КП в первый день его приезда, но поговорить тогда не пришлось. Его срочно вызвали к телефону. А спустя день или два сейчас уже помню точно, он вечером пришел к нам на квартиру. Жени Прохорова дома не было, я сидел за столом и строчил письмо. Увидев майора Кондраткова, вскочил, вытянулся по стойке смирно.

Артемиий Леонтьевич стиснул мне плечи, неловко обнял и сказал:

- Садись, Гриша, рассказывай.

Усадил меня, сам сел напротив.

- Как дела?

- Идут дела летаем на задания.

- Слышал я, слышал. - Он смотрел на меня спокойными серыми глазами излучавшими доброту. - Начальство доверяет тебе до пяти и больше десятков самолётов. Это хорошо. Эскадрилью тебе дали. Тоже хорошо. Теперь в самый раз. Я тебе скажу вот что: кто идёт не торопясь, по ступенькам должностной лестницы, тот дело знает крепко, по-настоящему, а кто летит быстро вверх, словно мыльный пузырь, то как пузырь и быстро лопаётся...

Он пристально, изучающе глядел на меня и оживленно продолжал:

- Значит идут дела? Ну, что ж, рад за тебя.

- Идут. Ничего особенного. Вы же знаете.

- Знаю, знаю, - подтвердил Артемиий Леонтьевич с лукавой улыбкой. - Знаю и о дивчине, которую зовут Катей... Знаю и про твой домашний арест...

Виновато и смущенно молчу.

- Говорил тебе Гриша, и ещё повторю: откажись раз и навсегда от излишнего риска. Пойми, чтобы рисковать, ума палаты не требуется. Нам не нужны потери, которые можно избежать. - Он встал, прошелся по комнате, скрипя половицей, и, словно тятя, умудренно и заботливо сказал:

- Самолёты можно сделать новые, а вот людей уже не вернешь...

В задумчивости он посмотрел на стол, где лежали конверты.

- Письмо получил?

- От тяти с Урала.

- Что он пишет, как они там?

- Все нормально, только прихварывает он...

- Ну-ка, давай посмотрим, если не против.

- Нет, что вы, пожалуйста, читайте.

Он взял письмо, подвинулся ближе к свету и стал читать вслух, разбирая неторопливый почерк отца: "Здравствуй, дорогой сынок Гриша! Прежде всего надо сказать, что письмо твое и почтовый перевод получили. За все это большое спасибо. Затем хочу сообщить, что живем пока ничего. Все живы и здоровы. Я работаю понемногу в колхозе. В эти дни помогаю сеять вручную. Ввиду ненастной погоды сев оттянулся далеко. В своих огородах тоже ещё не пахали. Некоторые копают лопатками. Мы тоже вскопали более половины и посадили. Брат Иван находился в отпуске. Были у нас дома. Может, будет возможность и тебе приехать? Мы ждем. Пока коротенько все. Писал вечером после работы. До свидания. Твой отец Ф. Сивков."

- Трудно им там достается. Мужиков видать мало осталось в колхозе. А хозяйство надо вести... Время нельзя упускать. Опоздаешь с севом, нечего будет жать... А фронту и хлеб тоже нужен. Но крестьяне свое дело знают, умеют ценить и беречь время. По письму отца вижу, как кратко все изложил, точно в разведсводке... Волнуются, переживают за тебя. А что деньги посылаешь старикам, это хорошо. Будешь писать, передай от меня им низкий поклон...

За спиной хрипло пробили часы.

- Ого, время уже. Тебе спать пора. Завтра полёты. А я пойду посмотрю последние разведсводки по фронту.

Он ушел, ссутулившись под грузом очередных полковых забот и тревог. А я до возвращения Жени Прохорова не ложился спать, писал ответ тятю, а потом в душе упрекал себя за робость, скованность в сегодняшнем разговоре и, пожалуй, укорял за неблагодарность в отношении с моим ведущим и старшим наставником. Правда, "самоедством" не пришлось заниматься долго. Рано утром предстояли опять боевые полёты на Керченский полуостров.

Вася Фролов

Другой печальной новостью, после моего возвращения из Кисловодска в полк, известной на всю дивизию, была вторая катастрофа младшего лейтенанта Васи Фролова. Первая случилась с ним в Днепровской, когда мы летали на "Голубую линию".

В полк Вася пришел вместе с Николаем Калинин. Был особо, пожалуй, ничем не примечательным Парень как парень. Лётчик обычный, не довоенной подготовки. Война в то время находилась уже в той стадии, когда производство самолётов, по-видимому, значительно опережало подготовку кадров военных лётчиков. Их в нашем полку, как, впрочем, и в других полках, всегда не хватало. Прибывавшие ребята из авиашкол краткосрочного обучения доучивались уже в боевых условиях, шлифуя свои летные навыки в групповых полётах над линией фронта, участвуя в воздушных боях.

В один из напряженных боевых дней в полковом дневнике появилась лаконичная запись: "23 июля 1943 года. Самолёт Фролова при посадке на своем аэродроме потерпел катастрофу. Воздушный стрелок Мардер погиб".

Группа в которой шел Вася Фролов, попала под шквальный огонь противника. Самолёт Васи был сильно поврежден. Снаряд попал в кабину воздушного стрелка. Когда самолёт пролетал над аэродромом, мы снизу видели, как он просвечивал насквозь. В задней кабине была дыра во всю ширину фюзеляжа. Казалось, совсем не на чем было держаться воздушному стрелку, который к тому же был ранен. Ранение в голову получил в этом полёте и Вася, но все же сумел дотянуть на изуродованной машине до своего аэродрома. Крылья самолёта были изрешечены осколками снарядов, обшивка отваливалась рваными кусками. Одно колесо совсем не выпускалось.

Вася уже потом нам рассказывал, что временами он терял сознание, но все же летел, смутно сознавая, что авария при посадке неизбежна и его разбитый самолёт может загромоздить посадочную площадку и помешать сест другим товарищам.

Превозмогая боль, Вася кружил над аэродромом: выжидал, пока сядут все самолёты группы. А потом зашел левее посадочной полосы, прибрал газ. Избитый самолёт начал неожиданно круто снижаться, зацепил выпущенной "ногой" за капонир - земляное гнездо-стоянку самолёта на аэродроме.

Самолёт Васи ударился о землю, несколько раз перевернулся и развалился на части.

Все, кто находился в это время на аэродроме побежали к месту аварии.

"Ну, думаю, - там и костей не соберешь"... Подбегаю и вижу, как Васю уже укладывают на носилки, а он сгоряча вскакивает:

- Не надо, сам дойду до санитарной машины...

Отлежался Вася в госпитале, вернулся в полк.

- Когда можно летать? - спрашивает он у майора Провоторова.

- Отдохни маленько, Вася, - отвечает майор. - Наберись сил. Фашисты от тебя не уйдут...

Неделя, другая. Вася настойчиво проситься в воздух.

Наконец проверили Васю в полётах по кругу и в зоне - как будто все нормально. Разрешил ему командир полка потренироваться. Да, видно маловато отдохнул Вася. При посадке после третьего полёта "подвесил" машину метров на десять и рухнул с этой высоты на землю. Самолёт - вдребезги.

Подбегаем, думаем погиб Вася.

- Живые, живые! - кричит Фролов и вылезает из-под груды обломков, а за ним и воздушный стрелок.

Живые, невредимые и ни одной царапины.

- Ты, брат, в рубашке родился, - говорит Васе майор Провоторов. - Второй раз уцелел. Смотри, берегись, третьего раза не миновать...

А Вася после этого случая опять летал на боевые задания. Выровнялся вроде, летал вполне прилично. И вот, снова катастрофа...

Аэродром Ахтанизовская, где это случилось, был характерен тем, что взлететь с него модно было либо на запад, в сторону ещё неразминированного минного поля, либо на восток, где раскинулся лиман с заболоченными берегами.

В конце ноября шли надоедливые частые дожди. Повсюду, даже на взлетной полосе, стояла непролазная кубанская грязь. Чтобы сдвинуть с места ревущий на полном газу самолёт, приходилось раскачивать его чуть ли не всей эскадрильей. Особенно много хлопот было у наших техников и мотористов. А девушки-оружейницы, кроме тяжелого неженского дела - подвески бомб, снаряжения боеприпасами пушек и пулемётов, ухода за всем оружейным хозяйством самолётов, - через ночь ещё несли и дежурства в карауле. Однако, пожалуй, тяжелее всего девчатам доставалось быть "бурлаками". По колено в грязи они пробивались туда, где не могли пройти автомашины. По двое цепляли веревкой бомбу за стабилизатор и тянули к самолёту.

А время очень горячее. В начале декабря создалось критическое положение у десантников на Эльтигене. Надо было во что бы то ни стало поддержать моряков огнем и доставлять им мешки с боеприпасами и продовольствием.

Взлет с раскисшего аэродрома весьма опасен. Не в силах преодолеть сопротивление вязкой грязи, самолёт мог не оторваться от земли. И тогда два исхода: подорваться на минах при разбеге на запад или перевернуться, скапотировать в жидкое месиво лимана при взлете на восток. Приказ командира дивизии:

- Летать несмотря ни на какую грязь! Летать! Кто не взлетит и разобьет при этом самолёт - считать боевыми потерями...

Все взлетели довольно удачно. А Васе Фролову опять не повезло. Видимо мотор на его самолёте был чуть послабее, чем на других машинах. При взлете Васин самолёт, едва оторвавшись от земли, упал в вязкую жижу лимана и перевернулся на спину.

Ошеломленные ребята, помогавшие раскачивать Васину машину перед взлетом, растерялись от неожиданности.

Самым находчивым оказался стоявший поблизости врач полка Фима Фишелевич.

- За мной! - крикнул он. - Человек погибает!

И бросился по колено в липкой грязи к самолёту Васи Фролова. А за ним уже поспешили остальные ребята.

Подбежали. Вася висит головой вниз. Ворочается. Весь залит грязью и вдобавок льется на него бензин из поврежденного бензопровода.

- Живой! - кричит Фима. - Ломайте фонарь!

Но как его сломаешь, этот бронированный колпак кабины лётчика, когда он на метр погружен в жидкую грязь и придавлен сверху шеститонной машиной...

Пришлось снимать нижнюю броню и бензобак, которые теперь были сверху, ломать пол и вытаскивать Васю вместе с сиденьем.

Когда освободили Васю от привязных ремней и лямок парашюта, он встал на ноги, поглядел вокруг помутневшими глазами и сказал:

- А я ещё живой, - и, потеряв сознание, упал.

Опять долго Вася Фролов лежал в госпитале, снова стал летать и вместе с полком встретил победу.

Районы города Керчи раскинулись на несколько десятков километров по берегу Керченского пролива. Центральная часть города приютилась под горой Митридат. Вершину и склоны горы фашисты сплошь усеяли огневыми точками и артиллерией. Пролив минировали, на берегу моря поставили в несколько рядов проволочные заграждения.

Артиллерия и самолёты противника мешали нашим десантникам начать наступление. Поэтому мы довольно часто совершали вылеты на артиллерийские батареи и аэродром истребителей врага, расположенный у станции Багерovo, западнее Керчи. Руководил нашими действиями командир дивизии полковник Гетьман. Его КП размещался в Аджимушкayских каменоломнях под Керчью.

Однажды полковник Гетьман ставит задачу:

- Бить артиллерию противника на горе Митридат!

Летим пятеркой: Сивков - Вишняков, Ткаченко - Леоненко, Ренев - Желудков, Мельников - Маслов, Жданов - Рыжков. Зашли с моря Ясный полдень. Легкий морозец. Впереди четко просматривается цель. Сейчас надо нажать кнопку передатчика и произвести привычную команду: "Внимание! Приготовится к атаке!" Но в этот момент полковник Гетьман по радио спрашивает:

- Как меня слышите?

Отвечаю:

- Слышу хорошо!

- Отставить гору Митридат! Бить по станции Багерovo!

- Понял вас, понял, - отвечаю командиру дивизии, а в голове мелькает мысль: "Ничего себе командочка... " Зенитки уже лупят всюду, а тут вместо маневра со снижением ещё добрых километров двадцать топтать потихоньку. Да ещё с ходу надо решить, как заходить на Багерovo. Там рядом со станцией, на аэродроме, стоят готовые к взлету истребители противника... Да и зенитный огонек, будь здоров! .

Ситуация та же самая, что и в Моздоке. Как же все таки идти? Откуда сделать заход? Неожиданно всплывают слова недавнего разговора с майором Кондратковым: "Самолёты можно сделать новые, а вот жизни людям уже не вернешь"...

А вокруг, как всегда, постоянные недобрые попутчики - разрывы от зенитных снарядов. Одного прямого попадания вполне достаточно...

Левый разворот со снижением, затем с набором, на юг, подальше от Керчи... Так. Теперь спокойно. Принял решение заходить на цель со стороны солнца. Зенитчикам против солнца бить похуже, а также достигается некоторая внезапность налета - немного позднее заметят.

Вышли к станции с юга. Ударили с ходу пот эшелонам противника. Кучно и довольно точно сбросили бомбы. Разбиты вагоны. Возник пожар. Разрушено полотно единственной железной дороги в Керчь.

На бредущем проскочили со станции Багерovo на север, к аэродрому истребителей. Нас там, конечно, совсем не ожидали. Истребители противника пока ещё не успели взлететь. Ударили мы из пушек и пулемётов по самолётам и по живой силе врага. Проскочили аэродром и, прижимаясь поближе к земле, понеслись на север.

Нас все таки атаковала пара ME-109. Воздушные стрелки Маслов и Рыжков сбили один "мессер", который упал в полутора километрах северо-восточнее Багерovo.

Вражеские зенитчики опомнились. Начали бить вдогонку. Но это уже не так опасно. Огонь не прицельный. Группа вся в сборе, благополучно миновали зону зенитного огня и вышли на Азовское море.

Над морем летать нам приходилось до этого много: под Новороссийском, в районе Темрюка, и здесь, под Керчью. И всякий раз, особенно на малой высоте, тобой овладевает чувство волнения. Начинаешь прислушиваться к гулу мотора. Кажется, что двигатель работает нечетко. Смотришь на приборную доску - все вроде нормально. А беспокойство растёт. Под тобой не земля, а неприветливое море... к земле как-то уже привык. В самом

трудном и сложном случае можно совершить посадку. С земли взлетал, на неё и садишься. А в море на вынужденную садиться... Лётчики в шутку говорят между собой, что Ил-2 по плавучести занимает второе место в мире... после утюга.

Вот показался родной берег, окутанный легкой сизоватой дымкой. Строения, деревья, высотки, овражки... И мотор вроде бы стал работать четче, ровнее. И настроение становится бодрым. Скоро и свой аэродром, где знакома каждая кочка.

Домой пришли без потерь. Садимся. Когда зарулили на стоянку, воздушный стрелок Степан Иванович Пластунов, обычно больше молчавший после полёта, сейчас возбужденно говорит:

- Сердце зашло, когда над водой шли. С непривычки, наверное...

Привычка - вторая натура. - Над землей - матушкой как-то спокойнее. Как ни то, а опору чувствуешь все же...

Отлично понимаю душевное состояние боевого товарища. Сам только что пережил то же самое. Да некогда заниматься самоанализом. , давать волю своим чувствам.

Подбегает техник Иван Михайлов, спрашивает:

- Как работал мотор?

- Замечаний нет. Отлично.

С тех пор самолёт мой стал обслуживать Ваня Михайлов - трудолюбивый, заботливый парень, - никаких замечаний по работе двигателя и самолёта в целом у меня не было. Все действовало безукоризненно.

Тороплюсь на КП доложить о полёте группы. Не исключен возможность, что сегодня предстоит слетать и второй раз. Наш святой ратный долг - оказать десантникам поддержку с воздуха.

На родной земле во время короткой передышки свыкаешься с мыслью, что опять предстоит летать над неприветливым, по-зимнему буйным морем.

Замполит проводит занятие

Душой и основным костяком полка, как и в других полках дивизии, были коммунисты. Они работали на всех ответственных участках в эскадрильях большого полкового хозяйства. Участвовали в самых сложных и ответственных боевых операциях. Обычно они были там, где наиболее трудно и опасно. Первыми осваивали новые самолёты, первыми летали на них по новым трассам воздушных дорог войны, первыми принимали на себя атаки вражеских истребителей и огонь зенитной артиллерии. Своим личным боевым примером, отвагой и мужеством, лютой ненавистью к фашизму, беззаветной преданностью Родине, своей партийной принципиальностью они вели за собой личный состав полка в жестоких схватках с немецко-фашистскими оккупантами. Вместе с ними бок о бок шли их верные и надежные помощники - комсомольцы полка.

Для всех нас навсегда останутся примером партийного, самоабвенного и честного отношения к общему делу, к своему воинскому долгу командиры-коммунисты. Лично я с большой любовью и глубоким уважением храню память о своих командирах, боевых товарищах коммунистах подполковнике Николае Антоновиче Зубе, майоре Артемии Леонтьевиче Кондраткове, майоре Иване Ивановиче Панине, старшем лейтенанте Иване Раубе и многих, многих других.

Коммунисты были очень требовательными к себе людьми, постоянно блюли свою партийную честь и совесть, помогали комсомольцам осваивать летное дело, воспитывали их политически, следили за их идейной закалкой.

В полку регулярно велась партийно-политическая работа среди летного и инженерно-технического состава. Проводились партийные собрания, политзанятия, выпускалась стенная газета и боевые листки.

Партийная организация полка систематически пополняла свои ряды за счет лучшей части комсомольцев и беспартийных личного состава полка. Нередко мы были очевидцами

таких беспримерных по своему яркому патриотизму фактов, когда улетавшие на очередное боевое задание лётчики и воздушные стрелки оставляли свои заявления: "Если погибну в бою, прошу считать меня коммунистом!"

После гибели воздушного стрелка Леонида Татаренко в его вещах была найдена записка: "Если я погибну, прошу считать меня коммунистом. Товарищи, громите врага, гоните немцев с нашей земли. Дадим нашему народу такую счастливую жизнь, какой она была до войны. Вперед, на запад!"

Партийной работой в полку руководили заместитель командира полка по политической части майор Афанасий Григорьевич Куц и партторг полка капитан Ясырев.

Помню, как в одну из передышек между боями майор Куц мне сказал:

- В двадцать один ноль-ноль будет инструктивное политзанятие.

Поужинали на скорую руку. Вышли из столовой, стоим разговариваем, курим. Женя Прохоров рассказывает очередную байку. Вокруг него стайка молодых лётчиков.

- Все в сборе? - спрашивает подошедший майор Куц.

- Все, - отвечает партторг полка Ясырев.

- Тогда пойдемте в аудиторию.

Пропускаем вперед майора и следуем за ним в столовую.

Здесь уже прибрано, столы сдвинуты, табуретки расставлены. Импровизированная трибуна: тумбочка, покрытая красной материей. Рядом с ней на столе традиционный графин о водой.

Разместились, приготовились слушать. Майор Куц обвел сидевших взглядом, будто считал количество присутствовавших. Потом подошел к трибуне, положил тетрадь-конспект, нахмурился, смотрит на графин - нет стакана. Дежурный срывается с места, тотчас приносит с кухни железную кружку.

Женя Прохоров закрыл рот рукой и не в силах сдержать улыбки. Переглядываемся с Николаем Есауленко. Воспользоваться графином с водой во время занятий все равно никто из нас не отважится. Разве, что сам докладчик. Но надо соблюсти кем-то заведенный ритуал.

Глаза майора подобрели. Он любит, как и все мы, порядок.

- Начнем, товарищи,- говорит он, заметно волнуясь. Майору часто приходится выступать с докладами, проводить политбеседы. Он тщательно к каждому своему выступлению готовится, великолепно владеет материалом, выступает живо, интересно и вместе с тем каждый раз в начале беседы испытывает волнение. Внешне это, пожалуй, и незаметно, но выдает чуточку дрожащий, будто чужой, а не майора голос. Он гасит минутное волнение и уже, как всегда, ровно и спокойно продолжает:

- На сегодняшнем занятии мы начнем изучение доклада Председателя Государственного комитета обороны на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1943 года о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Майор отрывается от тетради, окидывает взглядом аудиторию. Слушают его с вниманием. Он отходит от трибуны, держа в руке, словно указку, карандаш.

- Сегодня мы рассмотрим вступление и первый раздел доклада. Во вступлении указывается, что ваша страна уже третий раз отмечает в обстановке Великой Отечественной войны годовщину своей социалистической революции, и дается краткий, исчерпывающий анализ событий за истекшее время. Я на этом не буду подробно останавливаться. Прочтете и с учетом предыдущих наших бесед разберетесь самостоятельно.

Николай Есауленко склонился над тетрадью и быстро записывает.

- Первый раздел доклада называется: "Год коренного перелома в ходе войны". Что это означает? - Майор сделал паузу. - Это означает, товарищи, что надежды немецко-фашистского командования на "молниеносную войну" провалились и враг терпит поражение на всем советско-германском фронте.

Майор опять приблизился к трибуне, окинул взглядом сидевших, очевидно, проверяя, как доходят его слова. Все по-прежнему были во внимании.

- Почему именно истекший год - от 25-й до 26-й годовщины Октября является переломным? Давайте рассмотрим в деталях.

Во-первых, прежде всего потому, что именно в этом году Красная Армия осуществила впервые за время войны большое летнее наступление. Фашисты вынуждены были поспешно оставлять временно захваченную ими территорию, бросив большое количество техники, вооружения, раненых солдат и офицеров.

Успехи летнего наступления явились продолжением и завершением успехов нашего зимнего наступления этого года. Теперь уже никто не верит басне о том, что Красная Армия не может наступать летом. Мы с вами участники и свидетели того, что она так же хорошо может наступать летом, как и зимой. В результате этих наступательных операций нами освобождено с боями почти до двух третей нашей родной советской земли, временно оккупированной врагом.

Майор сделал паузу.

- Истекший год является переломным и потому, во-вторых, что Красная Армия нанесла поражение врагу под Сталинградом, а затем закрепила успех в битве под Курском; в короткий срок перебила наиболее опытные старые кадры немецко-фашистской армии. Только за этот год немцы потеряли более 4 миллионов солдат и офицеров, 14 тысяч самолётов, более 25 тысяч танков и не менее 40 тысяч орудий.

Кадры Красной Армии за истекший год выросли, окрепли и закалились в огне успешных наступательных боев. Мы это, товарищи, чувствуем по себе в своем полку. Сколько у нас выросло способных и опытных командиров эскадрилий и их заместителей.

Майор указал на Михаила Ткаченко, Женю Прохорова и Николая Есауленко.

- В-третьих, этот год является переломным ещё и потому, что успешное наступление Красной Армии коренным образом ухудшило хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии, которая переживает глубокий кризис и стоит перед своей катастрофой.

Майор закрыл тетрадь, в которую он так и не заглянул ни разу, а вел беседу по памяти, без конспекта.

- Итак, мы коротко рассмотрели первый раздел доклада. Советую на досуге повнимательнее прочитать. Мною назывались далеко не все цифры и факты. Используйте в виде подсобного материала газеты и "Блокноты агитатора". Советую привести на занятиях примеры из жизни нашего полка. Самый, пожалуй, лучший иллюстративный материал - это наша боевая жизнь, товарищи!

Расходились мы под впечатлением беседы майора Куца. Нам предстояло провести такие же политбеседы среди коммунистов и комсомольцев своих эскадрилий.

Подобные беседы закаляли нас идейно, повышали наше политическое, классовое чутье, помогали осмысливать события на фронтах войны, давали новый заряд нашей обиденной жизни, вселяли ещё большую уверенность в нашей окончательной победе над врагом, звали к новым боевым сражениям с немецким фашизмом.

Женский полк

Близился 1944 год.

Положение на Керченском полуострове становилось все напряженнее. Летать приходилось много и в сложной обстановке. Линия фронта постоянно меняется. Нередко задание получаешь одно, а уже в воздухе с КП дивизии дают указание лететь на другую цель.

Всюду подстерегает плотный огонь вражеских зениток. Нам-то ещё ничего: штурмовики надежно прикрыты броней. А вот девушкам из полка майора Бершанской приходится хуже: они летают на легких бомбардировщиках, как тогда говорили, "на фанере".

Самолёты-штурмовики работают днем. Легкие бомбардировщики - ночью. Свободное

от полётов время у летного состава полков совпадает редко. Лишь в сугубо нелетную погоду, в туман. Чтобы повидаться с Катей, ухожу иногда вечером в расположение женского полка и возвращаюсь поздно ночью.

Случалось, придешь в сумерки, а девушки уже пошли на аэродром. Погода неожиданно прояснилась. Что же, двигаешь обратно и слышишь, как потихонечку начинают стрекотать, словно кузнечики в траве, моторы легких самолётов, бывших учебных У-2, а теперь грозных для врага, тех же самых, но с другим названием ПО-2. Так их именуют по первым двум буквам фамилии конструктора Поликарпова.

Экипаж за экипажем - девушки уходят в глухую фронтовую ночь.

До Керченского пролива каких-нибудь тридцать километров. Пока ты пешком успеваешь пройти половину пути от Пересыпи до Ахтанизовской, над проливом уже стоит конус из десятка вражеских прожекторов. В их перекрестии - слабо светящаяся звездочка: это летят девушки на совершенно беззащитном самолёте. А кругом вспышки зенитных снарядов и ярко-красные пунктирные строчки "эрликонов".

Сердце сжимается и холодеет, когда наблюдаешь эту жуткую картину.

Взлетел бы сейчас и прошелся пушечной очередью по ненавистным фашистским прожекторам, вспарывающим ночь моей Родины, подвергающим смертельной опасности наших любимых...

Однажды после завтрака выхожу из столовой подзывает меня майор Кондратков.

- Ты ходишь на Пересыпь? - спрашивает он нахмурившись.

- Хожу, а что?

- Ничего. Мало спишь. Так не годится, Гриша. Запрещаю тебе ходить в Пересыпь!

Удивленно и растерянно гляжу на командира полка.

- Пешком запрещаю ходить! - вдруг заявляет он и улыбается одними глазами. - Ездить будешь... Понял? - и ушел на КП.

Вот так неожиданно обернулась для меня очередная нахлобучка.

На следующий раз дают полуторку майора Кондраткова. Мы с ребятами лихо подкатываем в расположение женского полка.

- Жалко, что не эмка... - иронизирует Миша Ткаченко. - Комфорта никакого. И мягких сидений почему-то не предусмотрели...

- лейтенант Ткаченко, в следующий раз останетесь на уютной фатере, деланным голосом говорит Николай Есауленко. - Будете охранять наши личные вещи.

- Братцы, я как-никак лётчик, - моментально, с завидной реакцией идёт на попятную Миша. - Пешком лучше буду ходить только из домашнего караула увольте.

Машину командира полка мы больше не брали. Девушек, конечно, продолжали изредка навещать. В Пересыпь добирались на попутных машинах а домой чаще всего пешим ходом.

Замечаний от командира полка больше не было. С его ведома мы втроем решили провести встречу Нового года в женском полку.

К тому времени мы уже научились воевать. Инициатива была на стороне Красной Армии. Немецко-фашистских захватчиков на всех фронтах гнали на запад. Можно было себе позволить по-человечески встретить Новый год.

- Это вам не сорок второй, - оживленно сказал майор Провоторов. - Помните как под Новый год и первого января полк сделал по три боевых вылета?

Хозяйки вечера постарались конечно. Проявили женскую находчивость и умение. По-домашнему накрыли стол.

Миша Ткаченко взглядом окинул сервировку и не упустил случая заметить:

- Вот это порядок, мне нравится. Не то что у нас на Таманском вечере.

Женскому полку, как и всем воинским подразделениям по фронтовому довольствию полагалось после боевых вылетов сто граммов спиртного. Девушки сами обычно не потребляли, а берегли для своих гостей. Водку настояли на лимонных корочках.

Столовой терпко и приятно пахло смолой от новогодней елки. Столы были заставлены тарелками с мясом, рыбой, рисом и крупными ломтями душистого хлеба. Лишь вместо

стаканов были жестяные кружки.

Коля Есауленко восседал в самой гуще девушек. В этот вечер он прекрасно играл на баяне, задумчиво пел со всеми песни и, был, как обычно, самый трезвый.

В разгар вечера ко мне обратился какой-то парень из соседнего полка истребителей.

- Дай-ка, друг, - попросил он, - фонарик на минутку.

- Не могу. Фонариком этим я очень дорожу...

- Да будет тебе. Не отдам, что ли?

После долгих уговоров и упрашиваний получает фонарик и тотчас быстро уходит куда-то.

Наблюдавший эту сцену пожилой майор очевидно, начальник парня, укоризненно покачал головой.

- Ну и ну, - на правах старшего по званию заметил он, - не по братски это.

Тогда Миша Ткаченко, улыбаясь пояснил ему:

- Фонарик - вещь весьма нужная нашим ребятам. А где их фонарики, теперь найдешь?

А дело заключалось вот в чем. Фонарик нам нужен был для встречи с девушками. Когда мы возвращались с боевого задания, то на бреющем полёте проходили над Пересыпью, покачивали крыльями: давали знать девушкам мол живы. Они же летали на бомбежку ночью, возвращались из последнего вылета под утро, ещё в темноте, пролетая над нашим домом, сигналили фарами:

- Все в порядке! Не беспокойтесь! .

В ответ мы мигали фонариком:

- Поняли!

Обычно очень чуткий во сне Женя Прохоов, услышав гул кукурузника над нашим домом, кричал мне:

- Вставай, слышишь, прилетели девчата! Беги, мигай!

Однажды девчата залетели к нам, когда мы сидели за завтраком в столовой. Слышим летят. Выбегаю. Мигнул фонариком, да, видно, уже поздно. Слышу снова летят. Помигал опять фонариком. Они убирают газ, снижаются и кричат:

- Гриша!

Тут как раз высыпали ребята на улицу. Им показалось, что кричали с воздуха: "Леня!" Стали подтрунивать над Леной Косовым.

- Леня, из-за тебя нам девчата спать не давали всю ночь...

- Из молодых, да ранний...

- Леня, поделись опытом, а? .

Леня Косов недавно прибыл в полк. Боевые задания выполнял неплохо. Парень отважный. Но на Посадке сломал несколько машин. Он и так себя неважно чувствовал, а тут девчатами ещё доводить стали...

Выручил майор Провоторов.

- Хватит балагурить! - прикрикнул он на ребят. - Пора на аэродром.

Делу время, потехе - час. Отправляемся на боевое задание. Наши наземные войска продолжают стойко удерживать занятый плацдарм, и им нужна наша помощь с воздуха.

Вот что рассказывает о тех днях, наш однополчанин отважный лётчик Герой Советского Союза Иван Павлов:

"Под Керчью морские десантники бились долго. Немец сильно там укрепился и никак не хотел сдавать свои позиции. Много имелось работы и у нас в полку. Однажды, это было под вечер, майор Провоторов дает мне и Коле Мельникову задание:

- Бомбить немецкие корабли!

- Задача ясна.

Получил задание - душа колотится от волнения. А сел в самолёт, все сразу улеглось само собой.

Летим. Керченский порт под нами. Вижу немецкие корабли. Сбросил бомбы. А Коля что-то медлит. Кричу ему:

- Почему не бросаешь?!

- Ищу цель.

А огонь стоит вокруг, словно высокая стера, и не видно ей не конца и не края... Страшен первый залп зениток. Когда появились разрывы уже легче. Видишь куда бьют, знаешь, какой предпринять маневр.

При втором заходе потерял я из виду Николая Мельникова. Отбомбился, произвел посадку. Доложил на КП. А Николая нет, на следующий день пришел он в обед. Спрашиваю его:

- Куда ж ты девался?

- Подбили фрицы. Сам знаешь, огонь-то был какой...

Еле ушел, сел на нейтральной. Добрался до своих. А там уж после переправы через пролив доехал на попутных машинах в полк. "

В то время такие случаи, как с Колей Мельниковым, были нередки. На задания летали от зари до зари.

Скупые строки полкового дневника:

"15 января 1944 года. 16 боевых вылетов в район совхоза Булганак. Сбиты Иван Денисов и Андрей Каширин.

16 января. 4 боевых вылета в район совхоза Булганак.

17 января. 8 боевых вылетов. Погиб от вражеского снаряда лейтенант Михаил Иванов. Это был его последний вылет в качестве стажера.

21 января. 5 боевых вылетов.

22 января. 7 боевых вылетов в район Семь Колодезей.

23 января. 24 боевых вылета в район Керчи в сложных аэродромных условиях (грязь). Ранены Гилев и Пластунов.

24 января. 22 боевых вылета в район Керчь - Багерово в трудных аэродромных условиях (грязь).

28 января. Сбиты в районе Керчи младший лейтенант Владимир Ранев и воздушный стрелок рядовой Василий Желудков. Самолёт упал в городе, вблизи отметки 30,9. "

Возвращаюсь однажды с боевого задания. Прихожу на КП. Все руководство полка в сборе. Докладываю майору Кондраткову о выполнении задания. Майор Провоторов подмигивает мне, пишет боевое донесение. Капитан Лещинер ласково смотрит, улыбается.

- Молодец, хорошо слетал, - говорит командир полка и, не дав вымолвить мне слова, продолжает: - Получено сообщение, Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 февраля 1944 года лётчикам нашего полка Николаю Калинину (посмертно), Ивану Карабуту, Григорию Сивкову присвоено звание Героя Советского Союза. Это первые в полку Герои! Поздравляю тебя, Гриша!

Беру под козырек и произношу:

- Служу Советскому Союзу!

Майор Провоторов, капитан Лещинер пожимают мне руку.

Я, конечно, несказанно обрадован и удивлен. "Коля Калинин совершил подвиг. Иван Карабут - отличный лётчик, с первых дней войны на фронте. А у меня вроде бы не было каких-то особенных, из ряда выходящих случаев... Летал, как и многие летают. Хотя количество боевых вылетов на Ил-2 у меня, правда больше, чем у других ребят... "

А когда мы остались вдвоем с майором Кондратковым, он растроганно сказал:

- Рад за тебя, Гриша! Отцу сообщи обязательно. Порадуй старика. И прошу тебя, будь в воздухе поосторожнее. Не подставляй самолёт под чужие пушки...

Командир дивизии полковник Гетьман 21 февраля вручил мне от имени Президиума Верховного Совета СССР орден Ленина и медаль "Золотая Звезда".

После митинга и положенных в таких случаях выступлений собрались узким кругом у нас на квартире за накрытым столом. Были здесь полковник Гетьман, майоры Кондратков, Провоторов, Капитан Лещинер, Женя Прохоров, Николай Есауленко и, конечно, Катя. На мое приглашение она ответила, что не может прийти, но неожиданно испортилась погода. Когда

доложили майору Бершанской, она разрешила Кате отлучиться на несколько часов из полка.

Ужин прошел быстро. Всех ожидала работа. Полковник Гетьман торопился в штаб дивизии. Коле Есауленко не пришлось растянуть меха баяна.

После ужина проводил я Катю в полк. А наутро полетел на боевое задание. Теперь было у меня больше ответственности: высокая награда - это высокое доверие, его нужно оправдать и, следовательно, воевать нужно как можно лучше.

Фронтные будни полка продолжаются.

Утром 2 марта, как обычно, прибыли на аэродром.

Навстречу бежит инженер полка капитан Бабенко.

- ЧП у нас, - озабоченно сообщает он командиру полка.

- Что такое?

- Среди техсостава потери.

- Как же так?

- Подвесили бомбы, приготовили взрыватели, чтобы ввернуть их в бомбы. А ночью был сильный ветер. Сержант Гайдуков держал в руках взрыватель и не заметил, как ветром скрутило предохранитель-ветрянку взрывателя. От легкого сотрясения взрыватель сработал у него в руках. Погиб Витя. А техники Вершинин и Шувалов получили ранения.

Командир полка тотчас собрал комэсков и техников. Злой каким никогда ещё его не видели.

- В воздухе немцы бьют, - кричит он. - А здесь по своей неосторожности несем потери. Мне чтоб быстро навели порядок! А то выгоню из полка к чертовой бабушке!

Здорово всем досталось от майора Кондраткова и особенно инженеру полка по вооружению Ивану Афанасенко, скромному офицеру, у которого по его оружейной службе всегда было все в порядке.

На Севастополь!

В апреле началось изгнание немецко-фашистских захватчиков из Крыма.

Керчь была разрушена почти до основания. Линия фронта делила город пополам. Город постоянно подвергался бомбежкам, обстреливался из орудий и минометов. На улицах шли танковые бои. С самолёта город казался грудой развалин. Коробки домов, заваленные обломками, стояли без окон и крыш, словно немые свидетели проходивших здесь жестоких и кровопролитных боев.

Обескровленный город фашисты долго не оставляли, упорно и озверело оборонялись. Они стали отходить лишь тогда, когда через Перекоп в Крым вошли войска 4-го Украинского фронта.

Противник отступал в панике. Полк удачно использовал создавшуюся обстановку. Весь день от рассвета до темноты продолжались полёты. Здесь у противника не было ни истребителей, ни зенитных орудий. Штурмовики, конечно, за все отыгрались. Бомбили отступавшие колонны автомашин, уничтожали живую силу врага. Преследовали фашистов вплоть до Феодосии.

11 апреля полк совершил 60 боевых вылетов в район станции Семь Колодезей. Там было много автомашин, повозок, артиллерии и пехоты противника. Все это двигалось в беспорядке на запад.

В этот день произошел трагический случай в полку. Над целью в воздухе столкнулись самолёты штурмана полка майора Панина и лётчика младшего лейтенанта Жданова. Подобные случаи чрезвычайно редки. Тем более, что оба они были хорошими лётчиками. По-видимому, система управления одного из самолётов была повреждена зенитным огнем, и он ударился в самолёт своего товарища.

А на следующий день, когда это район был освобожден от немецко-фашистских войск, представители полка похоронили наших боевых товарищей майора Ивана Ивановича Панова, младшего лейтенанта Виктора Жданова, воздушных стрелков старшину Василия

Пинчука, сержанта Валерия Маслова.

После гибели майора Панина меня назначили штурманом полка. Свою первую эскадрилью я передал Михаилу Ткаченко, опытному и отважному лётчику.

Вскоре в полк пришла радостная весть: Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 20 апреля 1944 года Николаю Антоновичу Зубу (посмертно), Михаилу Ткаченко, Анатолию Синькову присвоено звание Героя Советского Союза.

1 мая 1944 года наша 230-я штурмовая авиационная дивизия награждена орденом Красного Знамени.

Полк перебазировался под Симферополь. Начались боевые полёты в район Севастополя.

Немецко-фашистское командование стремилось удержать как можно дольше оборонительный рубеж а районе Севастополя, чтобы эвакуировать морем свои войска в Румынию. Подступы к городу были сильно укреплены инженерными сооружениями из металла, земли и бетона.

Полк получил задание оказать поддержку с воздуха наземным частям Красной Армии которые вели напряженные бои.

Сначала мы летали на Северную сторону города. По дороге к цели и по высоткам у самой бухты было много зенитных батарей. Нередко здесь появлялись истребители противника.

В боях под Севастополем отлично показал себя младший лейтенант Измаил Алев. А воздушный стрелок Сергей Тимошенко один со своими пулемётом УБТ отбил атаки шести "фокке-вульфов", имевших по четыре пушки каждый. И особенно, помню, отличился Михаил Ткаченко. Был он хорошим лётчиком, водил группы. Перед штурмом Севастополя к нему попала газета, в которой он случайно обнаружил фотографию своего брата - узника фашистского концлагеря в полосатой одежде и под номером. Это был младший брат Михаила, которого он очень любил.

И после этого случая Михаил Ткаченко летал каждый день по несколько раз на задания, пренебрегая всякой осторожностью, лез в любой огонь, ни с чем не считаясь. Михаил и так был полной противоположностью Ивану Карабуту, который привык все делать по расчёту, точно, без потерь и излишнего шума. А тут Михаил словно осатонел, норовил в самую гущу огня, бил из пушек поливал позиции врага из пулемётов косил, точно косой, зазевавшихся вражеских солдат.

Полк под Севастополем нес большие потери в летном составе и материальной части.

7 мая совершено 33 боевых вылета. В этот день не вернулись на свой аэродром 6 экипажей в том числе не прилетел и Михаил. Он на следующий день пришел в полк пешком. Самолёт его подожгли вражеские зенитчики, а он выпрыгнул с парашютом и спасся.

8 мая в бою мы потеряли ещё два экипажа.

После нескольких боевых вылетов на Мекензиевы горы начался штурм Сапун-горы нашими наземными войсками. Здесь слились в мощный кулак Отдельная Приморская армия, гнавшая немцев с востока, и 4-й Украинский фронт, преследовавший противника с севера. Сюда была стянута авиация двух фронтов. Воздушные армии были объединены. Работа авиации под Севастополем была очень четко организована.

- Все расписано, как по нотам! - восхищался майор Кондратков. - кому, когда, сколько быть над целью.

Действительно, все было рассчитано по минутам. Интервалы между группами сохранялись незначительные. Мы отштурмовались, уходим и видим, как нам на смену идут новые группы Илов на штурм Сапун-горы.

Штурмовиков постоянно и неотступно прикрывали истребители. Нас часто прикрывал со своими ребятами наш бывший однополчанин и друг, замечательный лётчик-истребитель Паша Хлопин. Как сейчас помню, летим мы, он подойдет близко, пристроится к группе, сделает бочку, покрутится немного возле нас и уходит к своим где ему положено быть в боевом порядке.

Управление нашими войсками под Севастополем насколько я могу судить с учетом мнения и своих однополчан, было чрезвычайно четким и эффективным.

9 мая сводил я свою восьмерку в последний раз на Севастополь. Нам был приказ подавлять огневые точки противника в районе Шестая верста - высота 179,0 и на окраине города.

В этот же день наземные войска двух фронтов взяли Севастополь.

Последние остатки фашистов ещё сопротивлялись на мысе Херсонес но они вскоре были сброшены в море. Полк бил по отходящим кораблям противника.

За ратный подвиг, проявленный при взятии Севастополя, 210-му штурмовому авиационному полку было присвоено наименование Севастопольский.

В это время командир дивизии полковник Гетьман вызывает начальника парашютно-десантной службы капитана Гуржия и меня. Предлагает пойти на учебу в академию.

Тима просит:

- Не посылайте меня. Откомандируйте лучше в разведывательный полк. В этом деле у меня есть некоторый опыт.

- Да, молодым нужен ваш опыт, - говорит командир дивизии. - Опытные лётчики нам нужны, чтобы обучать боевому искусству молодых. Это верно... А что вы скажете? - обращается он ко мне.

- В академию буду проситься после войны. А пока прошу оставить в полку.

Командир дивизии дружелюбно улыбнулся и сказал:

- Кадры всегда нужно готовить. Хоть и война подходит к концу. А поступаете вы, хлопцы мои, правильно. Другого ответа, по совести говоря, я и не ожидал от вас... Летайте!

В резерве Главного Командования

После освобождения Севастополя полк временно "остался без работы".

- Приказано сдать самолёты другому нашему полку, - сообщил майор Кондратков командирам эскадрилий. - Сами поедем в Кировоград. Там на базе нашего полка и ещё двух полков легких бомбардировщиков будет формироваться новая штурмовая дивизия.

Погрузились мы в товарный состав и поехали к новому месту назначения. Миновали Джанкой, Сиваш, едем на Мелитополь.

Вблизи поезда на малой высоте пролетает группа самолётов ПО-2. Невольно наблюдаю за ними. А Женя Прохоров уже кричит:

- Смотри, косая полоса на киле!

Это опознавательный знак самолётов женского полка. Я уже знаю, что девчата после освобождения Крыма перелетают на 2-й Белорусский фронт. Где они будут садиться? Смотрю на карту. Впереди Мелитополь. Курс девушек явно туда.

Дело к вечеру. Похоже они сядут на местном аэродроме. А где он, далеко от станции? Сколько времени простоят наш эшелон? Ничего неизвестно...

Вот и Мелитополь.

Вместе с Жорой Пановым навели справку у военного коменданта. Аэродром оказался неподалеку от станции, минутах в тридцати ходьбы. Машинист сказал, что состав простоят часа три-четыре, пока будет смена паровозной бригады.

Наступали южные синие сумерки. Чистое, уставшее от воздушных боев и разрывов зенитных снарядов небо было усеяно крупными звездами. И обстановка совсем не боевая.

Аэродром разыскали быстро. Стоят действительно самолёты женского полка.

- А девчата где разместились? - спрашиваем у дежурной, курносой полной девушки.

- Вот здесь, - она указала на белые домики, разбросанные рядом с аэродромом.

Подошли к одному из домиков, постучали в крайнее окошко.

- Где четвертая эскадрилья?

- Рядом с нами, - ответила заспанная физиономия, высунувшись в окно. - А вам кого?

- Катю Рябову.

- Там она.

Заходим в соседний домик. Темно. Свечу фонариком. На кроватях отдыхают девушки. Вскрикивает Катина подруга Руфа Гашева.

- Ай! - удивленно восклицает она и, узнав меня, будит Катю.

Все девушки повскакивали, конечно. Начались расспросы.

- Откуда взялись?

- С неба...

- Как узнали, что мы здесь?

- На то мы и разведчики...

- Небесные разведчики, - смеясь уточняет Жора, - штурмовики.

Для девушек наш приход был большой неожиданностью.

- Сейчас согреем чаю, - захопотали они.

- Некогда, нам пора. В другой раз.

Рассказал Кате, куда перебазировемся. Попрощались мы с девчатами, двинулись в обратный путь.

Катя пошла проводить меня до эшелона. Вблизи нашего состава ветвистый тополь. Мы стоим под его кудрявой кроной. Листья грустно шепчутся. Когда нам удастся снова встретиться? . .

Два часа пролетели как одна минута. Бригада машинистов сменилась. Паровоз стоит под парами. Команда: "По вагонам!" Прощальный гудок...

Быстро вскакиваю в свой вагон.

Как тут? - Полный порядок, майор тебя не спрашивал. - смеется Женя Прохоров.

- Садись поужинай, - прозаически говорит Николай Есауленко. - Там в котелке каша. Ещё теплая.

Ехали до Кировограда всего лишь около суток. Эшелон наш летел, как на крыльях. Железнодорожники в освобожденных районах осваивались тогда уверенно и быстро.

Сразу после прибытия в Кировоград майор Кондратков собрал командный состав полка.

- Едем в Куйбышев за самолётами, - сообщил он.

Мне предстояло получить карты на весь маршрут изучить трассу предстоявшего перелета.

Все разошлись выполнять задание. Мы с майором Кондратковым остались вдвоем.

- Работы предстоит невпроворот, - сказал командир полка. - Самолёты перегнать своим ходом из Куйбышева, во-первых, и, во-вторых, это более сложная задача: обучить лётчиков двух других полков полётам на Илах. - Он на минуту сосредоточено задумался, а потом продолжил: - Проконтролируй лётный состав. Особо проверь, как пилоты умеют настраивать радиополукомпас.

- Есть, будет выполнено!

Возвратились мы в этот раз из Куйбышева очень быстро. Не успели даже толком побывать в городе. Все самолёты перегнали к месту нового назначения.

- Как самочувствие? - спрашивает майор Кондратков.

- Все в порядке, никаких происшествий.

- Хорошо. Теперь, пока затишье, перегоним самолёты для двух других полков дивизии и возьмемся за обучение летного состава.

- Может, пока передышка, можно домой слетать?

- Это идея. Пиши рапорт. Сегодня же передам командиру дивизии. Проси десять суток.

Отпускаю. Порадуй стариков.

Пришел на квартиру, поделился с друзьями приятной новостью.

Женя Прохоров воскликнул:

- Я всегда говорил, майор человек широкой натуры!

- Ему бы дивизию, - сказал Николай Есауленко.

А тебя к нему замом по летной подготовке - смеется Женя. - Это можно, парировал

Николай. - Но я не об этом. Майор о людях душой болеет. Вот я о чем.

- После Николая Антоновича он самый сильный командир полка. А летает как! - с восхищением сказал Женя. - А ты куда полетишь? - обратился он ко мне.

- К тятю, на Урал.

- Все правильно! - усмехнулся Женя. - Ты на Урал, а к Кате какой-нибудь Дон-Жуан пришвартуется тем временем. И порядок на флоте!

Николай процитировал строку Маяковского:

- Их и сегодня много ходит, - всяческих охотников до наших жен...

- Да ну вас, ребята...

Шутки шутками, а разбередили друзья душу.

За десять суток в два места не управишься. И решил лететь на 2-й Белорусский фронт, к Кате.

- Правильно, - поддержал мое решение Женя. - Николай Антонович поступил бы, по моему, точно так же.

- Да и отец не обидится, - сказал Николай. - Сам когда-то небось тоже в женихах ходил...

Вылетели мы с Жорой Скрипкиным на Москву. Я - в отпуск, он - в командировку.

- Когда самолёт на Могилев? - спрашиваем у дежурного по аэродрому.

- Не будет сутки самолёта в Могилев. Летите в Гомель, а там рукой подать. Доберетесь как-нибудь.

Сели мы в самолёт, следовавший по маршруту Гомель- Бобруйск. А когда приземлились в Гомеле, то поняли, что совершили ошибку. Оказывается, в Могилев самолёта нет. Между фронтами самолёты летают редко.

- Лучше было подождать в Москве, - обескураженно сказал мой попутчик. - А то вот сиди здесь, жди у Гомеля погоды.

Думали, думали, порешили добираться до Могилева на машине. Вышли на шоссе. Девушка-регулировщица усадила нас на попутный грузовик.

Кое-как добрались до Могилева. Жора остался по своим делам в дивизии. Мне ещё надо добраться до женского полка. Это где-то под Минском. Транспорта никакого нет. А прошло уже три дня отпуска.

- Обратитесь к начальнику политотдела воздушной армии генералу Верову, советует мне лейтенант, дежурный по аэродрому. - Он мужик хороший, поймет. Решил рискнуть. Разыскал генерала, доложил, как положено, представился, конечно.

- Еду к своей подруге в женский полк. Дали десять суток отпуска.

Посмотрел генерал документы. С улыбкой по-отцовски сказал:

- Это хорошо. Война - войной, а любовь - любовью.

Снял трубку, позвонил диспетчеру:

- Подготовьте мой самолёт! Да, в Минск, - и уже мне: - Утром полетите. Желая счастья.

- Спасибо, товарищ генерал.

Утром следующего дня самолёт доставил меня на аэродром женского полка.

Ласково припекает июльское раннее солнце. Сочно зеленеет молодая трава. Кругом деревья в зеленом уборе. Тишина. Словно нет войны... Стоят самолёты. А под крыльями спят девушки. Они знают, что одни, не стесняются спать себе...

Иду меж самолётов, ищу Катю. Издали заметил клетчатое одеяло Марины Чечневой, командира четвертой эскадрильи, а Катя была у неё штурманом. Ну, думаю, значит, и она где-то поблизости. Подошел, потормошил за нос Марину. Она открыла глаза и опять заснула. Тормошу её, встала она.

- Ты мне во сне снишься?

- Нет, наяву...

- Откуда?

- С неба... Где Катя?

- Пошла на речку.

Спустился к реке. Катя полоскала белье. Это было в угодьях колхоза "Рассвет".

- На рассвете пролетел и ко мне в "Рассвет". - обрадованно пошутила Катя. Пойдем купаться. Вода как парное молоко. Знаешь, а за рекой неподалеку немцы...

Искупались, потом позавтракали вместе с девочками.

- В девятнадцать ноль-ноль, - говорит Катя, - мы перелетаем на новую точку.

Посмотрел я грустно на свои часы "Павел Буре". Они с неумолимой точностью отсчитывали оставшееся время нашего свидания.

Остаток дня провели мы вместе у Катиного самолёта.

- Вот скоро кончится война, - говорила Катя мечтательно, - и вернусь я в свой университет доучиваться... А ты?

- Обязательно поступлю в академию.

- Только будь, пожалуйста, хоть теперь поосторожнее, не лезь на рожон...

- И ты береги себя...

- Обязательно.

Тихим безоблачным вечером проводил до самолёта Катю. Улетела она со своими подругами. Добрался кое-как до Могилева и оттуда полетел в Москву. У меня осталось ещё пять суток отпуска.

В Москве разыскал Катиных родных. Жили они в Сокольниках. Захожу под вечер во двор. Сидят у крыльца на скамейке женщины. За забором серебрится аэростат воздушного ограждения. На столбе висит большой серый колокольчик-репродуктор, под ним на доске багор, лопата и ведра.

Москва в то время уже не подвергалась налетам врага. Их наши истребители встречали на дальних подступах и не допускали к столице. Но война ещё не окончена. Войска противовоздушной обороны и жители постоянно должны быть настороже.

Спрашиваю у женщин:

- Кто из вас будет тетя Паша?

- Я, - робко отвечает пожилая седая женщина.

- От Кати... Утром улетаю в Пермь.

- Ой! - спохватилась она. - Пойдемте в комнату. Чего же мы здесь стоим?

По-домашнему уютно и оживленно, прошел этот вечер в гостеприимной столице. А наутро я улетел в Пермь.

Самолёт приземлился в Перми на бывшем аэроклубовском аэродроме, где нас в юности учили летать. Здесь стояло много пассажирских самолётов. В стороне от летного поля, на месте маленького домика, высилось теперь большое здание аэропорта. Сильно преобразился за это время войны далекий фронтовой город. Широко и мерно дышал он богатырской грудью уральского мастерового, крепко помогал фронту ковать победу над заклятым врагом.

В Перми появился как снег среди ясного лета. Старшие братья - Александр и Иван, сестры Клавдия и Лидия работали на заводах в Мотовилихе и в Перми. Побывал у них в гостях.

Братья сходили к директору завода. Попросили по такому случаю автобус, чтобы всем съездить в деревню. И вот мы всей семьей нагрянули в родную деревню. Волнующая встреча с родителями.

Мама, увидев меня заплакала. Тятя умиленными глазами смотрел на Золотую Звезду и хлопал меня по плечу. А его закадычный друг Константин Яковлевич Полежаев сказал:

- Я всегда говорил: быть ему генералом...

Тятя рассказал о деревенских новостях, дал почитать письмо от брата Евгения с фронта.

- А Виталик-то, братец твой, чуть было не погиб на тракторе, - сообщил подошедший бригадир. - Совсем малец ещё, а уже тракторист. Работал сутками, не слезая с трактора, на подмогу вам... Ну, и заснул было за рулем. Слава богу. Отделался шишкой на лбу...

Погостил два дня у родных и на трофейном Ю-52 полетел напрямую до Куйбышева. В

начале пути сразу уснул, а когда проснулся, вижу, как второй пилот ручным насосом перекачивает бензин из одного бака в другой.

- Что случилось?

- Та ничего. Отказал один мотор. И бензобак течет. Вот и перекачиваю в другой.

Под Куйбышевым шли в облаках. Погода испортилась. Компас, очевидно, был в неисправности. Вышли значительно южнее. По Волге-матушке добрались до аэродрома.

В Куйбышев прилетел на десятый день отпуска. Разыскал своих однополчан. И вместе с лётчиками, перегонявшими третью партию самолётов, прибыл к месту базирования полка.

Пока летал в отпуск, союзники открыли второй фронт.

- Давно пора, господа капиталисты! - сказал Женя Прохоров. - А то так и к концу можно опоздать...

- Господа эти - люди ушлые, - заметил Николай Есауленко. - Тут как тут... Привыкли каштаны таскать из огня чужими руками...

- Как ни говорите, а все же помощь, - включился в разговор капитан Лещинер. - Теперь немец будет оглядываться и назад.

Полк получил приказ перебазироваться ближе к фронту, под Одессу.

Операция под Яссами и Кишинёвом

После тяжелых боев на Кубани и в Крыму полк заметно помолодел. В июне к нам на пополнение прибыла большая группа лётчиков - младших лейтенантов и воздушных стрелков - сержантов. Лётчики: Митрохович, Чемеркин, Иванов, Троицкий, Леонов, Воронин, Трифонов, Патрин и другие, всего 24 человека.

Все они получили довольно хорошую летную подготовку. С ними мы успешно перегнали самолёты из Куйбышева для всей дивизии. Но боевого опыта у них не было совсем. Поэтому надо было это необстрелянное молодое пополнение подготовить к предстоящим боям.

Начались напряженные дни тренировочных полётов. Целый месяц - полёты строим, по маршруту, на полигон. Командиры эскадрилий Михаил Ткаченко, Николай Есауленко, Евгений Прохоров, их заместители Семен Марков, Николай Мельников, Иван Максимов целыми днями находились в воздухе, водили группы новичков. Майор Галичев, новый заместитель командира полка Андрунин и я по очереди сидели на полигоне, руководили стрельбой и бомбометанием. Нам очень хотелось, чтобы молодые лётчики не погибали в первых же вылетах, как это часто случалось раньше. Мы стремились сделать все, что только могли: передавали им фронтовой опыт и в тренировочных полётах, и на занятиях, и в обычных беседах.

И вот наступил день начала новой операции. Линия фронта шла по реке Днестр. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов во второй половине августа 1944 года начали крупное наступление под Яссами и Кишинёвом. В этот период под ударами Красной Армии враг отступал почти на всем советско-германском фронте.

Яско-Кишиневская операция была разработана командованием в мельчайших деталях. Нашему штурмовому авиационному полку было приказано ударить в назначенное время по заранее намеченным целям.

Фашисты отчаянно сопротивлялись. Но мощные удары нашей пехоты при поддержке танков, артиллерии и авиации сделали свое дело. В тесном взаимодействии и в едином порыве всех родов войск была пробита брешь во вражеской обороне. Впервые мне удалось увидеть с воздуха развитие атаки пехоты и танков. Внизу в синей дымке стальные машины утюжат огневые точки, окопы, артиллерию противника. И вот вражеская оборона прорвана, танковые соединения вошли в прорыв. На большой скорости по ровному полю мчатся боевые машины. Их очень много. Противник в панике бежит, бросая технику. Сопротивления почти никакого. Танкисты рвутся вперед.

Помогаем им с воздуха. Заместитель командира дивизии полковник Самохин сидит в

танке и по радио держит связь с экипажами, штурмующими вражеские позиции.

Операция в районе Яссы - Кишинев была стремительной. Наши войска завершили свой сокрушительный удар окружением большого числа немецко-фашистских дивизий под Кишиневом. Танковые и механизированные части, продолжая преследовать врага, ворвались на территорию вражеской Румынии.

Это было знаменательное событие. Наконец-то мы начали вышвыривать за пределы нашей Родины ненавистного врага, очищать от него всю территорию страны до государственной границы. И было очень приятно и радостно, что наш, 3-й Украинский фронт, вышел на государственную границу!

Капитан Носов, новый заместитель командира полка по политчасти (назначен после тяжелого ранения майора Куца и пришел в полк перед началом Севастопольской операции), собрал короткий митинг. Мы поклялись разгромить в кратчайшие сроки фашистского зверя в его логове, как призывал нас Верховный Главнокомандующий.

После митинга майор Кондратков вызвал меня на КП.

- Немцы спешно отступают, - радостно говорит он. - Приказано бить по окруженным группировкам врага. Немцы по разведанным вот здесь, - майор указывает на карте. - Найти и ударить по ним! Поведете две пятерки.

- Есть!

Поднялись в воздух. Вышли в заданный район. Вижу по дороге движется огромной колонна мотопехоты и автомашин. На самолёты никто не обращает внимания. " Надо уточнить, - вихрем пронесется в голове, - может, это наши... " Снижаюсь до бреющего полёта. Большие пальцы обеих рук нервно застыли на гашетках пушек и пулемётов. Ведомые, готовые к атаке, следуют за мной. Вглядываюсь. Лоб покрывается холодным потом. Внизу колонна наших войск.

Качаю крыльями. Кричу по радио:

- Не бомбить ! Это наша колонна. Не стрелять! Это наши...

Делаем крутой разворот и возвращаемся на свой аэродром.

Едва сдерживая волнение, докладываю командиру полка. Он тут же собирает командиров эскадрилий.

- Фронт движется быстро. Обстановка меняется ежечасно. Будьте очень внимательно, а то можно в спешке можно и своих пострелять...

Вот что говорят скупые строки полковых записей.

"20 августа 1944 года. 86 боевых вылетов на поддержку наших атакующих войск при прорыве обороны противника.

21 августа. 88 боевых вылетов. Не вернулись с задания лётчик Львов и воздушный стрелок Ерохин.

22 августа. 61 боевой вылет.

24 августа. Войска 3-го Украинского фронта освободили город Кишинев. 33 боевых вылета. Сбит экипаж Краснова. Самолёт Воронина подбит.

25 августа. Полк делает последний боевой вылет в район южнее Кишинева. Бронетанковые войска гонят немца, развивают наступление".

31 августа мы перелетели на аэродром Тараклия, это уже в Молдавии, но и оттуда не можем достать противника, настолько стремительно рвутся вперед наши танкисты. Да, они просто молодцы!

Яско-Кишиневская операция закончилась. Доблестные войска 2-го и 3-го Украинских фронтов полностью освободили от фашистской нечисти Молдавскую Советскую Сициалистическую Республику и вывели из строя союзницу Германии Румынию, которая объявила войну Германии.

Вскоре (7 сентября) мы перебазировались на аэродром Сечеляну, расположенный на территории Румынии. Впервые мы приземлились на бывшей вражеской, а теперь уже союзной, но все же чужой территории.

За пределами Родины

- Товарищи, мы уже на чужой земле! - широко улыбается капитан Лещинер. Пришел, наконец, и на нашу улицу праздник!

Личный состав полка переживает радостные, волнующие минуты.

Погода стоит, как по заказу, великолепная. По-южному сухая и грустная осень. Аэродром расположен рядом с конным заводом, на окраине небольшого города. С местным населением мне не приходилось общаться. А техник-лейтенант Григорьев рассказывал: "Иду по дороге к городу. Хочется посмотреть, какая она, заграница... Едет коляска. В ней двое. Один совсем мальчик, а другой, пожилой с погонами, похожими на нашего старшину. Остановился, спрашиваю: "Куда, старшина, едете?" Пожилой молчит, а молодой, видно, немного понимает по-русски, отвечает: "В город. Это полковник", и указывает на пожилого.

Добрался с ними до пригородной деревни. Домишки ветхие, нищета одна вокруг. Зашел в магазин. Продавец засуетился. А на полках шаром покати пусто. Одни эрзац сигареты. Купил пачку. Сам не курю, ребятам показать. Курить эту дрянь кто же будет?"

В Румынии пробыли всего несколько дней. На задания не летали. Полк опять отстал от наземных войск, которые уже оканчивали освобождение Болгарии. Перелетели на болгарский аэродром Цибр-варош, на берегу Дуная, восточнее города Лом.

Аэродром расположен в живописном месте, между деревней и рекой, на сочно-зеленом, словно бархатный ковер, заливном лугу.

Сели, зарулили на стоянку. Встречает радостно шумная по-праздничному одетая толпа людей. Маленькая девочка с огромным букетом цветов бросается в объятия Николая Есауленко. Он бережно передает букет своему воздушному стрелку а сам раздает обступившим ребятишкам не знаю откуда взявшийся у него трофейный шоколад.

Жители деревни зовут в гости. Ребята вежливо отказываются, мол, некогда. Но те все равно не отходят от самолётов до самого вечера.

Вечером идём в сопровождении болгарских друзей по селу. Дома все увешаны красным перцем и увиты лозой винограда.

Проходим мимо дома с вывеской. Читаю: "Крчма". Русские родные буквы. Болгары без умолку разговаривают. Их язык нам близок и понятен без переводчика.

Вокруг веселый говор, смех. На душе становится радостнее, теплее.

Женя Прохоров смеется:

- Болгарский понимаю хорошо. Даже книжки по догадке могу читать...

Угощали нас как дорогих и званых гостей, замечательным добрым вином, вкусным душистым виноградом и, конечно, красным болгарским перцем. Словом приносили каждый, кто что мог. Правда, когда мы познакомились с селом ближе, то нетрудно было заметить, как все же бедно жил трудолюбивый болгарский крестьянин. Гитлеровцы постарались выжать все, что только сумели.

С наступлением мягких прозрачных дунайских сумерек гостеприимные жители вышли на праздничный вечер. Николай Есауленко растянул меха баяна. Он хотя стал уже командиром эскадрильи, но по-прежнему исправно исполнял в торжественных случаях обязанности полкового баяниста.

Танцы, песни. Песни и снова танцы! И так допоздна...

- Вот она, родная славянская кровь! - с улыбкой говорит майор Кондратков, глядя, как его боевые ребята кружатся в вихре танца с болгарскими девушками, приодевшимися ради праздника в свои яркие национальные костюмы.

- А до чего ж хорошо, братцы, вино! - восхищается майор Провоторов. - В жизни не пивал такого...

- Мне по душе больше табак, - попыхивает трубкой капитан Лещинер. Ароматен, душист и чертовски крепок...

Ночью, пока лётный состав праздновал и отдыхал, техники и оружейники готовили самолёты к боевому вылету. Старший техник эскадрильи по вооружению Сергей Малютенко

вместе с механиком Сергеем Годованюком проверили подготовку вооружения самолётов. Оказалось, что к стокилограммовым бомбам нет взрывателей.

Спросили у своих коллег в соседних эскадрильях. У них самих взрывателей тютелька в тютельку. Основной эшелон с боеприпасами прибудет лишь через сутки. Что делать?

- Тезка, ты побудь около машин, - говорит Малютенко своему товарищу Годованюку. - А я мигом слетаю к болгарским техникам. Может у них разживусь.

Вскоре он возвратился с болгарскими взрывателями. Тут же Малютенко инструктирует своих помощников, как приспособить взрыватели к бомбам. Благодаря находчивости и смекалке Сергея Малютенко самолёты эскадрильи наутро были готовы к бою.

За пределами Родины преобразились и девушки полка: Валя Максимова, Тося Самохина, Лиза Шашева, Саша Музюкова и другие. То ли они сознавали что мы были на чужой земле, то ли комсорг полка Иосиф Цукерман их так настроил, то ли просто женское чутье им подсказало, уж не знаю что, только они, выполняя отлично свои служебные обязанности оружейниц, всегда в образцовом порядке держали по-прежнему самолёты и ещё находили время, чтобы погладить ребятам одежду, постирать белье и подворотнички. Девчата полка, не сговариваясь постоянно следили за внешним видом и опрятностью своих экипажей.

А Валу Максимова командование полка послало с пакетом в штаб дивизии. И девушка шла, перебарывая страх, несколько километров лесом, где только что прошел бой и ещё лежали не убранные трупы. Она доставила пакет в назначенный срок и была отмечена благодарностью командования дивизии.

Полк сделал 45 боевых вылетов с этого болгарского аэродрома. Летали мало. Наши наземный войска настолько стремительно продвигались вперед, ломая сопротивление противника, что мы едва успевали за танками и пехотой.

Адъютант 3-й эскадрильи старший лейтенант Борис Тропкин рассказывает:

"В ходе быстрого продвижения наших войск на запад нам приходилось часто менять аэродромы. Перелеты зачастую происходили попутно с выполнением боевой задачи и посадкой уже на новом месте базирования. Тут требовалась исключительно слаженная и четкая работа технического состава полка. Обычно на новый аэродром "выбрасывалась" передовая команда: офицер штаба или адъютант одной из эскадрилий и шесть-десять техников. Возглавлять такую команду нередко поручалось и мне. Мы обеспечивали прием самолётов, вернувшихся с боевого задания, и подготовку их к возможному повторному вылету. А потом уже прибывал и основной состав полка.

Перебазирование во фронтовых условиях обычно требовало от всех служб полка большой организованности и собранности. Все перебазировки мы совершали успешно. Нытиков среди нас не было. И лётчики, и техники, и мотористы, и оружейники проявляли максимум самодисциплины и старания, чтобы справиться с поставленной задачей. Были случаи, когда младшие специалисты Михаил Сорокин, Степанида Сальникова, Прасковья Загузова и другие, проявляя находчивость и смелость, добровольно вызывались на перелет в бомбоотсеках или на выпущенных и зафиксированных от складывания подкосах шасси и в других местах самолёта.

В третьей эскадрилье в состав передовой команды, как правило, назначались техники звеньев Фёдор Нестеров, Сергей Попов, механики самолётов Константин Тарасенко, Семен Сеницын, Сергей Яковлев, Радек Жилин, оружейники Дмитрий Янченко, Сергей Шило, Иван Афонин.

Службу вооружения в полку возглавлял Иван Никифорович Афанасенко. Опытный специалист, исполнительный офицер, чуткий и внимательный к своим подчиненным, он многое сделал, заботясь о воспитании кадров - специалистов по вооружению. Со своей службой, укомплектованной преимущественно девчатами, он всегда за удивительно короткие сроки успевал снаряжать к бою самолёты и показывал личный пример в работе. "

Перебазируемся на новый аэродром Видбол.

Наступил октябрь. Началась беспокойная пора осенних дождей. На задания летали

мало из-за плохой погоды. Аэродром на низком берегу Дуная. Вода в реке поднялась. Заливает летное поле. Приказано перебазироваться. Взлетаем, а вода свищет из-под колес. Воздушные стрелки вместе с техническим составом едут по железной дороге.

- Прощай, гостеприимная страна Болгария!

Мы на пороге Югославии.

Приземляемся на аэродроме в Белграде. А остальная часть полка следует за нами поездом. Иван Григорьев рассказывал:

"Ночью на катере переправились через реку Мораву. Днем было опасно. Прибыли в предместье Белграда днем. Вошли в освобожденный накануне Белград. Югославские партизаны, спустившиеся с гор, пригласили к себе ночевать.

Входим в большой просторный зал одного из уцелевших от бомбежек домов. На полу спят вповалку народные мстители. Тихо, чтобы не потревожить, ложимся рядом. А рано поутру выходим в город.

На улицах ни души, одни патрули. Горят зажженные восковые свечи, которыми благодарные жители Белграда чтят своих освободителей. "

Полк имел официальную встречу с югославскими лётчиками. Ведем дружеский разговор, поем песни.

Нам всем очень по душе песня "Ночь над Белградом", которую проникновенно пел Николай Есауленко под вечный свой спутник - баян. Песня сильно понравилась югославам. Правда, нас несколько удивило, что они её слышали впервые...

- Добрая песня, - говорит югославский лётчик, виски которого обильно тронуты сединой. - Крепка, как водка, слезу вышибает...

В Белграде был у нас смешной случай.

Среди бела дня показался над аэродромом самолёт. Двухфюзеляжный, идёт метрах в четырехстах от земли. Оознавательный знак сбоку, на фюзеляже, какой-то неизвестный, похожий на немецкий крест.

- Рама!

- Знаки не наши!

- Чужой!

Кричим воздушным стрелкам:

- Бейте, пока не улетел!

Бежим к своим штурмовикам. А самолёт тем временем делает круг над аэродромом, выпускает шасси и идёт на посадку. Подруливает. На фюзеляже белая звезда и по бокам две белые полосы. Догадываемся: самолёт американский.

Лётчики спрыгнули на землю. Окружили мы их. Стоим молча. Они, видимо, перепугались, тоже не говорят ни слова.

Вспомнил кто-то из ребят, что Фима Фишелевич знает английский. Кричат ему:

- Фима, подойди, скажи что-нибудь союзникам!

Он выскочил откуда-то из-под самолёта, на секунду задумался и вдруг скороговоркой выпалил американцам: Ду ю спик инглиш³?

Все вокруг дружно и весело расхохотались. А Фима стоит розовый от смущения. Ни слова ни по-английски, ни по-русски, словно язык отнялся. Позже выяснилось, что американский самолёт заблудился и попал к нам случайно.

Накормили, напоили экипаж союзников и отправили восвояси. Наблюдение за воздухом усилили. Постоянно стали летать истребители.

С Белградского аэродрома летали на задание лишь один раз, на разведку с фотографированием. Перелетели потом в Венгрию, на аэродром близ города Сегед. Здесь уже были наши истребители.

Неожиданно налетели вражеские самолёты. Истребители спешно поднялись в воздух.

---

³ Ду ю спик инглиш? (англ.) - "Говорите ли вы по-английски?"

Отогнали противника. Сбили один "мессер". Иван Григорьев ранен, отправлен в госпиталь. Но через неделю вернулся с палочкой в строй.

В Венгрии население встречало нас хорошо. В глазах венгров отнюдь не было неприветливости и холода. Скорее наоборот, их лица светились благожелательностью и любопытством. Наши шустрые ребята, воздушные стрелки и мотористы, довольно быстро освоились, и, несмотря на совершенно непонятный венгерский язык, оживленно беседовали с венграми. Десяток-два слов выучить не так уж сложно. Добавьте к ним выразительные жесты - и общение налажено, если только этого хотят обе стороны.

На аэродроме стоят два полка: истребительный и штурмовой. Друг другу помогают, чем только могут, и делом и советом. Словом живут как две советские семьи, попавшие за границу.

По одну сторону взлетной полосы стоят истребители, по другую - штурмовики.

Майор Кондратов собрал накоротке технический состав, приказал:

- Чтобы было все в ажуре! Не у себя дома. Ясно?

Всем, конечно, и без приказа все понятно. Ребята и девочки круглые сутки почти без отдыха у самолётов. Держат машины в боевой готовности.

Как-то утором в нелетную погоду техники опробовали двигатели и проверяли готовность своих самолётов. Все в порядке. И вдруг видят : разворачивается с противоположной стороны взлетной полосы истребитель и идёт как-то непонятно, кругами. А за ним бегают техники соседнего полка. Техник нашей эскадрильи Николай Ступин сразу сообразил, что дело неладно вспрыгнул на крыло истребителя, добрался до кабины и остановил самолёт.

Потом выяснилось что техник соседнего полка готовил самолёт к запуску. Поблизости никого не было, чтобы открыть воздух из баллона. Вылез из кабины, открыл кран баллона со сжатым воздухом, и мотор сразу запустился. Самолёт рванулся, перескочил через колодки, оторвал трубопровод и пошёл куролесить по взлетной полосе. Хорошо, что Николай Ступин подоспел. Объявил ему командир полка благодарность.

Жили мы тогда в доме бывшего хозяина ресторана. Занимали в большом, красивом доме комнату на втором этаже. Старинная резная мебель, ковры.

- Неплохо разместились! - шутит Женя Прохоров, развалившись на мягком диване. - Если ещё бы свет, тогда как в лучших домах Лондона...

Электрического освещения во всем квартале не было. С наступлением темноты ребята в первый день ходили по пустому дому, словно приведения.

- Что электростанции нет, что ли? - спрашивает наутро Женя у хозяина соседнего дома.

- Есть. Но проводка нарушена. А кабеля нет.

- Кабеля в Земуне навалом, - вспомнил Николай Есауленко. - Вот бы моточка два сюда.

Когда полк стоял в Белграде, то рядом с домом, где мы квартировали была гряда трофейного кабеля.

Мне как раз подвернулась командировка в Белград. Николай напоминает:

- Не забудь кабель прихватить.

Кабеля там уже не оказалось. Привез четыре мотка осветительного шнура. У знакомых ребят на аэродроме разжился.

Занялись в свободный вечер монтерской работой. Пригодились навыки, приобретенные в Перми, когда, будучи учащимся техникума, подрабатывали у владельцев частных домов. Был теперь у нас электрический свет. А остаток шнура Женя раздал венгерским жителям.

... Войска 3-го Украинского фронта, которыми командовал генерал Толбухин, продолжая стремительное наступление, в конце 1944 года вышли на реку Дунай южнее Будапешта и заняли в районе озера Балатон и города Сексфехервар важный плацдарм.

Немцы, готовя мощный контрудар, стянули на этот участок фронта значительные силы танков, мотопехоты и авиации. Противнику удалось вклиниться в нашу оборону и с боями прорваться к Дунаю.

Несколько раз в неблагоприятную погоду вылетаем на помощь обороняющимся

наземным войскам.

Обстановка исключительно тревожная и сложная. Летный состав почти не отдыхает. Техники не спят совсем: днюют и ночуют у самолётов. Самолёты всегда в полной боевой готовности.

Приехал на КП полка инженер по вооружению корпуса генерал (фамилии его сейчас уже не помню). Майор Кондратков вызвал техников Малютенко и Годованюка. Генерал им говорит:

- Полетите со мной. Есть одно задание...

Полетели они, а когда возвратились, Сергей Малютенко рассказывал:

- Наши лётчики сбили "фокке-вульфа" последнего выпуска. Упал он на нейтральной полосе. На нем новая короткоствольная пушка. Вот мы вместе с генералом должны были снять эту пушку.

Рано утречком за туманом подползли мы к этому самолёту. Враги нас не заметили. Разобрали пушку и установку по винтику и сложили в сумку от парашюта. Ствол один остался. Ходим вокруг да около, а снять никак не можем.

- А ведь это, пожалуй, и есть самое главное в нашем задании. , - сказал генерал.

Туман стал рассеиваться. И противник близко.

Тогда Серега Годованюк говорит:

- Товарищ генерал, вы идите, а я тут ещё повожусь. Может, что и придумаю...

Согласился генерал. Поползли мы. Он впереди. Я с сумкой позади.

Остановились на опушке лесочка, ждем. Скоро подползает Сергей Годованюк и волочит за собой ствол пушки. Уж как он его снял - не знаю, но снял. Пушку отправили сразу самолётом в штаб фронта.

Поблагодарил нас генерал. Дал на дорогу несколько пачек папирос "Казбек".

... Аэродром в нескольких километрах от линии фронта, восточнее Дуная. Небо заволочило тяжелым туманом. Отдыхаем в тревоге, знаем, что обстановка может измениться внезапно. Техники держат самолёты наготове. Фашисты могут в любую минуту попытаться форсировать реку Дунай. - Ну и положеньице! - шутит Женья Прохоров. - Хуже губернаторского...

Среди ночи слышим гул танков. Напряжение, как в воздушном бою.

- Чьи танки?

Колонна танков движется на запад.

- Наши!

Командование фронтом подбросило свежие резервы. Значит угроза форсирования Дуная противником миновала. Оборонительная операция войск 3-го Украинского фронта скоро переросла в наступательную. Гитлеровцы спешно откатываются назад.

Письма с Урала получаю редко. Видно, они не успевают, так как нам часто приходится перебазироваться. Весточки от Кати тоже давно нет: на 2-м Белорусском фронте, как явствует из сводок Совинформбюро, идут жестокие бои. Друг юности Николай Семериков тоже почему-то молчит. Перебираю в памяти его письма. Это получено перед войной, когда он ещё учился в Свердловском авиаучилище. А я тогда служил в Молдавии.

Потом он придумал что-то интересное. Послал заявку в Москву, в Наркомат авиационной промышленности.

"Мне, наверное, придется из-за этого дела бросить авиаучилище", - сообщает он в очередном письме.

"Напиши, из какой области твое новое дело?"

Отвечает:

- "Из области: летать выше всех, дальше всех, быстрее всех!"

Тут вскоре война.

"Никакой речи о демобилизации, - пишет Николай. - Одно единственное желание: скорее на фронт!"

Потом серия замечательных патриотических писем из Чкалова, где он в числе

лётчиков-курсантов находился до 1944 года в резерве Главного командования, и лишь в конце 1944 года его по настойчивой просьбе отправляют на фронт. Участвует Николай в операциях 2-го Украинского фронта, где-то совсем неподалеку от меня. Часто пишем друг другу. Он успешно летает на сложные и опасные задания.

Сообщаем друг другу, где находимся, как заранее было условлено: курс и расстояние от города, где мы учились. Военная цензура пропускала эти безобидные строчки. Мы всегда приблизительно знали, кто где из нас находится. 2-й и 3-й Украинские фронты были рядом. Расстояние между нами постоянно уменьшалось и сократилось уже до 100 километров. "Можно, пожалуй, слетать, думаю, - как только наступит короткое затишье".

Но слетать не привелось. В один из горячих декабрьских дней под Будапештом отбивали атаки вражеских танков. День успешно завершён. К вечеру небо заволкло тяжелыми тучами. Повалил тяжелый мокрый густой снег.

В непроглядных зимних сумерках на аэродром приземлилась группа штурмовиков 2-го Украинского фронта. Погода совсем испортилась, и они решили переждать на нашем аэродроме.

Сидим разговариваем. Спрашиваю ребят:

- Кольку Семерикова случайно не знаете?

- Как не знаем. Из второй эскадрильи он. Командир отважный, парень что надо! Башковитый. Вечно чего-то изобретает. Вернемся из полёта, кто куда, а он сразу за книгу, чего-то считает и записывает в тетрадь...

- Где же он? - волнуясь спрашиваю у ребят.

- Вчера не вернулся с задания. .

Погиб мой ведущий Николай Семериков. Не довёл до конца своего изобретения. Не осуществил своей давней мечты пойти в академию Жуковского.

На сердце грустно, тревожно и как-то пусто.

... После упорных жестоких боев под Будапештом войска 3-йго Украинского фронта опять пошли в наступление.

Полк перебазировается ближе к линии фронта. На боевые задания влетаем почти каждый день, невзирая на плохую погоду.

Краткая скупая запись в полковом дневнике гласит:

21 декабря 1944 года. 8 боевых вылетов.

22 декабря. 29 боевых вылетов.

23 декабря. 62 боевых вылета.

24 декабря. 63 боевых вылета. В полк вернулись экипажи Беляева и Чемеркина.

25 декабря. 26 боевых вылетов.

29 декабря. 11 боевых вылетов. Не вернулся с задания экипаж Балакина.

31 декабря. 28 боевых вылетов.

Полк постоянно пополнялся новыми лётчиками и новыми машинами. Время очень горячее, напряженное. За новыми самолётами самим летать некогда, их пригоняют лётчики-перегонщики.

Майор Кондратков придерживает меня, с неохотой отпускает на задания.

- У тебя больше двухсот вылетов, - говорит он. - Пусть другие полетают...

Просидел неделю на земле и восстал. Пошумел он было немного, но все же доводы мои выслушал:

- Вы хотите сохранить меня? А получается наоборот...

- Как так наоборот?

- Конечно, наоборот, - поддержал меня майор Провоторов.

- А идите вы все к чертовой бабушке! - нахмурился майор Кондратков. Учить меня ещё будете...

Он стал ходить по комнате. Потом сел за стол и глухо сказал мне:

- А ну, доказывай свою правоту!

- Если неделю не летаешь, то нет прежней уверенности. Отвыкаешь от огня. Земля

расхолаживает. В бой идёшь, как новобранец. Так модно скорее концы отдать...

Майор Провоторов в упор смотрит на командира полка, чувствуя, он за меня. А командир полка задумчиво кивает в мою сторону:

- Пожалуй, прав...

Вижу, что он склоняется, и пускаю в ход его же аргумент:

- Если буду летать наравне со всеми, то и потерь среди молодых лётчиков будет меньше. Сами-то вы, как и все, летаете... Ведь у кого больше ста вылетов, те погибают очень редко, при каких-нибудь чрезвычайных обстоятельствах. А гибнут ребята, у кого меньше десяти-двадцати вылетов...

Майор Кондратков молчит в раздумье, потом говорит:

- Ладно, убедил, все-таки, черт. Потери среди молодых в самом деле есть...

- Много потерь, - уточнил, как всегда прямолинейно, майор Провоторов.

- Утром полетишь на задание.

Майор Кондратков стал, как и прежде, посылать меня наравне с другими лётчиками полка в боевые полёты.

Напряжение в полку растёт с каждым днем. Часто вылетаем на помощь наземным войскам, штурмуем отступающего врага. И почти из каждого боевого вылета кто-нибудь не возвращается домой, главным образом экипажи новичков, недавно пополнившие полк.

Экипаж Чемеркин - Борейко не вернулся с задания. Подбиты зенитным огнем над целью. Самолёт загорелся и упал в районе высоты 194,0, неподалеку от населенного пункта Эден. На четвертые сутки экипаж пешком пришел в полк.

А несколько позже экипаж Митрохович - Журко, летавший утром в группе из шести самолётов, тоже не пришёл домой. Лётчик и воздушный стрелок возвратились в часть в тот же день к вечеру.

Младшие лейтенанты Анатолий Чемеркин и Иван Митрохович - два закадычных друга, два изобретателя. В полк прибыли они полгода назад. Имели достаточно хорошую летную подготовку, находились долгое время в тылу, в резерве Главного командования.

Это были грамотные, стойкие и безукоризненно воспитанные ребята. С собой они постоянно возили два чемодана с разными деталями, моторчиками, проводами, инструментом. Была у них изобретательская жилка. Всё свободное от полётов время что-то мастерили. В полку прошел даже слух, будто придумали они новую бомбу замедленного действия.

В Венгрии ребята обнаружили неподалеку от аэродрома кучу мелких трофейных осколочных бомбочек со взрывателями. Немцы в спешке побросали.

Задумали ребята обезвредить бомбочки. Забрались в воронку от большой бомбы, чтобы не попасть под осколки, и давай выбрасывать бомбочки по одной из своего укрытия. Так все бомбочки и "обезвредили". Только никому из начальства доложить не догадались.

Поднялась такая канонада, будто враги перешли в наступление. Вызвал ребят командир полка. Стоят они навытяжку, притихли. А майор ходит мимо из угла в угол, шумит грозно:

- Отошлю в штрафную роту, к чертовой бабушке! Будете знать тогда кузькину мать... Нашли, чем забавляться, как безголовые мальчишки...

Пошумел-пошумел майор Кондратков отошел немного и уже спокойно говорит:

- Ладно, чтобы это было в последний раз. Понятно? Идите в строй!

Когда ребята ушли, майор Провоторов задумчиво сказал: - А что с них взять, они ведь ещё пацаны...

Майор Кондратков на это ответил:

- Хорошо, что руки-ноги целы остались. Изобретатели... - И после минутного молчания с доброй усмешкой добавил: - А молодцы все же, черти! Бомбочки обезвредили. А? Нероветен час, кто-нибудь из населения по незнанию подорвался бы ещё...

Беспокойное выражение лица командира полка сменилось доброй, отеческой улыбкой.

Полк перебазировался на аэродром близ населенного пункта Кишкунлацхаза. Здесь у меня был, пожалуй, самый неудачный боевой вылет за все годы войны.

Наземные части по-прежнему стремительно наступали. Мне было поручено вести группу в 18 самолётов в район западнее Будапешта и приказано:

- Бить по танкам противника!

Прилетели в заданный район. Вижу танки. Один от другого в 50-100 метрах. Неожиданно вспомнилось, под Гизелем танки стояли впритык, а здесь рассредоточены, замаскированы. И ещё мешает густая дымка. Цель обнаружил с опозданием. С ходу поразить уже нельзя. Надо делать новый заход.

Вокруг тишина.

"Не торопись сбрасывать бомбы, - говорю сам себе. - Зениток не видно, истребителей тоже... "

Завожу четверки на второй заход. Не успел развернуться на 180 градусов как воздушный стрелок докладывает:

- Справа большая группа самолётов!

Вижу ходят кругом, стреляют из пушек по земле.

Пока их рассматриваю, воздушный стрелок докладывает:

- Чужие истребители, штук пятьдесят!

Отчетливо вижу самолёты противника. Штук тридцать "фокке-вульфов" и штук двадцать "мессеров".

Покачиваю крыльями и сбрасываю бомбы по немецким танкам. За мной повторяют маневр ведомые.

Фашисты нас обнаружили. Их пятьдесят, а нас восемнадцать штурмовиков и шесть истребителей прикрытия.

Деваться некуда. Нас атакуют. Истребители отвлекают на себя половину самолётов противника. Остальные самолёты врага пошли на нас.

Густая дымка не позволила замкнуть оборонительный "круг". Идем колонной пятерок и четверок. Ведем оборонительный бой. Последующая группа прикрывает предыдущую. Однако последнюю четверку обороняют только стрелки.

Сбиваем четыре "мессера". Но и наши восемь штурмовиков не возвращаются с задания.

Чрез два дня пять из восьми экипажей пришли благополучно в полк. Два экипажа - Балакина и Колобкова погибли. Лётчик третьего экипажа Филипович вернулся один без воздушного стрелка Грехнева, он погиб.

Плохо, очень плохо, когда ведущий группы приходит на свой аэродром, понеся такие большие потери.

Тяжело переживаю гибель своих товарищей и общую неудачу вылета. По деталям разбираю полёт. Если бы увидел раньше цель, то сбросил бы бомбы с первого захода. Потери могли бы быть, но не такие большие. Если бы сразу освободился от груза, как только увидел самолёты противника, и уходил побыстрее, потери были бы меньшими, но тогда осталось бы невыполненным боевое задание. А приказы нас научили выполнять. Приказ есть приказ...

Вместе с майором Кондратковым анализируем этот чрезвычайно тяжелый случай.

- Ты, наверное, на рожон полез?

Майор недовольно буравит меня взглядом.

- На рожон не лез, но так получилось...

- Говори все по порядку, как было!

Докладываю командиру полка в мельчайших подробностях. Он нетерпеливо выслушал, а потом сказал:

- Как увидел немцев, сбросил бы бомбы и уходил домой! Урон тогда был бы меньший. Потерять два экипажа и восемь машин...

Майор Кондратков нервно ходит по комнате. А я виновато молчу. Он раздраженно говорит:

- Ещё не хватало, чтобы и сам погиб. Что бы мне сказал командир дивизии?

Я по-прежнему виновато молчу. Он, раскаляясь, продолжает:

- Молчишь?! А он сказал бы, что, мол, второго Героя в полку потерял... Наказать бы вас

всех, к чертовой бабушке!

"Тяжелее наказания, чем гибель товарищей, не придумаешь"...

... Однажды, это было в Венгрии, майор Кондратков сообщил нам, словно уже наступило мирное время:

Сегодня вылетов не будет. Выходной день с разрешения вышестоящего командования. Пускай товарищи побывают в округе, посмотрят на заграничную жизнь.

Мы с Женей никуда не поехали.

- Поедим, как люди в столовке, - сказал он. До чертиков надоели эти термоса.

Ясный, солнечный, тихий, как будто и в самом деле, довоенный выходной день. Сидим в столовой. Никуда не торопимся.

Вдруг открывается дверь, и к буфету идет какой-то старший лейтенант. Остановился к нам спиной. Женя громко с улыбкой говорит:

- А где-то я видел эти уши...

Старший лейтенант оборачивается. Его лицо расплывается от радости. Он опрометью кидается к нашему столу.

- Сашка! - вскрикивает в один голос с Женей. - Откуда? Живой?!

Неожиданная и потрясающая встреча. Это был штурман Саша Иванов - воздушный стрелок командира полка гвардии подполковника Зуба.

Кидаемся в объятия.

- Рассказывай, Сашка!

- Помните был приказ прорвать "Голубую линию"?

- Ещё бы. Этот орешек!

- Гибель Николая Антоновича разве забудешь?..

- Вот и я об этом. Летим мы. Все нормально. Скоро цель. Вот-вот, думаю, он скажет, как всегда спокойно: "Внимание, внимание! Подходим к цели!"

Вдруг машина содрогнулась и повалилась на крыло, как неуправляемая.

Я кричу:

- Николай Антонович!

В наушниках мертвая тишина.

- Николай Антоныч?!

Самолёт стремительно идет к земле. Страшный взрыв выбрасывает меня из кабины. Дергаю кольцо парашюта. Он не успел раскрыться. Перед глазами мельтешит земля. "Ну, думаю, конец". Рухнул на землю.

Очнулся в лагере для военнопленных.

Пришли два эсэсовца. Сначала запугивали. Потом пытали. Отлежался от побоев и говорю: "Да, я воздушный стрелок командира полка, солдат Красной Армии, а больше от меня никаких сведений не ждите. То, что мы вас рано или поздно разобьем, это сами знаете... А больше ничего не скажу, хоть убейте..."

Пытали, гады, ещё несколько раз. А потом вдруг бросили. Видно, не до меня им, сволочам, было. Наши начали наступление.

Повезли в наглухо закрытых телячьих вагонах куда-то на запад.

Едем по Польше. Охраняет фашист с автоматом. Пристукнули, сломали решетку и стали выпрыгивать из окон вагона. Все двадцать два человека ушли. Пересидели в какой-то деревушке у поляков. Снабдили они нас одеждой и поддерживали едой. Не выдали. А тут вскоре наши начали наступление. Мы к своим. Прошли мы всякие проверки, ну, как обычно в этих случаях. Узнали, что я из авиации и отправили в летную часть. С ней и дошел до Венгрии.

- Что с Николаем Антоновичем?

- Не знаю, братцы наверно погиб. Когда меня выбросило из кабины, не помню. Очнулся, смотрю, земля бежит перед глазами... Рванул кольцо. Очнулся уже в лагере. Наверное, сознание потерял от удара.

... Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, охватывая Будапешт, быстро продвигались

и замкнули кольцо далеко западнее города. Немецко-фашистская группировка оказалась окруженной в Будапеште.

Враги поспешно оставляют восточную часть города - Пешт и устремляются в западную часть - Буду.

Новый командир дивизии полковник Терехов ставит задачу:

- Воспрепятствовать с воздуха переходу немцев из одной части города в другую.

А ночью вызывают меня к комдиву. "Вот, думаю, ещё ночных бдений не хватало. И так спим вприглядку..."

Комдив встречает меня у порога, почему-то шепчет:

- Очень важное задание. Пойдешь в группе под командой подполковника Красночубченко. О цели полёта он тебе сам скажет.

Подполковник Красночубченко - наш временный начальник, опытный командир. Он организовал четкую работу на аэродроме и в воздухе.

Оказывается, надо было перелететь поближе к Будапешту, на аэродром Тёкёл и продолжить выполнение поставленной ранее задачи.

Перелетели. Цель была настолько близко, что не успеешь набрать высоту уже бьет зенитка.

За день вылетаем по восемь-двенадцать раз. "Висим" над Будапештскими мостами не пускаем врага из Пешта в Буду. Через несколько дней на наших глазах мосты взорвали, как только они стали им не нужны. В нескольких местах вспыхнули мощные взрывы. И от редких по красоте мостов остались торчать лишь одни быки. Мосты восстанавливали потом наши саперные части.

Окруженные в западной части Будапешта своим войскам немцы стали сбрасывать с транспортных самолётов боеприпасы и продовольствие. Над городом висел белый, как молоко туман. Самолёты не всегда выходили точно на цель и нередко сбрасывали грузы в расположение наших войск.

Один парашют приземлился рядом с аэродромом. В мешке были консервы и шоколад.

- Смотри-ка, драпают фрицы, а ещё шоколадом прикармливаются, - усмехается Сергей Годованюк.

- Мабудь, эрзац, - замечает Сергей Малютенко. - Треба разобраться.

Продуктами трофейными все же воспользовались. А тем временем упал ещё один "подарок". Из мешка выпала кассета и рассыпалась. Оказались там пехотные мины. Они были нам ни к чему. Ребята шутили:

"Шоколад у немца, видно, кончился. А мины ещё остались.

Герой Советского Союза Иван Павлов вспоминает:

"Летал я в районе между Балатоном и Дунаем. Два захода сделал на цель, сбросил бомбы на мотопехоту. Веду свою группу домой. Все в сборе, кроме молодого лётчика Трифонова. Сели, а его самолёта не видно. Дня через два возвратился в полк.

- Феофилакт, что случилось? - спрашиваем у него.

- Отстал малость. Мотор слабоват, никак не мог вас догнать. Вот меня "худые" и клюнули...

- Традиций полка не знаешь, - говорит ему майор Провоторов - или жизнь надоела?

- Какие традиции, - растерянно отвечает Трифонов, а сам смотрит на нас. Я не нарушал...

- Хочешь жить, держись в строю, - поучительно повторяет майор Провоторов всем нам известные слова. - Ладно, вот сообщение, - обращается он ко мне, "Ваша группа уничтожила двадцать девять бронемашин противника. Путь для кавалерии свободен".

Войска 3-го Украинского фронта продолжают продвигаться вперед. Фашисты с боями отступают. По дорогам растянулись колонны автомашин с пехотой противника. Такого огромного количества людей и машин мне ещё не приходилось видеть ни разу за всю войну.

Западнее города Веспрем небольшая речушка. У узкого места, на переправе, образовалась пробка.

Разведка доносит:

- В районе Веспрем около тысячи машин противника и много пехоты.

Получаем проказ:

- Бить по скоплению войск и техники противника!

На задание вылетело около двадцати самолётов, нагруженных противотанковыми бомбочками. На одном штурмовике их около двухсот пятидесяти штук, каждая по полтора килограмма весом. Одной такой бомбочки направленного взрыва достаточно, чтобы прожечь верхнюю броню среднего танка.

Населенный пункт, как муравейник, кишит фашистскими автомашинами. Встаем в "круг", высыпаем, словно горох, бомбочки на автомашины и пехоту противника.

Зениток нет. Появились два "фокке-вульфа", но подойти поближе не рискнули. Обрабатываем противника с толком, с расстановкой. Улетаем после того как из-за дыма уже ничего невозможно больше разобрать.

Крепко побили фашистов.

Сохранился снимок о результатах удара первых двух экипажей. При дешифровке пленки было отчетливо видно пятьдесят уничтоженных и горевших машин. А всего в том боевом вылете было уничтожено не менее двухсот автомашин противника.

Новые самолёты в полк поступали регулярно. За каждым летным экипажем был закреплен самолёт, но иногда, особенно в дни напряженных боев, случалось, что машин не хватало. Тогда приходилось летать и на "чужих" машинах. Однажды на моем штурмовике полетел Вася Харченко. Его подбили, он сел на своей территории, спустя день вернулся в полк и говорит:

- На таком самолёте могли подбить...

Женя Прохоров спрашивает:

Что, немцы знают самолёт героя? - Нет не в этом дело, - смеется Вася. Часто смотрел на приборную доску.

- Ну и что? Все смотрят на приборы.

- Там не только приборы...

Пришлось пояснить ребятам, что на доске была вмонтирована фотокарточка Кати.

Женя Прохоров сказал Васе:

- На чужой каравай рот не разевай, особенно над целью. А то гитлеровцы тут как тут. Неровен час и убить могут...

Поздно вечером, читая газету, узнаю с радостью: Указом Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 года Кате присвоено звание Героя Советского Союза. Пишу ей тотчас поздравления. А на другой день Боря Корецкий вручает мне сразу две корреспонденции: от Кати и её фронтовых подруг.

"Здравствуйте, "наш" Гриша! Сегодня у нас в части большой праздник и большая радость. В семью наших славных героев влились шесть замечательных девушек нашей страны.

В число этих шести входит и Катюша. Мы думаем, что Вы сейчас вместе с нами радуетесь за Катюшу.

Год назад это высокое звание получали Вы, Катя лично могла Вас поздравить и присутствовать на Вашем торжестве.

И мы сейчас очень сожалеем, что Вас нет вместе с нами и для полного счастья Катюше не хватает только Вас.

Сколько поздравлений, теплых дружеских рукопожатий и поцелуев приходится ей принимать! Ведь Вы завидуете сейчас нам, да?

Гриша, вся наша эскадрилья поздравляет и Вас с тем, что у Вас такая замечательная подруга и такая крепкая и чудесная дружба.

Ну вот и все.

От души желаем Вам стать дважды Героем, а Кате матерью-героиней, тогда ни одна чаша весов не перетянет.

Вы простите, что мы называем Вас "наш".

В нашей эскадрилье принято всех будущих "гвардии зятьев" называть "наш". Ведь Вы не обижаетесь за это? Ну и хорошо!

Крепко жмем Вам руку.

Коллектив 1-й авиаэскадрильи.

26. 2. 45 года".

... Наземные войска по-прежнему вели напряженные бои. Линия фронта рядом. Каждый раз кто-нибудь из командования полка выезжал на передовую, чтобы вместе с представителем пехотного командования корректировать и направлять удары штурмовиков. Подошел и мой черед. Поехал к пехотинцам.

- Буду держать связь со своими, говорю подполковнику, представителю пехотной дивизии. - А вы будете подсказывать куда лучше всего с воздуха ударить по цели.

- Условились. Обстановка на передовой часто меняется. Надо выбрать хороший НП.

Выбрали колокольню в двух километрах от линии фронта. Немецкие позиции хорошо видны. Фронт проходит по ровному полю. Горят два танка противника.

Идет группа наших самолётов.

- Нацельте туда своих ребят.

Подполковник указал место. Сообщаю по радиации цель.

Ведущий отвечает:

- Вас понял! Цель вижу. Атакую.

Отбомбились ребята. Бомбы уложили в цель.

- Хорошо сработали! - кричит подполковник. - Молодцы!

А вскоре летит группа "юнкерсов" и "мессеров". Бьют из пушек по колокольне. Разрывы бомб ложатся рядом. Скатываемся в церковный подвал.

Фашисты бомбят. Страшно, когда не видишь куда и как летят бомбы. В подвале сыро, темно, пахнет какой-то тухлятиной. Земля и стены содрогаются от взрывов. Грохот невероятный. Сыплется штукатурка. И, кажется, вот-вот рухнут стены.

Вылезаем наружу. Стоим, прижавшись к стене. Видно, как заходят "юнкерсы", куда летят со страшным визгом и свистом бомбы. Немцы, надо отдать им должное, крупные были спецы по шумовым эффектам. Шума от них всегда было больше, чем урона.

Когда атака бомбардировщиков развертывается на глазах, страха ощущаешь меньше, чем в темноте подвала, там почему-то кажется много страшнее.

А поздним вечером сижу вместе с группой пехотинцев в лесу у костра. После печеной картошки и кружки чая перечитываю Катины письма, они со мной в планшете.

"Гриша, здравствуй! Сегодня 8 марта. У нас должен быть грандиозный праздник. Только поэтому мы сейчас стоим в городе. Впервые должны увидеть большого хозяина. Все это начнётся часов в шесть а сейчас всего-навсего два часа, делать совершенно нечего. Хоть только вчера вечером я написала тебе письмо, а сейчас решила ещё написать. Ты, конечно, уже поздравил меня с сугубо нашим праздником, да? Вчера получила от тебя письмо из-под Одессы. Обо мне не беспокойся, ведь наша работа, во-первых, не очень опасная, а во-вторых, теперь ведь я гораздо меньше летаю, чем раньше. Бог войны, во-первых, артиллерия, а во-вторых, Марс. Вот и молись тому, кого считаешь более сильным. Ты знаешь, а я уверена, что к моему дню рождения война закончится и без молитв.

Помнишь, я писала тебе о наташиной "Молитве лётчика"?

Так вот она:

"Отче наш!

Иже еси на небеси.

Нам погоду принеси.

Не дай бог с цели встречного ветра

И высоту облаков 400 метров.

Не введи господь, в обман,

Дай нам лучше густой туман...
Не приведи, господи, тревоги,
Пожалей наши души и ноги...
И чтоб долго нас не мучить,
Ты подсунь нам склад с горючим.
Ниспошли нам светлый рай
Дай бомбить передний край.
Прояви о нас заботу
Дай нам максимум работы,
Но, добавлю я при этом
(На ушко и по секрету),
Любим мы летать всегда,
Хоть и страшно иногда.
Избавь нас от двух зол - сразу
Парашютов и противогазов.
Донеси, господь, молитву до своего слуха
Во имя отца и сына и святого духа
Аминь!"

Ну, как тебе нравится?

Хорошо, правда, да и метко очень. Писалась она как раз в то время, когда были самые длинные ночи с луной и облачностью в 400 метров. А цели за 100-150 километров. Как раз в то же время вводили у нас парашюты, которые сначала для нас были действительно злом. А теперь мы уже совсем привыкли к ним, а особенно после случая с Руфой, когда мы на деле увидели пользу парашюта. Да, Марина-то находится пока временно в городе Тухолья ⁴. Наши части подошли почти вплотную к Штеттину. Вот здорово пошли! Ну, а как у вас? Скоро начнете? Кончаю. Привет всем, всем. Целую тебя, мой дорогой, много, много раз и нежно и крепко (скоро ли кончатся эти бумажные поцелуи?!) Ещё раз целую. Твоя Катя. Привет от девочек".

"Гришенька, здравствуй! Давно я тебе, кажется, не писала. Соскучилась очень. Вот пишу тебе, поговорю чуть-чуть, и как-то легче становится. Изменений у меня почти никаких нет, перебазироваться очень часто не потому, что быстро продвигаются наши части, а все хорошей площадки никак не найдем, да и фронт наш очень растянулся, то летим на север, работаем по северному флангу, от на юго-запад и бьем по южному флангу. Вот с этими перелетами я никак не могла написать тебе письмо. Надеюсь простишь мне это, да? Рокоссовский снова решил организовать котел очень мощный. Снова наша "женская" работа у котла...

Господи! Когда дадут мне спокойно написать тебе письмо! В соседней комнате расположилась пехота, шум ужасный. Один решил "развлечь" меня. Ужасно интересуется, кому я пишу письмо и посылаю фотокарточку. Я совсем чуть-чуть рассказала о тебе. "Счастливый, - назвал он тебя, - а у меня никого нет: ни родных, ни знакомых, нет и любимой девушки". Рассказал обычную, но ужасную историю: мать замучили, отца живого закопали, а девушку увезли в Германию. Очень жалеет, что точно не знает её места, но надеется встретить, уверен, что она по-прежнему, но втрое, вчетверо стала любить его, ведь в трудных условиях любовь растет, крепнет, а ей, должно быть, очень тяжело. Он очень хорошо сказал, что в тяжелых, суровых условиях чувство становится сильнее. В трудных условиях перед тобой всегда встают образы любимых людей. Вспоминаю свой полёт с Женей Поповой. Когда нам было очень трудно, когда я первый раз в жизни почувствовала, что жизнь моя кончена, - передо мной промелькнули все любимые мной люди. Об этом я

---

⁴ Это тот же код; где Марина, там и Катя!

могла бы писать долго и очень много, но ведь ты уже очень хорошо меня понял, да?

Стоим мы сейчас в немецком городе Мариненвердере, но завтра же утром улетаем на другой фланг. Жителей здесь никого. Совершенно пустой город...

Пока. Пойду в столовую. Целую тебя, мой родной, много, много раз. Твоя Катя. Привет Жене. 2. 3. 45 г. "

Поговорил с Катей, стало легче на душе. Потом немного подремал у притухшего костра. А на рассвете опять идём с подполковником искать новый наблюдательный пункт. Через час-полтора уже корректируем и направляем удары штурмовиков. Занимаемся этим несколько дней, пока наступает наша пехота.

Вернувшись в полк, узнаю, что не пришел с боевого задания командир полка. Вел он группу самолётов. Было тихо. Вражеские зенитки себя не обнаруживали. Видимо подпускали поближе. Зенитный снаряд попал в самолёт Кондраткова. Не стало ещё одного моего наставника, боевого товарища, друга.

Весть о его гибели как-то не принял всерьез. Может от того, что не верил, что может погибнуть такой опытный лётчик. Может потому, что шли жестокие бои и гибли почти в каждом вылете молодые лётчики. Может, потому, что за годы войны научились уже ничему не удивляться. Шел четвертый год жестокой, кровавой войны, ставшей для нас обыденным делом, привычной работой. Столько пришлось повидать разных смертей, что уже, казалось, ничего теперь не могло удивить, даже смерть самого близкого человека... Не знаю почему, но все время ждал: вот-вот он придет, как случалось приходиться с подбитых самолётов ребятам снова в свой полк...

Тянулись долгие дни, а он не возвращался. И здесь вдруг я остро почувствовал, до нестерпимой боли в сердце, что нет рядом близкого человека, нет рядом отца...

Горькая грусть, наводившая страшную тоску, сменялась приливами лютой ненависти. В очередных боевых вылетах забывалось обо всем. Помнился лишь его наказ всегда думать о жизни тех, кто идёт рядом с тобой в группе.

После возвращения с задания одолевала опять тоска до боли. Особенно, когда приходили на квартиру. Жили мы с майором Артемием Леонтьевичем в одной комнате. Мы с Женей Прохоровым постоянно и горько ощущали его отсутствие.

Обычно мы брились с вечера, чтобы не торопиться утром. Майор Кондратков потцовски улыбается: - Опять с вечера. Опять поздно будете вставать?!

- В столовую не опоздаем...

Он поднимался рано. Брился, обтирался по пояс водой. Будил нас. Все вместе отправлялись на завтрак.

Теперь его не стало среди нас. В комнате пустота и леденящий холод. Когда приходили на КП, майор Провоторов сидел туча тучей, не зная, куда себя деть. Он как начальник штаба очень сработался с майором Кондратковым.

- Хороших людей и снаряд любит, - грустно говорил майор Провоторов и сокрушался: - Такого командира потерять! Перед самым концом войны...

Нам тогда не давали покоя наплывающие воспоминания.

"Чтобы не отстать от пехоты, давайте подыскивать аэродромы", - говорил майор Кондратков. И летал над вражеской территорией, заранее предусматривал посадочные площадки для штурмовиков своего полка.

Два раза и мы летали с ним за линию фронта на разведку. Он разрешал даже садиться на вражеской территории. Но мы этого старались не делать.

- Черт его знает, - отшучивался Женя Прохоров. - Сесть-то сядешь... А вдруг ещё не взлетишь.

По мере продвижения наших войск полк перебазировался все дальше и дальше на запад.

В одном из населенных пунктов, кажется Трауерсдорф, в Австрии нам впервые в жизни довелось увидеть настоящую усадьбу помещика. Поместье, похожее на средневековый замок. Ворота, рвы. Внутренний двор, посреди которого большие двухэтажные строения.

Разместились мы на втором этаже одного из домов. Огромные залы. Широкие длинные коридоры. Картинная галерея. Полотна, написанные кистью искусных художников, и много портретов - очевидно, далекие предки помещика.

Богатый был дом. Все оставлено на своих привычных местах. Видно, поспешно покидали насиженное гнездо господ.

Ходили мы по залам, и нам почему-то все время казалось - вдруг появится хозяин и спросит:

- Что вы здесь делаете? Что вам нужно в моем доме?

О помещичьих усадьбах мы раньше знали по книгам и по картинам, а теперь своими глазами увидели господский дом.

- Неплохо устроились, господа, - замечает Николай Есауленко. - Со всеми удобствами...

Женя Прохоров сердито бросает:

- За счет чужого труда хоромы построили, роскошью обзавелись. А крестьяне голодные вкалывают на них, как ломовые лошади.

Николай согласно кивает головой:

- Капитализм... Куда не кинь, а все клин: частная собственность и эксплуатация.

В имении пробыли два дня и перебазировались на другую точку.

Командиром полка назначили подполковника Заблудовского, опытного, заслуженного лётчика и довольно приятного человека.

Война подходила к своему концу. Но враг ещё не сдавался, как загнанный, смертельно раненый зверь, обессиленно злобствовал и, гонимый Красной Армией, откатывался назад.

Наступила европейская весна. Одевались в нарядный убор леса. Пахло сыровой апрельской прелью. Раздавались звонкие трели истосковавшихся за зиму птиц. На буйно зеленевших полях по-хозяйски вышагивали стаи грачей. Предчувствуя, очевидно, скорый конец артиллерийской перестрелки, они не торопились перелетать дальше к востоку.

А на фронте сильные бои за Вену. Летаем на помощь своим наземным войскам. Они на подступах к городу ведут последний штурм.

Вена взята сравнительно меньшей, чем Будапешт, кровью.

По всему чувствуется, скоро конец войне. И тем не менее, когда в ночь с 8 на 9 мая стало известно, что война кончилась, это было для всех нас большой неожиданностью.

Вечером после очередного боевого задания поужинали и пошли на отдых в деревню Гетцендорф, вблизи которой был наш аэродром. Вдруг среди ночи слышим стрельбу. По тревоге оделись, выскочили на улицу.

- Кто стреляет?

- Почему стрельба?

Наконец разобрались.

Победа!!!

- Враг капитулировал!

Выхватываем пистолеты, палим в воздух. Деревушку оглашают залпы импровизированного салюта.

Немного вздремнули и рано утром пошли на аэродром.

- Что делать дальше?

Никто в полку не знает.

Удивительное и непонятное состояние. Наступил долгожданный конец жестоким схваткам. Враг разгромлен в его собственном логове. Немецко-фашистское командование подписало акт о безоговорочной капитуляции. В Берлине на рейхстаге реет алое Знамя Победы!

Так трудно и долго шли мы к этому заветному дню. И вот наконец он наступил. На душе хорошо от буйной радости победы и как-то непривычно тихо вокруг. Не надо никуда лететь, не надо никого поливать свинцовым дождем и сбрасывать смертоносные грузы. Словно ты остался без дела, к которому уже привык, выполняя свой священный долг.

Наступил исторический день окончательного разгрома фашистской Германии, день

великой Победы нашего народа над германским империализмом.

Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой!

Смотрю на ребят и никого не узнаю. Добродушные, улыбающиеся лица. Нет ненависти в душе, ни злобы во взгляде. До чего же покладист и незлопамятен характер у русского, советского солдата, самого мирного и самого сильного на матушке-Земле!

9 мая 1945 года, как уславливались с Николаем Семериковым и Катей, подал рапорт командованию с просьбой при ближайшей возможности послать меня на учебу в академию имени Н. Е. Жуковского.

С разрешения командира полка поехали с Женей Прохоровым в соседний полк к своему бывшему комиссару Лещинеру в гости. Он уже майор и начальник штаба полка. Там помянули боевых товарищей, павших в войне, и последний раз сфотографировались на память.

Здесь, под красавицей Веней, завершился славный боевой путь 210-го штурмового авиационного Севастопольского Краснознаменного ордена Кутузова полка. Путь, начавшийся три с лишним года назад на Украине.

А несколько дней спустя командир полка подполковник Заблудовский приказал:

- Поедете в Москву для участия в параде Победы.

В шесть часов вечера после войны...

Отгремели победные залпы орудий.

Однополчане мои разъехались, кто куда, в разные города и села страны, возвратились к родным очагам. Вместе со всем народом принялись залечивать раны, нанесенные войной, восстанавливать разрушенные фабрики, заводы и города, воскрешать плодородные земли. Многие ребята и девчата стали устраивать свои судьбы.

В июне поженились и мы с Катей. Она к тому времени уже демобилизовалась и готовилась продолжать учебу в МГУ. Свадьбы у нас как таковой не было. После загса устроили небольшой ужин. Гостей собралось немного: Катины родственники, пришел кое-кто из друзей. И наши пути опять разошлись, но не надолго. Катя уехала с женской делегацией во Францию. А я улетел в Австрию, в свой полк.

Так состоялось наше "свадебное путешествие".

Когда находился в Москве, то сходил, конечно, в академию имени Н. Е. Жуковского. Там мне сказали, что в полк уже давно послана разнарядка. Но мне о ней ничего не было известно. Поскольку академия считалась инженерной, очевидно, о разнарядке сообщили только инженерно-техническому составу.

- Как же быть? - удрученно и озабоченно говорю полковнику из приемной комиссии. - Не хотелось бы год терять.

- Если в полку отпустят, приедете на подготовительные курсы вне разнарядки. Дадим вам такое письмо. Уж так и быть...

Письмо у меня в кармане. Теперь осталось "самое малое": чтобы отпустили из части на учебу.

Прилетев в полк, обращаюсь по инстанции к командиру корпуса генералу Толстикovu. Он наложил резолюцию на рапорте: "Откомандировать после того, как полк перебазирован".

Понимаю командира корпуса. Я штурман полка и должен обеспечить этот перелет по своей штурманской линии. Получил в штабе карты, разработал маршрут, проверил штурманскую подготовку летного состава. Жду приказа. Готовлюсь к экзаменам. Привез из Москвы учебники за среднюю школу. После работы сижу, штудирую. Много вспоминает надо: выветрилось за долгие годы войны. Но это не беда, лишь бы поехать на учебу. Середина июля. Полк готов к перелету. Приказа нет. Поехал в корпус, опять, но уже устно, обращаюсь к генералу.

- Сказал, что отпущу, значит, отпущу.

- Время уходит. Год может пропасть, товарищ генерал!
- Наберись терпенья. Поедешь в академию. Прошло ещё три недели. А приказа все нет и нет. Снова обращаюсь к генералу Толстикову.

- Напористый вы народ - штурмовики! - улыбаясь, встретил он меня в своем кабинете. - Ладно, езжай, учись. Желаю успеха.

- Спасибо, товарищ генерал!

С третьего захода наконец отпустил меня генерал Толстиков на учебу в академию имени Жуковского.

Приехал в Москву. В академии сказали, что до начала занятий почти месяц.

Решили мы с Катей поехать в деревню на Урал, к моим родным.

Там нам закатали уже настоящую свадьбу, по-уральски, с размахом, широкую, веселую и шумную. Трудно, конечно, было моим родичам после войны, жили они не ахти как, но тут уж ни перед чем не остановились... Гуляли по старинному обычаю. Свадебные песни под баян, хороводы. Словом, свадьба по всем правилам свадебного ритуала. На столах вдоволь вина и закуски. Традиционные пироги с рыбой и шаньги к чаю.

По старинному обычаю снохи испытывали молодую.

- Что-то у нас сора много в избе,- нараспев говорит сноха Дуся и берется за веник.

- Ай, у нас нет молодой в доме?- останавливает её сноха Зоя.

Катя, розовея от волнения, принимает у снохи веник, подметает пол. Подмела половину, а в это время уже разбили горшок или кринку. Подметает опять. Когда пол избы чист, гости начинают бросать деньги.

- Плохо подмела,- кричат,- мусор оставила. Катя собирает деньги в большое блюдо, ставит его на стол. В это время заиграл баян, девушки закружили молодую в шумном хороводе. Деньги передали в открытое окошко ожидавшим на улице братьям. А когда Катя снова подходит к столу, то кто-то спрашивает:

- Где же деньги?

- Пустили на дело...

- Снохам надо везти свекровь в корыте в натопленную баню.

- Силушки не хватает! - кричат жены старших братьев и зовут Катю на подмогу.

Впряглась молодая сноха и втроем повезли свекровь...

Свадьба продолжалась три дня. Гуляла почти вся деревня.

С Урала поехали мы под Москву, в село Сенжаны, на родину родителей Кати. Любопытное название у селенья. Как гласит предание, когда-то давным-давно выиграл в карты русский помещик у француза деревню, перевез крестьян в Россию, а новое поселенье нарек на французский манер: Сенжаны, что в переводе означало "святые Иваны".

Родные Кати уехали из деревни ещё задолго до войны. Но их хорошо знают в Сенжанах. Там они были и во время войны, в эвакуации, работали в колхозе. А теперь правление колхоза устроило нам вторую свадьбу. Тоже с размахом, на все село, по традициям здешних мест.

В Москве поселились у Катиных родителей. В небольшой комнатухе жило нас шесть человек. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 18 августа 1945 года меня наградили второй медалью "Золотая Звезда".

Первый раз я в Кремле. Необычайное волнение охватило нас, когда мы вошли в здание Большого Кремлевского дворца. Московский Кремль - сердце нашей Родины! Отсюда осуществляется руководство страной, здесь объединялись и направлялись усилия народа на сокрушительный удар по ненавистному врагу - немецкому фашизму, отсюда творческие дерзания миллионов сливаются в гигантский мощный поток, идут в стремительный бросок вперед, к счастью всего человечества!

Награды группе фронтовиков и тружеников тыла вручил Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. Я. Наталевич.

После вручения наград мы посетили Мавзолей Владимира Ильича Ленина. С глубоким

волнением смотрели на знакомые, родные черты всем нам бесконечно близкого, дорогого человека, великого вождя народов. Каждый из нас мысленно произносил клятву: отдать все свои силы Коммунистической партии, её неустанной борьбе за осуществление бессмертных ленинских идей.

С сентября начались напряженные занятия на подготовительном курсе. За год слушатели прошли программу средней школы и были допущены к вступительным экзаменам в академию.

Экзамены сдал я успешно и был зачислен на первый курс Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского. Наконец-то осуществилась мечта моей юности! Был я на седьмом небе от счастья.

А мечта эта, если вы помните, возникла у меня под влиянием моего друга Николаи Семерикова. Его девизом было: "Жить и творить на счастье человека" Об этом поведал он мне в одном из своих фронтовых писем. И чтобы оправдать, закрепить этот девиз, Николай очень хотел попасть в такое первоклассное военное учебное заведение, как академия имени Н. Е. Жуковского. Ведь из этого храма авиационной науки вышла целая когорта авиационных конструкторов мировой известности. Академия - поистине кузница инженерных кадров ВВС, достойных великой Страны Сонетов. Академия - мечта Николая Семерикова, которому не довелось дожить до Победы... Но что не осуществили ведущие, должны довести до конца их ведомые.

Храм авиационной науки

Академия произвела на меня, крестьянского сына, познавшего радость полёта и опаленного порохом войны, неизгладимое впечатление. Словно зачарованный, ходил я по этажам и коридорам, с затаенным дыханием читал надписи на дверях аудиторий, кабинетов и лабораторий.

Заглядываю в аудиторию и тотчас закрываю дверь. Читаю надпись: "Кафедра динамики полёта". Интересно... Но, к сожалению, эту науку предстоит изучать только на третьем курсе.

Поднимаюсь в волнении этажом выше. "Лаборатория кафедры конструкции двигателей". Светлый полукруглый зал. У стен стоят препарированные авиационные моторы разных типов. Ребята заносят какие-то детали. Спрашиваю:

- Что это?

- Части нового двигателя. Оборудование для новой кафедры реактивных двигателей.

Долгое время мне как-то не верилось, что закончились моя странствия по фронтовым аэродромам. Фронтовиков в академию поступило много. Мы с жадностью набросились на духовную пищу знаний. Все науки живо пленили меня и казались самыми интересными. На первом курсе шли общеобразовательные предметы: физика, математика, начертательная геометрия, химия и другие. Интересуемся понаслышке всем, но изучаем по-настоящему на лекциях пока только общеобразовательные дисциплины.

Заниматься самостоятельно приходится много, каждый день после лекций ещё часов по пять-шесть. А к концу недели обнаруживаешь, что недоделок ещё уйма. Вот и получалось, что выходных почти не было. Иногда успеешь сходить в кино или в театр, но эта роскошь отнюдь не каждую неделю.

Слушатель академии подобен альпинисту. Он идёт на трудный штурм одной вершины за другой. Поначалу эти альпинисты весьма и весьма неопытны. На штурм очередной высоты идут они толпой одиночек, и потому среди них нередки случаи "жертв" в виде двоек на экзаменах. Но очень скоро они убеждаются, что и здесь серьезная товарищеская взаимопомощь играет важную роль. И тогда начинает складываться настоящий боевой коллектив альпинистов. А в связке среди верных друзей не такими уж трудными кажутся и самые сложные восхождения...

Высшую математику преподавал у нас Герман Фёдорович Лаптев, доктор физико-математических наук, добродушный, жизнерадостный человек. Точная наука математика в

его лекциях была совсем не академической и сухой, а живой, поэтической наукой. Знал он массу случаев, имевших место в среде математиков, и рассказывал их слушателям, перемежая трудные разделы лекций. Как сейчас помню, говорил он:

- Математик никогда не скажет: возьмем деталь со стола. Он скажет; возьмем одноточечное множество и перенесем его из точки А в точку Б...

Это звучало необычно загадочно, таинственно и притягательно.

Наиболее трудно доступную для восприятия часть высшей математики векторный анализ излагал он интересно и живо. Вот, например, как преподносилось им понятие градиента:

- Вы находитесь в комнате у горячей печи. Пока вы идете пять метров от печи к окну, температура меняется от сорока градусов до нуля. Значит, в вашей комнате градиент температуры восемь градусов на метр... Теперь понятно, что такое градиент?

- Понятно... только раньше мы это называли бесхозяйственностью, - острит кто-то из слушателей с дальнего ряда столов.

Герман Фёдорович - блестящий методист и высокоэрудированный ученый. Многое он, очевидно, перенял от своего учителя генерала Голубева, профессора МГУ и начальника кафедры математики нашей академии. Герман Фёдорович часто говорил о нем по ходу своих лекций.

Владимир Васильевич Голубев был одним из выдающихся ученых-механиков МГУ. Много сил отдал он проблемам аэромеханики, в частности теории механизированного крыла, Владимир Васильевич - создатель теории машущего крыла и автор солидных научных трудов в области математики. Был он ярким представителем отечественной школы математиков и механиков. Лекцию на нашем курсе он читал всего один раз. Но она оставила у слушателей неизгладимое впечатление, поразив отточенной филигранностью педагогического мастерства. Ближе довелось мне с ним столкнуться на экзаменах по высшей математике.

Подошел я к столу, вытянул, как обычно, билет. Подготовился, выхожу отвечать. Экзаменаторов много. К кому из них пойти, думаю. Неожиданно поднялся профессор Голубев.

- Товарищ генерал, разрешите сдавать экзамен, я готов...

- Посмотрим, посмотрим, - оживленно и загадочно говорит генерал Голубев. На фронте вы отличились, посмотрим, как сильны в математике.

Он отложил билет в сторону и начал бегло гонять меня по всему курсу.

- Неплохо, - наконец остановился профессор и взялся за авторучку.

"Ну, думаю, пронесло, как над "Голубой линией". А он тем временем вкрадчиво говорит:

- Возьмите, пожалуйста, вот этот интеграл,- в пишет на листке.

Задачу решил быстро. - А ну-ка ещё вот этот возьмите, - говорит он и протягивает новый листок бумаги. Взял и этот интеграл.

- Ну, пожалуй, достаточно, - сам с собой говорит профессор и уже мне: Поздравляю вас, в математике вы тоже на уровне своих фронтовых успехов. Продолжайте и дальше в таком же духе...

... Часто вспоминаю однополчан. Они тоже не забывают меня, только успевай отвечать на письма. Вот и сегодня пришло ещё одно. "Доброго здоровья, Гриша, Катя! Получили твою весточку. За что большое спасибо.

Наше письмо, наверное, будет как раз ко времени. Так что от имени всего коллектива поздравляем вас с Новым, 1946 годом, в двенадцать ночи.

Гриша, сейчас коротко напишу тебе о наших друзьях, близких и знакомых. Терехов со всеми своими друзьями уехал. Заблудовский и Провоторов - тоже. Так что на старом месте никого нет.

Лещинер убыл, Шуляков также. Так что все сейчас разбрелись, кто куда. Мы пока ещё на старом месте, ожидаем эшелона. Как там на новом месте, ещё ничего не можем сказать,

по прибытии туда сообщим.

Отпускники наши все переженились, но женушки ещё на родине. Привез только Заблудовский...

Много войска нашего демобилизовалось, убыл и Боря Корецкий.

Учеба проходит нормально: восемь часов в день и даже больше. Ну, как будто бы охватили все, в дальнейшей нашей переписке будем подробней информировать.

С новым Годом! С новым счастьем! Долгая вам и вашему потомству жизнь!

Привет и наилучшие пожелания от всей фронтовой братии.

Привет Москве белокаменной!

Жмем крепко ваши руки.

К сему: Кучеренко, Малютенко.

Верно: старший писарь Аношкин".

... Катя учится на четвертом курсе мехмата Московского университета. Я - на первом курсе академии. Получилось так, что мы оказались продолжателями традиционных связей академии и университета.

Традиция эта возникла давно, со времен Николая Егоровича Жуковского, профессора МГУ и первого ректора Московского авиатехникума, созданного по указанию В. И. Ленина в 1919 году для подготовки авиационных инженеров. Авиатехникум через год был преобразован в институт инженеров Красного воздушного флота, а затем в 1922 году - в Академию воздушного флота имени Н. Е. Жуковского. С тех пор деловая дружба коллективов двух выдающихся высших учебных заведений страны развивалась и крепла.

В трудные для Родины дни войны большая группа студентов четвертого курса мехмата университета стала слушателями академии.

А теперь у нас были "общие профессора". Н. Н. Бухгольц, А. П. Минаков, В. В. Голубев, А. А. Космодемьянский, Н. Д. Моисеев читали лекции и в университете, и в академии.

Три подружки, студентки МГУ, Рая Надеева, Ира Тюлина и Катя Рябова в 1941-м году ушли на фронт с третьего курса мехмата. Сейчас они снова вместе, вернулись с разных фронтов войны и опять продолжают учебу на том же факультете университета,

В прошлом году они восстанавливали знания за первые два курса, забытые за время войны. Кое-что надо было досдавать: учебная программа изменилась. Поднатужиться им пришлось крепко. Изголодавшись за войну по учебе, они с превеликим энтузиазмом и упорством догоняли ушедших вперед товарищей и уже принялись за программу третьего курса. Они "зубрили" теоретическую механику и математические науки, а потом досрочно сдавали экзамены. В это время я готовился к вступительным экзаменам в академию и краем уха прислушивался к их оживленному "триалогу". Они говорили почти всегда одновременно. Я слышал массу непонятных мне терминов, а иногда даже пытался вникнуть в их "высокие науки".

И вот теперь и я слушаю лекции по теоретической механике. Читает их доцент, кандидат физико-математических наук Кузнецов, тоже воспитанник мехмата университета. Он нам преподносит необычно короткие и четкие доказательства теорем векторным методом. А в учебнике те же доказательства даются длинными, на страничку и более, обычными математическими выкладками. Как ему удастся все так коротко доказать, ну прямо в одну строчку? Восхищаемся мы своим преподавателем. Но однажды вышла загвоздка. Объясняет он довольно сложное понятие эллипсоида инерции, потом спрашивает:

- Поняли?.

- Нет...

Преподаватель объясняет ещё раз. Опять не поняли. И так -несколько безуспешных попыток. Ушли мы с лекции, не поняв, что хотел сказать нам преподаватель.

А при подготовке к экзамену мы неожиданно для себя обнаружили, что конспекты его лекций удивительно ясны и логичны.

На втором курсе теоретическую механику продолжает читать профессор Аркадий

Александрович Космодемьянский. Он покоряет аудиторию, заражает её своим энтузиазмом и увлеченностью наукой. Механика тела переменной массы - это его специальность. К тому же он страстный рыболов и до мозга костей русской души человек, любитель жаркой бани и ядреного кваса. За всю свою жизнь профессор не был ни в доме отдыха, ни в санатории. Он признавал отдых только в родной деревне в Горьковской области.

- Самые лучшие мысли, - говорил он, - появились у меня в лесной тиши, на берегу озера, с первыми лучами солнца.

Речь его всегда красочна и образна:

- Приходит инженер в математическую мастерскую. А там по стенам развешаны различные математические инструменты: дифференциальное и интегральное исчисление, векторный анализ, операционное исчисление, вариационное исчисление... Самым подходящим инструментом для исследования ракет оказалось вариационное исчисление. Снимает инженер этот инструмент со стены и, засучив рукава, начинает исследование...

Профессор Уманский читает курс сопротивления материалов и строительную механику. Удивительно просто обращается он с математическими понятиями; режет и изгибает дифференциалы, принципиально неразрешимые задачи механики в сопромате становятся разрешимыми. Вот это инженер, математика для него - наука ради дела, а не ради науки.

А его коллега Масалов на лекциях неистощим на всевозможные истории с неудачными конструкциями:

- Всякая конструкция должна быть рассчитана не только на прочность, но и на жесткость. Представьте себе, что Иван Иваныч любит попить чайку из самовара на свежем воздухе. Выходит он на балкон с кипящим самоваром в руках, а консольные балки балкона изгибаются вниз под действием силы веса Ивана Иваныча с самоваром на семьдесят градусов. Иван Иваныч вместе с самоваром сваливается с балкона, а балкон, как ни в чем не бывало, выпрямляется снова в горизонтальное положение. Вот что значит рассчитать конструкцию на прочность, но забыть про её жесткость...

Да, нужно быть хорошим специалистом, чтобы правильно сделать все расчеты. А сколько требуется разных специалистов нашей стране! Мы, будущие инженеры ВВС, - лишь капля в море среди них. Тысячи вузов готовят огромную армию специалистов, а их все не хватает. Особенно остро ощущает недостаток в кадрах деревня...

Деревня... Как трудно тебе досталась война. Не успели ещё окрепнуть юношеские плечи колхозов, как на них упало тяжелое бремя войны. Все лучшие силы деревни ушли на фронт. Одни женщины и дети обеспечивали хлебом фронт и заводы, ковавшие оружие, делали все возможное и невозможное, чтобы накормить и одеть миллионы солдат.

Деревня глубокого тыла. О тебе совсем мало сказано в книгах, это ещё впереди. На тебя не падали бомбы, на твоей земле не рвались снаряды, но силы твои истощались от неимоверного напряжения. И ты вынесла все эти адские муки ради жизни своей Родины, ради счастья детей города и деревни...

После войны очень быстро восстанавливались разрушенные города, на месте эвакуированных в глубокий тыл заводов вырастали новые, оснащенные первоклассной современной техникой предприятия. А деревне труднее было подняться на ноги. Её здоровье было надорвано тяжестью войны, как организм юноши непосильным грузом. Заросли поля, соскучилась земля по пахарю и плугу, недоставало семян, тракторов, горючего. Помощь деревне шла из города. Рабочий протягивал дружескую руку колхознику...

Отец постоянно держит нас с Катей в курсе своей деревенской жизни и событий в родном колхозе.

"Здравствуйте, Григорий и Катя! Прежде всего шлем вам свой семейный привет. Живем мы пока ничего, все живы, здоровы. Евгений работает в заводе, где работает Василий, после работы учится. Виталий в ремесленном училище. Да, чуть не забыл, Евгений-то ведь женился, невесту затребовал из Омска, с которой ранее был знакомый. Звать её Надей, неделю была у нас, кое-что помогала матери. Пока нам с матерью понравилась,

такая же по нам, небогатая. Свадьбу, конечно, праздновать не пришлось, потому что живем небогато.

Погода у нас всю осень стояла дождливая, так что уборка хлеба шла очень медленно, а уже валит снег...

Ну, и немного о себе. Живем мы почти так же, как и жили. Завтра собираемся съездить в Пермь, может быть, есть какие-нибудь продукты.

Промлимитная книжка получена, только не был с ней в дирекции универмага на прикрепление, завтра тоже зайду. За 4-й квартал по книжке купили Виталию костюм, Евгению брюки, Александру ботинки; юбку, платье, 4 метра ткани, галоши и одну простыню.

Ну пока все. До свидания. Ждем ответа. С приветом Флегонт Сивков. Передайте привет Катиной мамаше, братьям и сестрам. Извиняюсь, что письмо послал без марки; не пришлось купить. Желаем здоровья и хороших успехов в учебе".

... Третий курс. Мы входим в аэродинамическую лабораторию. И снова, уже и который раз, наше воображение поражают загадочные приборы и установки. Здесь проводятся уникальные эксперименты, от них во многом зависит будущее нашей авиации. Недаром совсем недавно группе сотрудников этой лаборатории присуждена Государственная премия!

Мы слушаем лекции по экспериментальной аэродинамике и по теоретической аэрогидромеханике.

Курс экспериментальной аэродинамики читает ученик Н. Е. Жуковского академик Борис Николаевич Юрьев. Никогда не подумаешь, что это выдающийся ученый, - до чего он всегда обыденно и просто излагает материал в своих лекциях. Но вот картина дорисована до конца и сделаны выводы. И тогда невольно проникаешься глубочайшим уважением к лектору: во всем чувствуется крупный специалист, одержимый наукой человек с кладезем капитальных знаний.

Борис Николаевич - ученый разносторонней эрудиции, специалист широкого профиля. Ещё будучи студентом третьего курса МВТУ, он изобрел автомат перекоса, обеспечивающий устойчивость и управляемость вертолета. Конструктивная схема автомата перекоса осталась практически до сих пор неизменной, и сегодня почти все вертолеты мира летают с этим автоматом.

Ещё в 1912 году на международной авиационной выставке Борис Николаевич получил золотую медаль "За прекрасную теоретическую разработку проекта геликоптера и его конструктивное осуществление". В 1964 году ему была присуждена Государственная премия за разработку конструкции двухвинтового геликоптера "Омега".

Борис Николаевич в совершенстве владел и теоретической аэрогидромеханикой. Он был создателем импульсной теории воздушного винта, в которой развил теорию винта Н. Е. Жуковского, и одним из первых авторов современного аэродинамического расчета вертолета.

... Кафедра теории реактивных двигателей. Мы слушаем лекции академика Бориса Сергеевича Стечкина. Он, как и Б. Н. Юрьев, ближайший ученик Н. Е. Жуковского. Оба они в юности были энтузиастами воздухоплавательного кружка, руководимого Николаем Егоровичем.

Борис Сергеевич - крупный специалист по теории реактивных двигателей, выдающийся представитель технической мысли, но разговаривал он со слушателями как с себе равными. И потому как-то незаметно будил у своих учеников мысль, заставлял относиться к любому вопросу творчески.

Во многих своих лекциях он высказывал совершенно новые, оригинальные идеи и делал это как само собой разумеющееся, будто бы все люди без исключения могли делать то же самое.

Крупный ученый не всегда бывает хорошим методистом. Так и Борис Сергеевич. Иногда в середине сложных рассуждений, когда уже вся доска заполнена длинными формулами, у него появлялась новая мысль. Он стирал написанное и начинал все сызнова, но

мы этого как будто и не замечали. Мы глубоко уважали Бориса Сергеевича за широкую эрудицию и человечность, за приобщение всех нас, слушателей академии, обычных людей, к тайнам большого творчества, за то, что он, крупный ученый, всем своим поведением показывал: "Не боги горшки обжигают".

... Началась пора курсового проектирования. По курсу "Детали машин" получаем задание спроектировать редуктор. Казалось бы, совсем простой механизм, но ведь его конструкцию надо разработать и рассчитать самостоятельно!

Сразу же возникло множество вопросов; с чего начать? Из чего сделать корпус? Какой толщины стенки корпуса? Как его изготовить? И т. д. Впервые в жизни мы попробовали на вкус, что значит техническое творчество. Расчеты сделаны. Чертежи изготовлены. На душе радостно, как перед первым самостоятельным полётом.

Подошло время защиты. Моя очередь через десять минут. Последний раз пробегаю глазами по чертежам и вдруг замечаю: корпус редуктора при перечерчивании листа уменьшен на десять миллиметров. Ну, думаю, завернут обратно и начинай все сначала. А времени, как у студента, всегда в обрез.

Вышел все же на защиту. Бойко рассказал расчетную и пояснительную части. Преподаватель спрашивает:

- А это у вас, очевидно, описка?-и показывает на ошибку в размере корпуса редуктора.
- Дал промашку. Торопился...

Проект редуктора принят. А для меня опять урок: в науке никогда не следует ничего делать наспех...

Однажды, когда я учился уже на четвертом курсе, приехал ко мне однополчанин Иван Митрохович.

- Поступаем в академию вместе с Анатолием Чемеркиным.

Вспомнил я тогда изобретательную жилку этих двух неразлучных друзей и спрашиваю:

- Ну, а как дела с изобретениями?

- Да вот об этом я и хочу поговорить с тобой. Понимаешь, разработал я тут новый прицел, такой, чтобы и маневру для ухода от зенитного огня не мешал, и чтобы бомбы при этом точно в цель ложились.

- Интересно. Но возможно ли это?

- Возможно и почти все уже сделано. Но только вот рассчитать форму одной ответственной детали надо весьма точно, в этом вся загвоздка. Нужно несколько переделать баллистические таблицы.

- Ну, это не велик труд, сделаем.

Иван Митрохович довел до конца не только это свое изобретение. Он, пока учился в академии, получил несколько авторских свидетельств за весьма важные изобретения. Очень жаль мне было, что он не остался после академии в адъютантуре. Вышел бы из него хороший конструктор. Но его потянуло ближе к жизни, к практическим делам сегодняшнего дня. Возможно, он и прав. Талантливые люди, новаторы по натуре нужны всюду.

... Наконец, дошел черед и до динамики полёта. Из вводной лекции профессора Б. Т. Горощенко мы узнали, что эта наука создавалась многими учеными, однако основы её заложил опять-таки Н. Е. Жуковский. Недаром В. И. Ленин назвал его "отцом русской авиации"!

У Николая Егоровича было много учеников, работавших под его непосредственным руководством в воздухоплавательном кружке при МВТУ. Одним из лучших и наиболее талантливых учеников был Владимир Петрович Ветчинкин. Именно так и сказал Николай Егорович в одном из своих писем: "Я считаю В. П. Ветчинкина моим лучшим учеником".

Владимир Петрович всегда проявлял особый интерес к новым, совершенно неразработанным, но актуальным вопросам. Один из таких новых и весьма сложных вопросов - расчет тяжелого самолёта - В. П. Ветчинкин выбрал в качестве темы своего дипломного проекта и в 1915 году блестяще защитил его. Он был первым русским инженером, получившим диплом по авиационной специальности.

Владимир Петрович считал, что "авиационный инженер должен уметь летать, так же как инженер-путеец управлять паровозом". И он первым среди авиационных инженеров научился управлять самолётом, стал инженером-лётчиком.

И в создании авиационного расчетно-испытательного бюро при МВТУ, и в организации работы "летучей лаборатории", и, наконец, в работах по организации знаменитого ЦАГИ - всюду Владимир Петрович развивает кипучую творческую деятельность. Круг его научных интересов весьма широк: новые методы расчета на прочность авиационных конструкций, проектирование и расчет воздушных винтов и ветровых двигателей, расчеты на устойчивость и на прочность артиллерийских снарядов, экспериментальные исследования в полёте, астрономия и навигация, движение ракет и реактивных самолётов, бомбометание и новые методы приближенных вычислений. Но самое важное место в его исследованиях занимают работы по динамике полёта. Начиная с 1917 года, он провел более тридцати исследований в этой области науки. И не случайно поэтому первое в мире наиболее подробное систематическое изложение всех вопросов динамики полёта в капитальном труде и оформление её в самостоятельную науку принадлежит Владимиру Петровичу Ветчинкину.

Профессор В. В. Голубев о нем писал: "В. П. Ветчинкин был поэт в области науки и техники. Всякая новая техническая идея, особенно если она была неожиданна по своей смелости и открывала необъятные горизонты, увлекала его и целиком захватывала его творческое воображение.

Для Владимира Петровича решение научных вопросов было главным и единственным содержанием его жизни, и эта творческая напряженность его научных исканий была особенно привлекательна для всех, кто имел удовольствие встретиться с ним в жизни. Этот невысокий, необычайно живой и энергичный человек с доброй улыбкой на лице прежде всего поражал взглядом своих ясных голубых глаз: они всегда смотрели куда-то в одному ему видимую даль".

Вот каков он был, профессор В. П. Ветчинкин, лучший ученик Н. Е. Жуковского, блестяще сочетавший глубокую теорию с тонким научным экспериментом, один из основных создателей науки о динамике полёта.

Мне довелось лишь однажды увидеть его из глубины зала - в президиуме на одном из торжественных собраний. К сожалению, я тогда ещё совершенно не представлял, кто этот симпатичный, небольшого роста, белый, как лунь, но весьма подвижный старичок.

Через несколько лет мне пришлось довольно близко познакомиться с его учеником и продолжателем дела развития науки о динамике полёта В. С. Пышновым.

А теперь мы слушаем лекции профессора Бориса Тимофеевича Горощенко. Поначалу эта наука не вызвала у нас особого восхищения. Может, это случилось потому, что лекции профессора Горощенко не были столь увлекательными, как, например, лекции В. В. Голубева. Только позднее, уже при дипломном проектировании более трезво и полно мы оценили курс "Динамика полёта", когда пришлось выполнять аэродинамический расчет самолёта, определять его летные характеристики, рассчитывать боевые маневры.

Военно-воздушная академия готовит авиационных инженеров. Полеты здесь не предусмотрены по учебной программе. А летать ох как хочется! Не у одного меня такое желание. Из бывших лётчиков в академии учатся только на нашем курсе человек десять, и все тоже хотят летать.

При академии тогда имелся учебный полк. Он только так громко назывался, а на самом-то деле это было нечто похожее на полк скорее лишь по названию. Но здесь находились различные типы самолётов; истребители, бомбардировщики, штурмовики. Слушателей-оружейников в соответствии с учебной программой возили на полигон бомбить и стрелять, но они не управляли самолётом. А нам хотелось именно летать.

Во время очередного летнего отпуска группе слушателей-лётчиков удалось как-то проникнуть в этот полк. Командир полка майор Константинов, посвятивший свою жизнь авиации, "седой ветеран неба", не выдержал горячих просьб молодых энтузиастов, выпустил

их в воздух. Но после окончания недельной тренировки в заключение сказал:

- Такая партизанщина не пойдет! Надо узаконить ваши полёты.

На одном из партийных активов академии обращаемся к Главкому ВВС Константину Андреевичу Вершинину. Окружили его в фойе и попросили:

- Товарищ маршал, нельзя ли в академии организовать регулярную летную тренировку? После академии хотим быть на летной работе. А тренироваться негде.

- Правильно, товарищи! Лётчики-инженеры очень нужны. Их всегда не хватает. Могу всех пересчитать по пальцам.

Инициативу нашу маршал поддержал. Вскоре последовало соответствующее распоряжение. Стали мы на законном основании летать: две недели за счет учебного времени, а две недели за счет отпуска. И, таким образом, каждый год оставшегося срока учебы мы проводили летную тренировку.

Летом собиралась лётная братия на подмосковном аэродроме. Жили в фанерных домиках лагеря. Летали каждый день. Восстанавливали свои летные навыки.

Летали не зря. Большинство бывших лётчиков, выпускников нашей академии, стало лётчиками-испытателями: Георгий Баевский, Вадим Кравченко, Сергей Дедух, Степан Микоян и другие. Многие из них и сегодня испытывают в воздухе новейшие образцы авиационной техники.

... У нас в семье появилась маленькая Наташа. Молодая мама ещё как следует не знает, как с ней обращаться, а папа совсем в этом деле профан. Выручает старшая сестра Кати - Сима. От неё мы получаем первую консультацию, когда Катя с дочуркой приезжает из роддома.

Ребенок в семье - большая радость. Но вместе с тем это и большие заботы и трудности. Кате не хотелось отставать от своих подруг по университету, и она продолжала учебу. Очень трудно, конечно, учиться, имея на руках грудного ребенка. В общем, досталось нам обоим. Первую половину дня с Наташей сидела Катя. Сменял её после обеда я, как только возвращался из академии. Катя ехала в университет готовить дипломную работу. Так распределялся у нас день. Но труднее была ночь. Сначала мы дежурили по полночи, но не получилось: не высыпались оба. Очередной эксперимент - дежурить по целой ночи - оказался более успешным. Через день мы отсыпались, это уже легче. Молодой папа научился пеленать. Удивительно: вышла из меня, как говорили, неплохая няня!

Катя и её подруги Ира и Рая блестяще защитили дипломные работы и все трое поступили в аспирантуру. Через три года они уже стали кандидатами физико-математических наук. А я все ещё студент, слушатель академии. Отстаю я от своей жены...

Но вот и у меня настала пора дипломного проектирования. Мне поручили спроектировать самолёт-штурмовик. Задание получено, а что делать дальше, не знаю. Чувствую себя как человек, которого бросили в воду, чтобы научить плавать. .

Читаю книги, готовлюсь. Узнаю, что мой товарищ по фронту Герой Советского Союза Василий Емельяненко закончил диссертационную работу на тему "Требования тактики к самолёту-штурмовику".

Поехал, конечно, к нему за советом, потом послушал защиту диссертации. Попросил официально выслать к нам в академию его диссертационную работу. Извлек все необходимое для начала работы над дипломным проектом.

Задача передо мной моим научным руководителем Сергеем Владимировичем Ильюшиным поставлена довольно сложная. Спроектировать самолёт-штурмовик по своим летным и техническим качествам лучше существующих ИЛов - второго и десятого, то есть на уровне последних достижений науки и техники. Генеральному конструктору, конечно, по плечу решать подобные проблемы: у него колоссальные знания и опыт, лаборатории, специалисты различных профилей. А дипломнику одному каково? Но что поделаешь, такова уж участь каждого студента...

На какое-то время становлюсь сам себе генеральным конструктором, разве что без необходимого опыта и конструкторского бюро... Двигатель на самолёт решаю установить

новый, который проектирует мой однокашник слушатель академии Роман Федякин. Выбрано вооружение. Обоснованы тактико-технические требования. Теперь дело "за самым малым": скомпоновать самолёт, разработать конструкцию основных элементов силовой схемы, вычертить компоновочный чертеж с несколькими сечениями, провести расчеты на прочность, рассчитать летные характеристики. Словом, работы непочатый край.

Каждый день - с восьми утра до восьми вечера, включая выходные,- мы в проектной зале. Просмотрена масса литературы. Обдуманно и отвергнуто множество идей. Почти полгода напряженного труда. Вот это школа! Создается впечатление и не без основания,- что за это время мы выросли примерно на столько же, как и за все предыдущие годы учебы.

И вот уже проект почти готов. В целом самолёт-штурмовик у меня на бумаге получился (по отзыву научного руководителя) неплохой конструкции. Двигатель новый. Для защиты самолёта сзади теперь вместо одного пулемёта - две пушки с широчайшим сектором обстрела - почти во всю заднюю полусферу. Летно-технические данные моего самолёта приближались к данным первоклассного истребителя первых послевоенных лет ЛА-11

Дипломное проектирование - большая школа для будущего инженера, проверка его теоретических знаний. Работая над проектом, ощущаешь радость творчества в поисках и открытиях для самого себя. Это, пожалуй, один из ранних этапов шлифовки будущего самостоятельного работника.

С руководителем дипломного проекта Сергеем Владимировичем Ильюшиным мне приходилось тогда не так уж много раз встречаться. Он был сильно загружен в своем конструкторском бюро и к тому же нередко болел. Но и эти короткие встречи оставили во мне навсегда большое впечатление и удовлетворение.

Сергей Владимирович - человек весьма рационалистичный. Дипломниками он руководил не только для того, чтобы передать свои знания и опыт будущим инженерам, но строил работа таким образом, чтобы привлечь своих подопечных к конкретным, практическим проблемам, над которыми трудился коллектив возглавляемого им конструкторского бюро. В это время Сергей Владимирович проектировал новый самолёт-штурмовик.

Одному дипломнику он дал задание спроектировать штурмовик с поршневым двигателем, другому - с турбореактивным, а третьему - с турбовинтовым двигателем. В эти проекты он вкладывал свою инженерную мысль конструктора, учил нас методологии конструкторского мышления и, очевидно, одновременно получал для заводского проектирования от нас, бывших лётчиков-штурмовиков, кое-какую дополнительную информацию, проверял свои мысли по проектированию нового штурмовика.

Как сейчас помню, появляется в зале для дипломников невысокого роста, подвижный, моложавый на вид генерал. Мы замираем каждый на своем месте в ожидании четких по форме и глубоких по существу формулировок своего руководителя. Соображает он моментально, речь его насыщена меткими образными выражениями, иногда он дает лишь острые реплики на вопросы или ответы своих подопечных. Каждое его слово ловится на лету и откладывается в памяти благодарных и любознательных слушателей.

Вот генеральный конструктор объясняет очередную трудную для нас проблему. Слушаем, раскрыв, как говорится, рты. Вдруг кто-нибудь из дипломников находит для себя противоречие: малая посадочная скорость и максимальная скорость в полёте. Тут же следует вопрос (Сергей Владимирович очень не любил, когда слушатели оставались с невыясненными для себя вопросами). Ученый моментально дает исчерпывающее объяснение и четкую установку:

- Проектируемому самолёту действительно предъявляется много противоречивых требований. Например, малый вес и большая дальность полёта, хорошая устойчивость и управляемость и максимальная простота у надежность оборудования. Задача в том и состоит, чтобы наиболее полно и разумно удовлетворить всем требованиям и при этом обеспечить максимально простую технологию производства самолёта в заводских условиях. Таким образом, мысль направлена в трёх аспектах: лётчик, самолёт, завод.

Слушатель задает другой вопрос. Сергей Владимирович моментально дает ответ. Метким выражением парирует сомнение дипломника. Сразу все встает на свои места...

В стенах академии довелось мне встретиться с ещё одним авиаконструктором мировой известности - Виктором Фёдоровичем Болховитиновым. Им создано много различных конструкций самолётов. В частности, он спроектировал первый в Советском Союзе реактивный самолёт с жидкостно-ракетным двигателем.

Виктор Фёдорович был известен нам ещё до войны, когда мы с Николаем Семериковым учились в техникуме. Но первый раз мне удалось с ним поговорить в театре на чествовании Андрея Николаевича Туполева - академика, одного из выдающихся создателей отечественных самолётов. Это было в пору, когда уже летали наши реактивные самолёты.

- Когда мы будем летать на сверхзвуке?- задал я вопрос Виктору Фёдоровичу после юбилейного заседания.

- По уровню развития двигателей уже давно пора. Тяга двигателя достаточна. Но очень сложны вопросы устойчивости и управляемости самолёта при переходе через скорость звука.

Тут мне неожиданно вспомнилось, что на самолёте его конструкции погиб замечательный лётчик-испытатель Григорий Бахчиванджи. Почему он погиб, мне не было известно, а спросить постеснялся: может, думаю, этот разговор будет неприятен Виктору Фёдоровичу, Но я ошибся: оказывается, тот самолёт не был рассчитан на преодоление скорости звука.

Ближе с Виктором Фёдоровичем познакомился я при работе над дипломным проектом. Он нам читал лекции по проектированию самолёта. Когда мы только начинали дипломные работы, на его кафедре зародилось новое направление в науке конструирования самолётов. Прежде чем браться за создание новой машины, нужно было оценить её боевую эффективность. Но как? По каким критериям? С чем сравнить? Пока ещё не было четкой методологии. Этой проблемой и занялся Виктор Фёдорович со своим коллективом. Подобрал он себе талантливых учеников, и они, как в бою - отважно и смело, ринулись в атаку. За короткий срок проблема была научно разработана во многих аспектах. Защищены докторские и кандидатские диссертации. Сейчас это направление в авиационной науке уже устоялось и получило множество разветвлений в самых различных направлениях.

Виктор Фёдорович Болховитинов был поистине выдающимся ученым, умеющим видеть перспективу развития авиационной техники, автором большого количества научных работ, воспитателем целой плеяды ученых и конструкторов, создателем советской школы теории боевой эффективности самолётов.

Во время дипломного проектирования познакомился я и с сыном генерального конструктора С. В. Ильюшина Володей. Он тоже был слушателем академии и поставил перед собой задачу стать лётчиком-испытателем. Учась в академии, он одновременно начал летать в аэроклубе, много тренировал себя физически. Он, как и его отец, очень целеустремленно шел к намеченной цели и после успешного окончания академии стал инженером-лётчиком. Только благодаря огромному желанию, настойчивости и железному упорству, он преодолел все трудности и преграды, добился направления в школу лётчиков-испытателей и с честью оправдал оказанное ему высокое доверие. Теперь вся страна знает лётчика-испытателя Владимира Ильюшина, удостоенного звания Героя Советского Союза за многочисленные, сложные и весьма опасные испытания опытных образцов авиационной техники.

Напряженные дни дипломного проектирования подходят к концу.

На защиту мы одеваемся в парадную форму. Волнуемся как перед боем... Двадцать минут доклада проходят, словно в тумане. И только под перекрестным огнем вопросов членов Государственной комиссии приходишь в себя: тут уже надо сосредоточиться и думать! Но, как ни странно, все кончается благополучно.

Торжественное вручение дипломов. Выпускной вечер. Откровенный разговор "по душам" со своими любимыми и "не очень" преподавателями. А на сердце как-то немного грустно... Мы так сроднились с академией, так много получили от наших наставников, что

теперь жаль расставаться с этими чудесными людьми. Они крепко потрудились над нами - "сырым материалом", чтобы выковать из нас инженеров. Каждому они отдали частицу своего сердца. Успехов вам в вашем благородном деле, дорогие незабываемые учителя!...

Впереди захватывающая перспектива - работа лётчика-испытателя. Однако это получилось не просто, и об этом следует рассказать немного подробнее.

Занимаясь в академии, мы продолжали летать. Немалую роль в нашей летной тренировке сыграл Юра Носенко, отчаянный энтузиаст авиации. "Летать, летать и никаких гвоздей!" - часто, бывало, говаривал он. Мастер самолётного спорта, заядлый волейболист. Его часто принимали, глядя на значок, за мастера волейбольного спорта. Он действительно, как мастер, блестяще играл в волейбол одинаково что в защите, что в линии нападения.

Тогда у нас уже официально маршалом авиации Вершининым была введена лётная тренировка. Но нам хотелось тренироваться не месяц в году, а побольше и на новых самолётах.

Подходило время войсковой стажировки на инженерных должностях в строевых частях ВВС. На очередной летной тренировке мы размечтались

- Неплохо бы во время стажировки полетать на реактивных...

- Кто ж тебе разрешит?

- Новый человек в части, да за один месяц выпустить самостоятельно на реактивном.

Где это видано!

И в самом деле, это были практически неосуществимые мечты. А Юра Носенко тем не менее уже успел сделать несколько полётов с инструктором на реактивном самолёте. Великой и завидной пробойной силой обладал Юра!

Взялся он и нам организовать такие же полёты. Благодаря его настойчивости слушателям академия - бывшим лётчикам разрешили наконец пройти стажировку на испытательном аэродроме. Это было тем более полезным, ибо многие из нас мечтали стать лётчиками-испытателями.

Коллектив, в который мы прибыли на стажировку, радушно принял нас, будущих инженеров, в свою семью.

- Значит, летать хотите? - спросили нас.

- Конечно, за тем и прибыли!

- Порядок, друзья, у нас строгий. Сначала изучите двигатель, самолёт и все инструкции.

Сдадите зачеты, и тогда приступим к полётам.

С превеликим энтузиазмом "набросились" мы на живой реактивный самолёт, на котором предстояло летать. Теорию изучили ещё в академии и прекрасно знали, как работает реактивный двигатель. Но когда на реальном самолёте впереди вместо привычного винта мы видели "дыру"-устройство для входа воздуха в двигатель, - нам делалось как-то не по себе. "Неужели он все-таки летает? . "

Зачеты сдали. Приступили к полётам. И тут неожиданно со мной произошло ЧП.

Дело в том, что в то время при посадке довольно часто случался так называемый "прогрессирующий козел". Что это означает? Когда самолёт садится, он касается земли и отскакивает, а затем следует каскад возрастающих отскоков. Самолёт становится неуправляем, и, значит, можно разбиться... Самолёт МИГ-15 был исключительно хорошей машиной во всех отношениях. Опытному лётчику не составляло большого труда исправить "козла". Но, наслушавшись всяких рассказов, мы с опаской думали про себя: как будем производить посадку?

Слетали товарищи, наступила и моя очередь. Со мной в качестве инструктора летит опытный лётчик-испытатель. Жду его инструкций относительно полёта, а он вдруг спокойно говорит:

- На ИЛе "козла" исправлял, здесь тоже справишь. А дальше разговариваем обо всем, только не о полёте. С точки зрения преодоления психологического барьера это, очевидно, правильно. Инструктор, между прочим, говорит:

- Первый полёт. Ты слабенько держишься за управление, чтобы почувствовать, как все

я буду делать. Во втором полёте делаешь все сам, кроме посадки. В третьем полёте делаешь все самостоятельно от начала до конца и после посадки заруливаешь на стоянку.

Первый и второй полёты прошли удачно. Все делал самостоятельно, кроме посадки. Наступил третий полёт. В воздухе все было нормально. Идем на посадку. Я отлично "вижу землю"⁵ и чувствую, что уже смогу посадить машину, но снова слабенько держусь за управление, чтобы почувствовать, как это делает мой инструктор. Вдруг замечаю, когда колеса коснулись земли, самолёт на несколько сантиметров отошел от земли. "Это "козел"!" - тревожно думаю про себя и жду действий инструктора, а он не обращает внимания. Самолёт снова толкнулся о землю и отскочил уже на полметра, а инструктор не берет управления, чтобы исправить "козла".

Когда машина ударилась третий раз, тут уж он, чувствую по движению ручки, взялся за управление. Понял я, что до этого самолётом никто не управлял. Но было уже поздно...

Самолёт снова ударился колесами о землю и, как ретивый конь, взмыл вверх под таким большим углом, что мне стало по-настоящему страшно.

А самолёт в эти томительные секунды медленно перевалился через нос и с треском упал. "Ну, думаю, пришел конец моим полётам"...

К счастью, все обошлось более или менее благополучно.

Поломалась передняя стойка шасси. Самолёт, опираясь на стволы пушек, проскрежетал по бетонной полосе и, как вкопанный, остановился. Мы оба живы и невредимы. А самолёт часа через два был снова готов к полёту.

Однако "удовольствие" испытать на себе "прогрессирующего козла" стоило нам дорого. Инструктор получил взыскание за нечеткость инструктажа. А всем нам, слушателям академии, тотчас отменили всякую летную тренировку.

Вот так неудачно окончилась моя первая попытка овладеть реактивным самолётом и первое знакомство с коллективом лётчиков-испытателей.

После этого малоприятного случая я, откровенно говоря, уже не рассчитывал по окончании академии попасть в лётчики-испытатели. Но все обернулось иначе. Окончившим академию с золотой медалью командование предоставило право выбора будущей работы из нескольких вариантов, в числе которых мне было предложено место на испытательном аэродроме. Я, конечно, согласился. Очень хотелось летать. Таким неожиданным путем попал я все же в лётчики-испытатели. Осуществились сразу две мои заветные мечты; получил диплом инженер-механика ВВС и должность лётчика-испытателя.

В семье одержимых

Вадим Кравченко и я прибыли на аэродром, где у нас был "первый блин комом". Нам повезло. Мы снова в семье замечательных лётчиков-испытателей! Нам снова предстоит летать!

Заместитель начальника отдела по летной части Сергей Бровцев, молодой на вид, серьезный и энергичный, принял нас и без лишних слов сказал:

- Знакомьтесь с товарищами и готовьтесь к зачетам, Подготовитесь, доложите. Полеты запланирую через неделю,- и исчез так же внезапно, как и появился.

Примерно годом раньше к нам после окончания нашей академии пришли замечательные товарищи, о которых я уже упоминал: Саша Щербаков, Степан Микоян и Сергей Дедух. С ними познакомился я ещё во время летной тренировки в академии.

"Старожилы" познакомили нас с другими новичками: - Это Миша, самый спокойный по характеру человек в отделе.

Добродушный здоровяк, с открытой обворожительной улыбкой на лице, протянул

---

⁵ "Видеть землю" - это значит правильно определять на глаз расстояние до земли с точностью до 10-20 сантиметров.

огромную лапу.

- Борошенко. Кто из вас играет в шахматы? Миша-опытный испытатель. Он работает уже давно, чуть ли не с самой войны.

- А это кто только что пробежал по коридору?

- С Золотой Звездой?

- Да.

- Жора Береговой. Парень что надо. Между прочим, лётчик-штурмовик. Звезду, как и ты, получил за полёты на ИЛах.

- Интересно... А здесь что он делает?

- Испытателем у Иванова.

- А это кто?

- Василий Гаврилович Иванов-то? Самый опытный среди испытателей. Умнейший человек. Академик он, правда, не кончал, как мы с тобой, но очень грамотный лётчик-испытатель. Ловим на лету каждое его слово, оно, как всегда, по делу. Испытывает сейчас новую микояновскую машину.

- Первый сверхзвуковой самолёт?

- Да!

А несколько дней спустя выходим мы утром из столовой после завтрака, Вадим Кравченко говорит:

- Смотри! Видишь плотного, чернявого человека со строгим лицом?

- Вижу.

- Это и есть Василий Гаврилович Иванов. Смотри, он никак пошёл на штопор на новом самолёте Микояна.

- Жаль, не удастся поглядеть. У нас сейчас занятия с Бровцевым...

Собираемся в летной комнате. Бровцев говорит:

- Начинаем полёты согласно плановой таблице. Услышав рев мотора взлетающего самолёта, подбегает к окну. Мы, конечно, за ним.

- Василий Гаврилович взлетел!-благоговейно и с уважением говорит нам Бровцев. - Вот это техника! Ввести новую машину в штопор, это вам не фунт изюма слопать! Неизвестно, что у новой модели за характер, может ещё не захочет выходить из штопора. Правда, на самолёте, установлены противоштопорные ракеты на всякий случай,- да и не в первый раз Василий Гаврилович идёт на штопор. Много раз видел и каждый раз восхищаюсь! Пойдемте посмотрим.

Хорошая видимость. Самолёт стремительно набирает высоту. Вот он перешел в горизонтальный полёт и уже на глаз видно, как уменьшается скорость.

- Сейчас будет входить в штопор. Наблюдаем, затаив дыхание.

Самолёт кренится, но быстро и послушно выходит в горизонтальный полёт.

- Это только проба, срыв в штопор, но не сам ещё штопор,-говорит Бровцев. -На этом этапе самолёт выводится из штопора легко. Это уже неплохо. Посмотрим, что будет дальше.

Самолёт делает один виток, и снова Иванов выводит машину из штопора. Она послушно выводится, почти без запаздывания.

Самолёт снова набирает высоту.

- Смотрите, сейчас будет более продолжительный штопор,- комментирует Бровцев. - Несколько витков! Самолёт входит в штопор.

- Один, два, три, четыре,- считает вслух витки Бровцев. -Пора выводить!

А самолёт почему-то не хочет выходить из штопора. До земли остается не более трёх тысяч метров. Чувствую, как у меня замирает от волнения сердце. Вдруг раздаётся сухой треск ракеты, и самолёт, неестественно покачнувшись и прекратив вращение, выходит из пикирования.

За время последних секунд, чуть было не окончившихся трагедией, никто из нас не вымолвил ни слова. Всем было и так все ясно.

А самолёт между тем заходил на посадку.

Доклад Иванова мы не слышали. Но потом узнали, что он применил три различных способа, но самолёт из штопора вышел лишь с помощью ракеты.

Теперь конструктор будет устранять дефект. Но это сложное и нелегкое дело: надо сначала установить причину. И в этом полёт и рассказ испытателя Иванова окажется неоценимым в новых поисках конструктора Микояна.

Когда мы поднимались наверх, то увидели Ольгу Николаевну Ямщикову, она встречала самолёт Иванова.

Ольга Николаевна Ямщикова была лётчиком-испытателем и первой в мире женщиной, летавшей на реактивном истребителе! - Ольга Николаевна, расскажите о полёте Иванова. Вы в курсе.

- Какие дела?-говорит она. -Не выходит из штопора, и все тут. Думать надо теперь, почему? Вы академики, вот и помогайте...

- Куда нам! Пока ещё немного осилили... Ольга Николаевна Ямщикова человек трудной и любопытной судьбы. С раннего детства она мечтала попасть в авиацию. Это не всем ребятам удавалось сделать. А тут девушка, да ещё худенькая, тонкая, как былинка... Но никакие преграды не могли остановить настойчивую дивчину. В лётчики её не берут, так она пошла работать на аэродром. Стала на тракторе развозить по самолётам масло. Люди, работавшие в аэродромной службе, с уважением относились к маленькой Оле. А однажды с ней произошел такой случай. Ехала она, как обычно, на тракторе. То ли груза много взяла, то ли дорога была неровной, колесный трактор вдруг остановился, не в силах преодолеть груза. Но мотор не заглох, продолжал работать. Оля не понимает, в чем дело, прибавила газ. Трактор был настолько легок, а груз и колеса его так велики, что он сам стал медленно вращаться, встал на дыбы и лег на спину. Оля едва успела спрыгнуть с сиденья и удивилась: "Полупетлю сделал мой "Фордзон".

- Не удастся полетать на самолёте,- подтрунивали над Олей товарищи,- так решила пилотировать трактор...

Но Ольга Николаевна все же стала лётчиком. Однако ей, неутомимой, хочется быть не просто лётчиком, а ещё и инженером. И её направляют в академию. Командование академии колеблется. Она тогда идёт к начальнику академии, был он тоже лётчиком.

- Хочу учиться и летать!- говорит она.

- Что же, посмотрим, какой вы лётчик... Идемте к самолёту!

А была Ольга в узкой юбочке и туфельках. Что же делать? Так ведь не полетишь на пилотаж. Не растерялась. Сбросила туфли, подпернула юбку, вскочила на крыло и в кабину самолёта. Так вот и полетела!

Когда вернулась, начальник академии говорит:

- Летаете хорошо! Значит, будете учиться. Перед самой войной окончила Ольга Николаевна инженерный факультет академии и была на фронте командиром эскадрильи истребителей. А теперь она работала инженером-испытателем. Одной академии для этого было явно недостаточно, нужна многолетняя напряженная работа, чтобы приобрести необходимые для лётчика-испытателя навыки. С усердием и большим желанием принимаюсь за любимое дело.

Порядок на новой работе мне очень понравился. Летать можно было сколько хочешь, без ограничения. Все полёты, разумеется, планировались заранее. Но учебно-тренировочные полёты мы планировали себе сами. Планировали, конечно, таких полётов много. Летали с увлечением, почти на всех типах самолётов, имевшихся в отделе: от реактивных машин до вертолетов.

Словом, перед нами открывалось широкое поле деятельности. Летай, если хочешь, на чем хочешь и сколько хочешь!

Мне удалось полетать на всех тренировочных и реактивных самолётах. С превеликим удовольствием летал на МИГ-15, никаких "козлов" больше не было. В самостоятельных полётах наиболее ощутимо и зримо прочувствовал, что такое высший пилотаж на реактивном самолёте. Пересест с поршневого самолёта на реактивный было

приблизительно так же, как с телеги, ехавшей по булыжной мостовой, в комфортабельный автомобиль, идущий по ровному и гладкому асфальтовому шоссе.

Мягкий шум, никаких вибраций и огромная скорость. Реактивный самолёт кажется всемогущим, не знающим никаких преград. Лети хоть до Луны, не сбавляя вертикальной скорости. Ощущение такое, будто умная, послушная машина все может, только прикажи...

Среди лётчиков-испытателей, с которыми меня свела новая работа, что ни человек, то яркая, интересная самобытная, по-своему неповторимая, личность. Это, очевидно, объясняется самим характером трудной и опасной работы.

Первым, с кем мне пришлось вместе работать, был Михаил Борошенко. Бывалый лётчик-испытатель, неторопливый, добродушный и очень осторожный, как все испытатели, в полёте: так много риска и опасности выпадает на их долю.

Однажды полетели мы с ним на учебно-тренировочном самолёте. Дал он мне задание лететь по курсу. Я, сидя в закрытой кабине и пилотируя самолёт по приборам, в любое время должен знать, где мы находимся. Для этого по скорости и времени полёта нужно в уме вычислять расстояние, пройденное с заданным курсом. Инструктор даёт новый курс. Я должен записать время, отметить на карте точку поворота и продолжать полёт с новым курсом. Так повторялось несколько раз, наконец Борошенко спрашивает:

- Где мы находимся?

- Рядом с аэродромом.

- А ну-ка, открой шторы, посмотри, где мы. Открываю шторы, вижу, летим на небольшой высоте. Неприятное чувство от такой неожиданности. Но Борошенко меня страхует, все время зорко ведёт наблюдение за полётом. Местонахождение самолёта определить точно не могу. Под нами какое-то поле. Борошенко приказывает:

- Набирай высоту!

Послушно выполняю команду своего инструктора. С высоты точно определяю:

- Находимся в пяти километрах от аэродрома. Борошенко смеется в наушники.

- Я нарочно завел тебя в поле... Пригодится на будущее.

Потом нам, "новичкам", стали поручать мелкие, второстепенные испытания самолётов. Мне досталось испытание радиоаппаратуры - довольно простое задание. Надо выполнить несколько режимов полёта на различных курсах, во время которых аппараты на земле записывают отсчеты и показания приборов.

Летать следовало на высоте шесть тысяч метров. Перед полётом, проверяя оборудование кабины, я открыл кран кислородного баллона, но не проверил, работает ли кислородный прибор. В воздухе почувствовал некоторую нечеткость мысли. Подумал, что немного устал. Задание выполнил, сел, зарулил самолёт на стоянку. Техник проверяет машину, вдруг кричит мне:

- Почему кран кислородного прибора закрыт?!

- Не может быть...

- Имей в виду, можешь потерять в полёте сознание. И тогда...

- Понятно, венюк от месткома...

На этом случае лишний раз убедился я, что в летном испытательском деле нельзя допускать ни малейшей оплошности. Мелочей для лётчика-испытателя не существует: все важное, все главное.

Как-то опять полетел с Мишей Борошенко в тренировочный полёт на реактивной машине. Выполнив задание, уже должен идти на посадку. Вдруг слышу резкий хлопок. Встревоженно спрашиваю:

- Миша, что это?!

- Ничего,-отвечает он спокойно. -Иди на посадку! Сел. И уже на земле обнаружил, что нет фонаря задней кабины, где находился Миша. Фонарь сорвало. Опасность угрожала серьезная. И здесь я по большому счету оценил Мишино спокойствие в воздухе. Даже сказал ему об этом. А он мне:

- Имей в виду: первое качество лётчика-испытателя в воздухе - это спокойствие при

любом ЧП.

Понял я это и крепче осознал происшедшее, когда мы уже были на земле, целые и невредимые.

В отделе, где я теперь работал, был широкий набор всевозможных летательных аппаратов. Нам полагалось испытывать и вертолеты. Начали учиться летать на этих машинах.

Вертолет - весьма сложный летательный аппарат и совершенно необычный для лётчиков, летавших на самолётах. Он сложнее в управлении. У вертолета в сравнении с самолётом весьма заметна неустойчивость и большое запаздывание в реакции на отклонение рулей.

Вот, скажем, инструктор дает указание увеличить скорость вертолета. Дашь ручку управления "от себя", а вертолет никак не реагирует на это движение, дальше жмешь на ручку, вертолет опускает нос. Берешь ручку "на себя", а вертолет продолжает опускать нос. И первая попытка "укрощения" вертолета превращается в раскачивание его с хвоста на нас...

- Попробуем вместе,- говорят инструктор, прекращая дикие колебания машины. Повторяется все снова. Инструктор, умело и привычно успокоив машину, говорит: Попробуй ещё разок сам...

Необычность вертолета состоит ещё и в том, что в отличие от самолёта он может лететь с земли прямо вверх, а в воздухе - вбок и назад.

Постепенно постигаю тайны этой любопытной машины. Очередное упражнение на вертолете - висение над землей на расстоянии от двух до десяти метров. После такого урока обычно вылезает из кабины мокрый, как мышь, хотя и мороз градусов до тридцати. Так велико напряжение в полёте.

- Ну, как?- смеется Миша Борошенко. - Это тебе, брат, не самолёт... Хочется на шутку ответить шуткой, но сдерживаешь себя. Сергей Бровцов и другие страшно не любят, когда в их присутствии подшучивают над вертолетами...

После месяца почти ежедневных полётов начинаешь кое-что смыслить в пилотировании вертолета. После очередного полёта снимаешь шлемофон, а товарищи вдруг замечают:

- Ого, да у тебя волосы на голове уже сухие! Пора, значит, летать самостоятельно.

Здесь я ещё ближе узнал замечательного товарища по академии - худощавого, юношески стройного, его зовут Игорь. Он большой оптимист.

Как-то собираемся лететь "в зону" на сложный пилотаж. Бровцов объяснил задание, а потом говорит Игорю:

- В прошлый раз вы не выдержали время. Будьте добры выдерживать плюс минус одна минута. Ведь предупреждали всех нас неоднократно: лётчик-испытатель должен к себе относиться чрезвычайно строго. Малейшая оплошность может стоить жизни.

- Понял вас,- отвечал пилот,- сделаю для себя выводы.

Этот лётчик хорошо владел пилотажем, летал осторожно и всегда результативно. И это не мешало ему, очень веселому, жизнерадостному по натуре человеку, иной раз пошутить к месту.

На вертолете очень много вибраций и поэтому весьма затруднительно содержать в хорошем состоянии радиооборудование. Радиостанции всегда барахлили. Иногда доходило до курьезов: ничего нельзя было толком разобрать, что тебе говорили с земли.

Перед тем как взлететь, пилот спрашивает;

- Я - Роза. Разрешите взлет.

- Роза, Роза,- неясно сквозь шорохи и свист слышится в ответ. - Взлет разрешаю.

Игорь на досуге очень смешно имитировал работу рации. Вместо обычного ответа на запрос у него получалось одно хриплое клокотанье, бульканье и шипенье. Ребята тогда покатывались от смеха.

Однажды облачным осенним днем полетел Игорь на пилотаж "в зону". Летал он хорошо и много. Этот полёт за облаками и с возвратом на аэродром по радиокompасу не

составлял для него, опытного лётчика, особого труда.

Взлетел он, сделал обычный круг, вышел за облака, выполнил задание и сообщил: "Иду домой". Ждем, вот-вот он должен садиться. Прошло уже время, а Игоря все нет и нет. Прибегает Вадим Кравченко

- Игоря нет!-взволнованно говорит он. -Связь с ним прервалась!..

- Горючее у него давно должно кончиться! Стоим, в волнения смотрим на горизонт. Игорь не появляется. "Значит, с ним что-то случилось. Все исходные данные для поиска имеются. Надо срочно высылать вертолеты".

Послали на поиски вертолет. И вскоре привезли живого и невредимого Игоря. Он потом рассказывал:

- Иду домой. А радиокompас повел меня вместо востока на запад. Пока понял, что иду не туда и взял курс на аэродром по магнитному компасу, прошло минут пять. И бензин на исходе. Ну, думаю, надо садиться. Пробил облачность и сел, не выпуская шасси, на фюзеляж, прямо в поле. Неподалеку колхозное стадо паслось. Прибежал мальчик-пастух, увидел меня, кричит: "Дяденька, живой? Я сейчас за врачом в деревню мигом обегаю!" - "Не надо,-говорю ему. -За мной скоро прилетят наши на вертолете. Эта служба у нас поставлена здорово! Не то что на колхозном ветпункте". Поговорили мы немного с хлопцем, а тут вскоре и наш вертолет подоспел...

Вертолетостроение начинало широко развиваться после войны. Дело это было относительно новым, и поэтому испытания вертолетов изобилуют различными случаями.

... Шли испытания необычного вертолета, который создал конструктор первоклассных истребителей Яковлев. Эта двухвинтовая машина, рассчитанная на большое количество пассажиров и имевшая большую грузоподъемность, была очень нужна для народного хозяйства страны.

Испытания машины проходили в сжатые сроки и довольно трудно.

Испытывали новый вертолет Бровцев и Борошенко. Они обнаружили в конструкции много различных дефектов. На аэродроме работала группа заводских рабочих. Заменяют нужную деталь, и вертолет снова в воздухе на испытаниях.

Эта машина, похожая внешне на вагон электропоезда с маленькими окнами, имела много вибраций, что создавало дополнительные трудности в работе испытателей. Однажды чуть не дошло до трагедии. Вибрация нарушила регулировку системы управления. Вертолет на высоте восьмьсот метров вошел в крен, из которого его никак не могли вывести. Не дало ничего и изменение режима работы двигателя. Вертолет из крена не выходил. И лишь у самой земли опытному испытателю Сергею Броцеву как-то удалось без аварии посадить вертолет.

А вскоре конструкторы вместе с испытателями устранили конструктивные недостатки, и вертолет получил "добро", как часто говорят лётчики.

Возвращается как-то с очередного испытания вертолета МИ-1 мой бывший инструктор со штурманом.

- Еле пришли,-говорит он. -Сильный ветер. Пришлось в нарушение инструкции лететь. А так бы загорали где-нибудь без горючего.

- Как же так?

- А очень просто. Крейсерская скорость, на которой меньше всего расходуется топлива на маршрут, составляет сто пятьдесят километров в час. Встречный ветер был со скоростью сто километров в час. Плелись, плелись мы навстречу ветру "но инструкции", как сытая каракатица. А потом плюнули на инструкцию и дали полный газ. Зато теперь дома... Не то в инструкции написано: рассчитана она на безветрие. А как быть, когда ветер? На какой скорости лететь, чтобы выгодно было и по ветру, и против ветра? Понял, академик?..

"Лишь всего-то три года прошло, как сдавал экзамен по динамике полёта, а уже основательно подзабыл, как учитывать ветер в определении скорости полёта на максимальную дальность",- подумал я и вспомнил Игоря. Когда после академии пришел на испытательный аэродром, он мне сказал:

- Знания, если их не применяют, улечиваются из головы, как эфир из открытой колбы.

В тот же вечер сажусь за книги. Тут же восстанавливаю забытое, соображаю, как можно решить этот вопрос. Но требуется время. Нужно построить несколько кривых, так сказать, пересчитать данные режима полёта на условия ветра.

Посидел несколько вечеров, посчитал. Случайно разговорился с одним инженером. Он, оказывается, испытывал самолёты на дальность полёта.

- Принесу экспериментальный альбом, - говорят он. - Посмотри, может пригодится.

- Давай. Есть некоторые теоретические соображения. Любопытно сопоставить их с экспериментом.

Сопоставил теорию с экспериментом, в результате получилась первая научная статья. Называлась она:

"Учет влияния ветра на режим максимальной дальности" - и была несколько позже опубликована в "Вестнике воздушного флота".

Вновь не дает покоя мечта о научной работе. Мечта, зародившая ещё во времена дружбы с Николаем Семериковым, мечта, укреплявшаяся в спорах и беседах с Катей. Мечта, зревшая под влиянием профессоров академии и окончательно выкристаллизовавшаяся здесь, после практики. И когда передо мной возник вопрос; или остаться лётчиком-испытателем, или быть научным работником, то вдруг почувствовал, что даже при прежнем огромном желании летать я уже не могу отказать себе в творчестве, в научной работе. Инженер все-таки пересилил во мне лётчика-испытателя. И я никогда впоследствии не жалел об этом, познав муки и радости творческого инженерного поиска. А адъюнктура, которую мне предлагали сразу после окончания академии, ещё больше меня убедила в этом.

- Мы - испытатели конкретной новой авиатехники, - сказала мне Ольга Николаевна Ямщикова. - А у вас, конечно, впереди более интересная работа и жизнь для науки. А потом нас лимитируют здоровье и возраст. А в науке этого предела практически не существует совершенно...

Посоветовался дома с Катей. Она к тому времени уже стала преподавателем в МГУ. И поехал "на разведку" в академию.

Встретил там случайно Болотникова, бывшего лётчика, доктора технических наук, автора известной книги "Динамика полёта".

- Ты чего здесь?!

- Хочу поступать в адъюнктуру...

- И ты тоже "отравлен наукой?"

В академии выяснил, что в принципе поступить в адъюнктуру можно, но надо сдавать конкурсные экзамены. Это последнее обстоятельство окончательно утвердило меня в принятом решении. Если за год работы испытателем основательно подзабыл теорию, то что же будет после нескольких лет?..

Получил разрешение на сдачу экзаменов. На кафедре динамики полёта было три кандидата на одно место адъюнкта. Дмитрий Егорович Жуков и Борис Алексеевич Алексеев были для меня серьезными конкурентами. Оба в этом же году окончили академию, поступали в адъюнктуру со свежими знаниями. Вместе мы готовились и вместе сдавали экзамен. Все трое получили высшие оценки и по рекомендации Бориса Тимофеевича Горощенко были приняты в адъюнктуру.

Адъюнктура

На кафедре динамики полёта было три профессора: Б. Т. Горощенко, Я. М. Курицкес и В. С. Пышнов.

Кто из них будет моим научным руководителем? Выбор от адъюнкта не зависел: кому тебя дадут или кто тебя возьмет.

Моим научным руководителем стал Владимир Сергеевич Пышнов, крупный ученый,

основатель кафедры динамики полёта.

Владимир Сергеевич окончил академию в первом выпуске и сразу же был назначен на должность преподавателя. Он создал оригинальный курс динамики полёта, а затем и возглавил новую кафедру по этой специальности.

За многие годы преподавательской работы Владимир Сергеевич написал ряд учебников по динамике полёта, в том числе и таких, по которым мы ещё в юности учились в аэроклубе.

Ещё в 20-х годах Владимир Сергеевич стал известен в авиационном мире как первый человек, серьезно исследовавший штопор. А для нас, курсантов аэроклуба 1938 года, В. С. Пышнов - автор основного учебника "Теория полёта" был где-то на недосягаемой высоте.

Владимир Сергеевич не защищал докторской диссертации. Ученая степень доктора технических наук была присуждена ему без защиты диссертации: за капитальные труды в области динамики полёта, за то, что он уже давно стал признанным авторитетом в авиационной науке не только в нашей стране, но и за рубежом. Генеральные конструкторы В. С. Ильюшин, А. С. Яковлев, П. О. Сухой и другие всегда внимательно прислушивались к советам выдающегося ученого. Мнение профессора В. С. Пышнова учитывало и командование ВВС, принимая решения о строительстве новых самолётов.

Разве мог я когда-либо мечтать о том, что стану учеником профессора Пышнова?! Владимир Сергеевич в то время работал в управлении ВВС и был занят решением весьма серьезных проблем. Однако связей со своим детищем - кафедрой динамики полёта он не терял, всегда был в центре её научной жизни, успевал и прочесть курс лекций, и руководить адъюнктами.

Обычно в адъюнктуру приходили уже с темой научной работы. А у меня её ещё не было. Обращаюсь к профессору Пышнову:

- Владимир Сергеевич, не подскажете ли, чем мне заняться?

Он задумался, потом говорит:

- Проблемой оптимальных режимов полёта сверхзвуковых самолётов. Перспективная и весьма полезная тема. Однако это ещё совсем не разработанная область. Придется серьезно потрудиться.

Такая перспектива меня заинтересовала. Но справлюсь ли я?

Сверхзвуковых самолётов тогда ещё не было. Проблема интересовала многих, но заниматься ею вплотную стали лишь лет через пять. Сотни людей, десятки институтов. А тогда было только начало. Владимир Сергеевич смотрел далеко вперед.

Проштудировал я все задачи в учебниках. Посмотрел напечатанное в научных журналах. Перевели мне товарищи с итальянского языка две небольшие статьи. Литературы - почти никакой. А научный уровень того немногочисленного, что появлялось в печати, был довольно низок.

Надеяться приходилось на Владимира Сергеевича и на самого себя. Стал я прежде всего изучать основательно математику.

- Если хотите понять, что такое вариационное исчисление, то вот проштудируйте книгу Эйлера, создателя этой отрасли математической науки, - советует профессор Пышнов. - По первоисточнику всегда лучше, а в других изданиях уже компилятивные переписки...

Работаю по восемь-десять часов в сутки, без выходных. Так увлекла меня новая тема. Один раз в месяц встречаюсь с профессором Пышновым. Разговор час-два, а мне зарядка и дел на месяц.

По истечении месяца встречаемся снова. Рассказываю Владимиру Сергеевичу, что и как сделал за это время. Мое краткое сообщение подходит к концу. Жду от него дальнейших указаний. А он молчит. Думает. Пять, десять, пятнадцать минут. Человек он на вид мягкий и немногословный, больше думает, чем говорит. Зная эту его особенность, терпеливо жду.

- Мы отыскиваем экстремум. А вы подумайте, пожалуйста, вот над чем: возможно этот экстремум и не нужен вовсе? Давайте попробуем оценить вот так...

Владимир Сергеевич направляется к доске и начинает быстро писать мелом убористым почерком формулы. Полдоски занято. Он задумчиво глядит на выкладки, потом говорит:

- Вот, пожалуй, так. Подумайте.

И, попрощавшись, уходит.

Жирными крупными буквами пишу на доске: "Не стирать!" Так все мы, адъюнкты, делали после встречи со своими научными руководителями. Я сажусь и переписываю в тетрадь. Несколько дней потом разбираюсь самостоятельно. Много идей подбросил Владимир Сергеевич, направление задал. Теперь надо сделать математическую обработку.

Каждая такая встреча с профессором Пышновым вносила неоценимый вклад в разрабатываемую адъюнктом тему.

Когда мы, адъюнкты, начали проникать в научный мир, стали посещать заседания ученого совета, слушать защиты диссертаций, то здесь я услышал, как выступает профессор Пышнов в качестве официального оппонента. Он никогда обычно никого не ругал, а начинал свою речь примерно так:

- У меня небольшие замечания,- и добродушно, неторопливо, обстоятельно все разложит по полочкам, но подчас выдаст такие "замечания", что всем становится ясно: диссертационная работа далека от совершенства.

У Владимира Сергеевича была интересная привычка. Приходит к нему человек, приносит свой манускрипт с решением какой-нибудь задачи. Владимир Сергеевич берет лист бумаги и сам решает эту задачу своим, одному ему известным приближенным методом. Вместо пятнадцати принесенных страниц у него нередко получалось всего полторы-две странички. Если его результат решения задачи примерно сходится с выводами пришедшего, то он начинает с ним беседу, если нет, то не утруждает себя бесполезным разговором.

Владимир Сергеевич Пышнов, как все истинные ученые, очень ценил свое и чужое время. Когда я серьезно вник в тему своей диссертации, то понял, что в теории наивыгоднейших режимов полёта сверхзвуковых самолётов много белых пятен, непечатый край работы. Чуть ли не каждый день открывал для себя потрясающие задачи. И с каждой новой встречей проникался все большим уважением к таланту профессора Пышнова, умевшего своевременно увидеть наиболее актуальные проблемы современной авиации. Вот почему он и является для меня самым уважаемым учителем.

В ходе работы над диссертацией у меня появились некоторые теоретические соображения по одному из наивыгоднейших режимов полёта сверхзвуковых самолётов. Доложил профессору Горощенко. Он сказал:

- Заслушаем на кафедре.

На заседании кафедры хорошо приняли мое сообщение. Метод изложенной проблемы новый, актуальность большая. Доклад одобрили и порекомендовали

- Ещё раз проверьте расчеты. Глава диссертации уже готова, потом будет статья.

Я был, конечно, очень доволен. Хотя и маленькое открытие, но уже сделано...

Приехал домой, засел за проверку расчетов. И... о ужас! - при проверке вдруг выясняю, что процент эффективности получается гораздо ниже, чем об этом было доложено на кафедре.

- В расчеты вкралась ошибка,- сообщаю начальнику кафедры. - Существенного мной ничего не сделано.

- Продолжайте думать...

Сижу, обложился книгами, читаю, думаю. Работа над темой диссертации продолжалась на протяжении почти трёх лет и состояла для меня из "открытий" и "закрываний". Наконец теоретически тема была разработана. И тут возникла необходимость в применении вычислительной техники, которую тогда никто ещё толком не знал на кафедре. И я поэтому не имел ни малейшего понятия о вычислительных машинах.

Пришлось серьезно заняться вычислительной техникой. Знакомлюсь с этими машинами, изучаю программирование. Машин на нашей кафедре ещё не было. Что делать?

Выручила жена. Случайно в разговоре она сказала:

- В вычислительном центре МГУ есть машина и работает там Коля Трифонов, кандидат физико-математических наук. Попробуй к нему обратиться.

Выясняю, что первая в то время в МГУ цифровая вычислительная машина "Стрела" не полностью загружена, есть "окна". Получаю на кафедре разрешение и с помощью свободных программистов начинаю решать задачу, поставленную в диссертации.

С первых же шагов ощутил недостаток в своих математических познаниях. Снова сажусь за книги, снова напряженная работа.

Провести все расчеты на этой машине, оказалось, нельзя: быстродействие её было ещё мало. Стало ясно, что поставленная задача не будет доведена до своего логического конца, хотя начало и было положено.

Позже, когда я стал кандидатом наук и когда появились более совершенные вычислительные машины, понял я, что эта задача чрезвычайно трудная и имеет множество решений.

Вторая, поставленная в диссертации задача - о наивыгоднейших маневрах сверхзвуковых самолётов в горизонтальной плоскости - решилась проще, без вычислительной техники. Теоретически эту задачу я довел до конца, и теперь надо было проверить в эксперименте. Обращаюсь к талантливейшему лётчику-испытателю и опытнейшему экспериментатору Василию Гавриловичу Иванову за советом.

- Дело нужное, стоящее,- одобряет он,- только нужно разрешение командования.

Иду на прием к руководству, докладываю, что и как. Мне разрешают провести эксперимент. И вот я снова у лётчиков-испытателей.

Утвердили группу: лётчик-испытатель Степан Микоян, кандидат технических наук Борис Фирсов и я.

Изложил товарищам суть дела. Разработали программу. Начались полёты проверка на разных высотах. Закончились они успешно. Теоретические выводы были подтверждены летным экспериментом.

Серьезно помог мне в работе над диссертацией своими советами доцент Николай Михайлович Лысенко. Знал я его, ещё когда был слушателем академии. Он нас консультировал по динамике полёта. Был он тогда молодым преподавателем, но знания умел передать очень доходчиво. Николай Михайлович добродушный, улыбчивый и соответственно своей фамилии... совсем лысый, всегда умел дать исчерпывающий ответ на вопрос слушателя. Он-ученик профессора Пышнова. Владимир Сергеевич и в последний год моей работы над диссертацией был перегружен Ответственными делами вне академии, и мне часто приходилось советоваться с доцентом Лысенко.

Практическая часть диссертационной работы была сделана, оставалось только описать и соответствующим образом оформить результаты.

Перед защитой, как принято, сделал на кафедре репетиционный доклад. Вообще такие доклады обычно проходят не очень здорово, а у меня совсем неважно вышло. Доклад свой я затянул, больше говорил о том, что не получилось, и почти ничего не сказал о том, что было сделано хорошего при разработке диссертационной темы.

- Если будете так докладывать на защите,- сказал профессор Горощенко,- то могут набросать много "черных шаров"...

Защита прошла успешно. Замечания товарищей учёл, доклад сделал лучше. Мне была присвоена ученая степень кандидата технических наук. А за месяц до этого блестяще защитили диссертации и мои бывшие "конкуренты" - Борис Алексеев и Дмитрий Жуков.

- Думаем предложить тебе должность начальника лаборатории,- говорит Лысенко, лицо его, как всегда, сияет ясной доброй улыбкой.

Николай Михайлович помимо преподавательской работы в течение нескольких лет руководит партийной организацией кафедры. За годы моего пребывания в адъюнктуре мы с ним ближе познакомились. Я был депутатом Моссовета, и мне нередко приходилось выполнять различные партийные поручения по организации помощи некоторым сотрудникам кафедры.

- Лаборатории-то ещё нет...

- Нет, так будет.

На кафедре

С большим желанием и свежими силами принимаюсь за новую работу.

Получаем первую электронную вычислительную машину, Это так называемая аналоговая, моделирующая машина, или короче - электронная модель. Надо прежде всего понять, как она работает, разобраться, что может и чего не в состоянии делать.

С волнением приступаем к решению самых простых задач. Решает! А что, если посложнее? Тоже можно. Но вот те задачи, которые меня интересуют и в которые я уже, что называется, "влез с головой", наша машина, к сожалению, решать не может. Для увеличения её "способностей" получаем дополнительные так называемые "нелинейные" блоки. И все-таки для решения вариационных задач оказывается и этого мало. Нужны цифровые машины, которых в нашей академии пока ещё нет.

Снова выручают друзья. Один из товарищей по учебе в академии специализируется по программированию для цифровых машин. Он говорит, что есть возможность использовать цифровую машину вычислительного центра Академии наук. Едем на разведку. Оказывается, действительно можно. Однако надо изучить программирование. Лучше всего, когда сам исследователь может общаться с машиной, "говорить" с ней на общем языке, обходиться без третьего лица, без посредника-программиста. Постепенно преодолевается и этот рубеж. И вот уже машина успешно решает вариационные задачи о движении ракет. Как ни странно, эти задачи оказались проще, чем самолётные.

А нерешенных проблем выплывает из-за горизонта все больше и больше. Эх, нам бы в академию цифровую машину - вот мы уж развернулись бы тогда... Мы ведем напряженные, подчас весьма мучительные поиски. Математики несколько отстают. Они ещё не дали нам, инженерам, надежного метода решения наших самолётных задач на цифровых машинах. Приходится самим крепко "ломать голову", "изобретать" новые методы без серьезного математического обоснования. Ведь мы все же не математики, а инженеры... Мысль работает всегда, даже во сне, над "проклятыми" вопросами, а "сдвиги" весьма слабые...

На одном из вечеров в университетской компании Кати делюсь (в меру дозволенного, конечно) своими горестями с её друзьями-математиками. Тимур Энеев, один из выдающихся учеников профессора Космодемьянского, советует:

- Эти "проклятые" нелинейные краевые задачи надо попробовать решать вот так... - и с ходу пишет в моей записной книжке серию интегралов.

Он думает, что я так вот сразу все и понял... Легко сказать, надо ведь прежде всего знать, что означает каждый из этих интегралов.

Попытался я потом разобраться в предложенной идее и почему-то пришел к выводу, что не годится она для наших задач. Но через несколько лет убедился, что был неправ...

... Мы невольно оказались на "переднем крае". Зачастили к нам посетители из разных организаций. Мы с удовольствием делимся нашим ещё пока весьма небогатым опытом использования вычислительных машин для решения задач динамики полёта. И вдруг узнаем, что нашими задачами начал заниматься "настоящий" математик Лев Иванович Шатровский. Он собирается на этих задачах защитить докторскую диссертацию. Встречаемся с ним. Вникаем в его хитроумные математические построения. Интересно! Должен быть, наконец, разработан надежный метод решения наших задач!

На одной из встреч с Тимуром Энеевым, захлебываясь, рассказываю ему о методе Шатровского. А он в ответ:

- Чудак, я тебе об этом три года тому назад говорил!. . Интересно бы потолковать с этим Львом!

Встретились они, побеседовали, и выяснилось, что оба одновременно пришли к одному и тому же градиентному методу решения краевых вариационных задач.

... На кафедре все идёт своим чередом. Мы уже начали выпускать кафедральные сборники научных трудов. Стал активно работать семинар по динамике полёта, проводимый

совместно с родственной кафедрой МАИ, возглавляемой известным авиационным деятелем профессором Иваном Васильевичем Остославским. Часто на семинаре разгораются интереснейшие споры о современных проблемах развития авиации, о новых методах решения задач динамики полёта, о необходимости новых математических исследований. А после этого - снова напряженный поиск, снова непрерывная работа мысли, работа всегда и везде, где только не мешают думать, и даже тогда, когда мешают...

4 октября 1957 года сверкнуло, как молния, сообщение о запуске в СССР первого в истории человечества искусственного спутника Земли!

Вечером того же дня мы всей семьей, включая маленькую Иришку, впервые наблюдали с балкона пятого этажа нашего дома звезду, которая двигалась курсом на северо-восток... Никто не верил на следующий день нашим рассказам о том, что мы своими глазами видели первый спутник Земли. Но очень скоро все убедились, что это была правда. Теперь мы уже внимательно прислушивались к ходу космических исследований. Всем стало ясно, что полёт человека в космос не за горами.

И все же событие 12 апреля 1961 года оказалось совершенно внезапным и потрясающим для нашего воображения. Подумать только, человек в Космосе! Наш соотечественник - Юрий Гагарин! Впервые в истории человечества! Нам повезло, мы - свидетели такого удивительно выдающегося события!

На нашей кафедре назревает замена руководства. Секретарь партбюро Лысенко нам сообщает:

- Профессор Горощенко уходит в отставку... Начальником кафедры командование назначает профессора Аркадия Александровича Космодемьянского одного из пионеров космонавтики, блестящего лектора и методиста, страстно увлечённого наукой. Он заведовал кафедрой теоретической механики и одновременно читал курс лекций в МГУ. В свое время Аркадий Александрович после блестящей защиты кандидатской диссертации был самым молодым ученым в Московском университете.

Благодаря своей страстной увлеченности наукой, умению показать её захватывающие перспективы профессор Космодемьянский буквально заражает слушателей энтузиазмом и огромным желанием заняться решением животрепещущих научных проблем. Аркадий Александрович нередко приводит изречения выдающихся людей:

- Иван Бернулли сказал: "Нет ничего более благородного, чем попробовать силу своего анализа на решении практических задач". "В научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии", - сказал Альберт Эйнштейн.

И сам Космодемьянский по натуре поэт (хотя я и не слышал никогда его стихов). Он незаурядный воспитатель ученых. Недаром ряд его талантливых учеников приобрел большую известность, а некоторые уже стали членами-корреспондентами Академии наук СССР.

Теоретическая механика и динамика полёта - науки близкие, но они имеют и существенное различие. Механика - более широкая наука. Динамика полёта - наука более конкретная, прикладная и требует знания множества практических сведений из области авиации. И поэтому даже великолепному математику и механику, профессору, доктору наук не просто овладеть ею в совершенстве: требуется время... Кафедра работает по плану. Новый её начальник оказался хорошим организатором. В коллективе к нему относятся с уважением.

В это время в академии учились космонавты. Потребовалось прочитать им курс лекции по динамике полёта. Пришлось крепко потрудиться Аркадию Александровичу над созданием нового курса лекций, да ещё и учебник к этому курсу написать. Быть учителем космонавтов - это не только почет и уважение, но и прежде всего напряженный, вдохновенный труд!

Аркадий Александрович отличается от многих других начальников, больших и малых, каким-то особым тактом, умением не показывать своего высокого служебного положения, чувством неподдельного, искреннего товарищества и простоты в обращении, постоянным

неиссякаемым оптимизмом и тонким юмором. Недаром именно из его уст мы услышали, не помню уж чье, изречение: "Важность это уловка тела, чтоб скрывать недостатки ума". Чувствовалось, что Аркадий Александрович всей душой презирает эту напускную важность и чопорность некоторых чиновников от науки.

Очень жаль, что слишком быстро пришлось нам расстаться с этим обаятельным человеком: он перешел на другую работу.

Распрощавшись с нами, Аркадий Александрович оставил коллективу кафедры своего рода подарок "на добрую память о совместной работе", и, надо думать, весьма оригинальный. По его инициативе на кафедре начались занятия философского семинара. Программу мы составляем сами, включая в неё наиболее актуальные вопросы марксистско-ленинской философии, тесно связанные с нашей непосредственной деятельностью. По очереди делаем доклады, читаем рефераты. При подготовке к семинару используем научные статьи по философии. Обсуждение рассматриваемых проблем проходит довольно интересно. Нередко возникают горячие споры, которые подчас продолжаются уже в коридоре.

Вначале семинаром руководил и умело направлял его по нужному руслу сам профессор Космодемьянский. А после его ухода пришлось и мне по поручению партийного бюро некоторое время руководить этими занятиями.

Однажды здесь у нас неожиданно возник серьезный разговор о недостатках современных сверхзвуковых самолётов. Не зря, видно, говорят: "У кого что болит..." И в самом деле, до чего же сложны стали самолёты! Они до предела насыщены сложнейшими механизмами, автоматами, радиоэлектронной аппаратурой. Почему они такие сложные? Плохо это или хорошо?

Казалось бы, хорошо: новейшая техника, электроника, автоматика! Но, если посмотреть поглубже, то все это не так уж хорошо. Сложнейшее оборудование оказалось необходимым, как говорится, "не от хорошей жизни". Просто иначе самолёт с турбореактивным двигателем не может летать на сверхзвуковой скорости. А вообще-то было бы куда лучше, если бы можно было обойтись без сложного оборудования: чем проще, тем надежней. И помимо того, современные сверхзвуковые самолёты из-за чрезмерного насыщения сложнейшей аппаратурой страшно дороги. А сколько они съедают горючего! Тонны и десятки тонн за час полёта.

Откуда же взялись эти недостатки? Ведь, казалось бы, техника движется вперед семимильными шагами, а тут-на тебе, что ни дальше, то все сложнее и сложнее. Чем больше скорость полёта, тем больше недостатков у самолёта. Явное противоречие! Тут что-то не то!

Но ведь подобное положение в авиации уже было, и не так уж давно, когда поршневые двигатели стали невероятно сложными и ненадежными. Самолёты с поршневыми двигателями едва добрались до скорости шестьсот километров в час. А дальше - что ни шаг, то все сложнее и сложнее. Противоречие! И тут, как говорят философы, произошел качественный скачок: появились принципиально новые двигатели - турбореактивные. Самолёты начали наращивать скорость уже не десятками, а сотнями километров в час. Они очень быстро подошли к так называемому "звуковому барьеру" и задержались только при взятии этого рубежа. А затем, перешагнув скорость звука, пошли дальше: полторы, две, две с половиной скорости звука. Но вот опять все стало сложным. Опять каждый шаг вперед дается ценой величайших усилий. Ну что ж, это и плохо, и хорошо! Хорошо, потому что близок новый качественный скачок, и мы несомненно будем его свидетелями и очевидцами!

Вот к какому логическому выводу мы пришли в результате горячих споров на одном из занятий философского семинара.

Недели через две после этого семинарского занятия я встретил Олега Александровича Чембровского. Он тоже вдруг заговорил о необходимости создания принципиально новых двигателей, будто был у нас на семинаре и продолжал начатый разговор...

Олег Александрович - горячий патриот нашей Родины и отечественной авиационной науки. Как и многие юноши нашего поколения, Олег хотел стать лётчиком. Однако -

здоровье виновато - не пришлось. На фронте он был артиллеристом. В Сталинграде командовал батареей противотанковых орудий. Участвовал в битве на Курской дуге. Форсировал Днепр. Два раза был тяжело ранен. И несмотря на глубокую веру в великую силу своих безотказных противотанковых пушек, он, как и в юности, оставался горячим патриотом авиации. После фронта он поступил в академию имени П. Е. Жуковского и окончил её раньше меня. Среди многочисленных друзей приобрел Олег Александрович репутацию талантливого изобретателя и неистощимого поставщика новых идей. Теперь он занимался нужными "до зарезу" научными проблемами.

Меня удивляло, что он до сих пор, как говорят у нас, "не остепенился", то есть не защитил диссертации. И вдруг он приезжает в академию защищать свою кандидатскую диссертацию.

- Почему так долго не защищался?

- Много было основной работы. Некогда было сесть и оформить собранный материал...

- А как сейчас?

- Не было бы счастья, да несчастье помогло. Перелом ноги. Пока лежал в госпитале, разработал и записал математическую часть диссертации...

Чембровский успешно защитился. А через некоторое время приезжает опять, но уже с докторской - так много собрал он научного материала в процессе работы.

... Сегодня он без лишних предисловий вдруг начал:

- А знаешь, есть идея одна: создать новый движитель.

И стал мне выкладывать серию формул.

- Погоди, надо записать, без бумажки трудно сообразить...

- Не дает покоя эта идея. Современные самолёты и ракеты весьма далеки от совершенства. Страшно много расходуют топлива. Чтобы "Аполлону" раз слетать на Луну, потребовался стартовый вес в три тысячи тонн, из коих около девяноста процентов - топливо... Пора создавать новый движитель. - Почему только движитель, а не двигатель? - спросил я, удивившись совпадению наших мыслей.

- Как почему? Да это же ясно, как день. Энергией мы располагаем почти в неограниченном количестве - ядерная энергия у нас в руках. Уже давно работают атомные электростанции. Поставить реактор на самолёт или на космический корабль в принципе возможно, да только одного этого далеко недостаточно...

- Почему?

- Опять почему! Да все дело в том, что, кроме энергии, нужен ещё импульс, то есть нужно что-то отбросить назад, чтобы получить силу тяги, направленную вперед. И если мы будем отбрасывать воздух или продукты сгорания ракетного топлива, как и раньше, с черепашьей скоростью не более четырех километров в секунду, то и дальше будем продолжать расходовать массу рабочего тела тысячами тонн. Никакие ракеты не помогут! Нужен принципиально новый движитель, способный что-то отбрасывать со скоростью света. Нечто вроде фотонного двигателя!

- Пожалуй, ты прав,- согласился я, немного поразмыслив. - Действительно, все дело в движителе. Если бы удалось при сохранении экономичности атомного реактора получить тягу, способную поднять летательный аппарат, то сразу все резко упростилось бы! Стало бы не нужным все то огромное количество сложнейшего оборудования, которым насыщен современный сверхзвуковой самолёт. Вот тогда действительно можно было бы полетать по-настоящему!

- Человечество стоит на пороге важнейшего открытия, создания принципиально нового движителя,- продолжал Чембровский. - И ты, конечно, прекрасно понимаешь, что нам далеко не безразлично, кто первый сделает это открытие: мы или наши враги...

- Физиков надо бы привлечь. Может, побыстрее сообразят, как ответить на наши вопросы.

- Конечно, неплохо бы создать нечто вроде ГИРДа^б, да ведь для этого надо сначала что-то продемонстрировать. С голой идеей не высунешься: никто не поверит на слово. Нужны убедительные аргументы...

- Выходит, заколдованный круг: чтобы получить результаты, нужны затраты, а чтобы получить средства, нужны результаты...

- Пока действительно "круг", но мы попробуем все-таки его разомкнуть. Да, кстати, ты, кажется, собираешься в отпуск?

- Да.

- И в Пермь опять поедешь?

- Обязательно. А что?

- Просьба к тебе. Там на выставке прибор один экспонируется. Вот проспект и схема. Штуковина интересная, а как действует неясно. Будешь в Перми, будь добр, узнай.

Разыскал я в Перми автора прибора. Им оказался заводской конструктор, ныне пенсионер, Владимир Николаевич Толчин. Человек незаурядных способностей. Передо мной открылась прелюбопытнейшая картина: множество созданных им приборов, действующих, как показалось на первый взгляд, вопреки законам классической механики.

Так вот сразу весьма трудно сказать, почему они так действуют. Потом уж, когда основательно подумали, ответили на этот каверзный вопрос.

Владимир Николаевич не имеет специального высшего образования, более сорока лет проработал на заводе. Начинал рабочим, а закончил уже конструктором. Много различных механизмов и машин пришлось ему разрабатывать за это время.

- Некоторые из них начинали почему-то работать "не по науке", рассказывает Владимир Николаевич, - я заинтересовался подобными явлениями. Начал экспериментировать, усиливать эти непонятные свойства машин. Разработал приборы, на которых можно было демонстрировать эти новые эффекты, и обратился к ученым-механикам. Те только пожимали плечами: "Так не должно быть!"

Ходил, ходил Владимир Николаевич от одного учёного-механика к другому и все безрезультатно. Тогда и начал он сам разрабатывать теорию, объясняющую загадочные действия этих механизмов. Только мыслил он при этом не математическими формулами и абстрактными терминами современной науки, а по-своему, по-конструкторски, наглядными физическими представлениями. И когда получалось объяснение того или иного явления, сверял свои выводы с тем, что было написано в книгах по механике. И вот тут-то начал он замечать, что не все гладко в этой, казалось бы, весьма стройной и логичной науке.

- Много в механике всяких абстракций. Все они придумывались человеком, конечно, для пользы делу, для того чтобы, например, научиться рассчитывать всевозможные машины и сооружения. Да, к сожалению, не все они хорошо согласуются с реальными явлениями, а иногда становятся настолько формальными, что и концов не найдешь, где тут физика, а где пустая абстракция, не соответствующая никакой физике.

Взять, к примеру, теорию удара. Сотни лет считалось, что все написанное в классической механике по теории удара правильно, потому что логично. Замечали, конечно, некоторые инженеры, что расчет ударных механизмов по классическим формулам не удается. Подправляли эти формулы всевозможными опытными коэффициентами, как могли. Латали, так сказать, прорехи старого кафтана. Но вот нашелся среди них один посмелее - Е. В. Александров - и сказал, что исходные положения классической механики в принципе не годятся для описания ударных явлений, что необходимо учитывать деформацию тел и скорость её распространения. И учёл. В результате получились другие формулы. Появилась возможность значительно усовершенствовать всевозможные ударные инструменты и механизмы, и, в первую очередь, отбойные молотки.

С большим интересом прослушал я целую лекцию Владимира Николаевича. В самом

---

^б ГИРД - группы изучения реактивного движения, созданные в начале 30-х годов.

деле, есть над чем поразмыслить.

Что же касается его приборов, в особенности тех из них, которые Владимир Николаевич называет "инерциоидами", то это весьма интересные механизмы, своего рода транспортные машины с принципиально новыми движителями.

Движителями у них являются не ведущие колеса автомобилей, не винты и реактивные двигатели современных самолётов, а специальные инерционные устройства, иногда довольно простые, в виде двух вращающихся грузиков, а иногда и посложнее.

Итак, снова движители! .

И тут я неожиданно пришел к выводу, что между поисками Чембровского, нашими спорами на семинаре и опытами Толчина существует прямая связь: все бьют в одну точку. И, надо полагать, это не случайное совпадение: ситуация назрела! .

В связи с опытами В. Н. Толчина, мне посчастливилось познакомиться ещё с одним весьма интересным человеком, как оказалось, тоже моим земляком, Павлом Кондратьевичем Ощепковым.

Павел Кондратьевич весьма колоритная личность. Живой, энергичный, словоохотливый, добродушный и очень деловой человек. Занимается он проблемами радиотехники, но имеет широкий интерес ко всему перспективному и новому в науке.

Павлу Кондратьевичу принадлежит идея (ещё до войны) создания установки для радиообнаружения самолётов. Он тогда служил инженером в войсках противовоздушной обороны. Доложил свои соображения маршалу М. Н. Тухачевскому. Тот поддержал его научный поиск. И Павел Кондратьевич взялся за работу с утроенной энергией. Идея стала принимать более четкие и осязаемые формы.

В то время для обнаружения самолётов в облаках и ночью применялись внушительные по виду звукоулавливатели. Но скорости полёта быстро возрастали и обнаружение самолётов становилось поздним. Было совершенно ясно, что в ближайшие годы звукоулавливатели совсем сойдут со сцены, а заменить их пока нечем. Вопрос был весьма актуален.

Новые идеи, едва зародившись, всегда встречают сопротивление,- такова уж диалектика развития. Так и по отношению к идее радиообнаружения появилось много скептиков, даже среди маститых ученых, академиков.

Шутка ли, требуется выделить из бесконечного множества ради шумов очень слабый отраженный сигнал! Нужна весьма совершенная аппаратура. Нужны новые методы импульсной передачи и приема радиосигналов,

- Нет, ничего у вас не выйдет, коллега,- отвечали некоторые маститые ученые молодому инженеру-энтузиасту, иронически думая про себя: "Молодо-зелено. Перемелется - мука будет... "

Нашлись, однако, и сторонники разработки новой идеи.

При активной поддержке и помощи маршала М. Н. Тухачевского создается специальная лаборатория. Во главе её стоит Павел Кондратьевич Ощепков. Начались упорные исследования. И через некоторое время впервые в мире была создана наземная радиоустановка по обнаружению летящих самолётов. В то время ещё не существовало термина "радиолокация", но фактически это был первый в мире радиолокатор.

Друзья и близкие поздравили Павла Кондратьевича Ощепкова с творческим успехом. В Великой Отечественной войне эти установки, уже к тому времени достаточно усовершенствованные, применялись на фронте.

Дальнейшая судьба Павла Кондратьевича была трудной и сложной, но научную работу он не оставлял. В начале 50-х годов с новой силой он продолжает разработку научных идей. Создает на общественных началах институт интроскопии. И широким фронтом ведёт изучение сложной интересной проблемы видения в различных непрозрачных средах.

Институт под его руководством развил бурную научную деятельность, завоевал среди ученых заслуженный авторитет и решением правительства был преобразован в государственное научно-исследовательское учреждение.

Павел Кондратьевич длительное время руководил этим институтом. Тяжелая болезнь

заставила его уйти с административной работы. Но он по-прежнему целиком отдается науке, своей великой мечте. А мыслит он действительно в масштабе крупных идей и категорий, которые кое-кому кажутся легкомысленными и несбыточными. Как, например, проблема энергетической инверсии, то есть концентрации энергии.

Американский физик Таунс (он одновременно с нашими учеными, академиками Прохоровым и Басовым создал лазеры и одновременно с ними был удостоен Нобелевской премии) говорил:

- На ближайшие двадцать лет проблема концентрации энергии является для человечества проблемой номер один.

Что это за проблема?

По второму началу термодинамики теплота в природе может только рассеиваться, и разность температуры может только выравниваться естественным путем. На основе этого закона работают все современные тепловые машины. Когда этот закон был сформулирован, то некоторые ученые утверждали, что неизбежно наступит так называемая "тепловая смерть" Вселенной, когда температура всюду станет одинаковой. Однако ещё Фридрих Энгельс доказал обратное, основываясь на материалистическом положении о вечности материи. Просто ещё, очевидно, человечество не познало всех законов природы. И вот, руководствуясь, известным научным положением, Ф. Энгельса, профессор Ощепков стал вести свой поиск, разрабатывая проблему процессов концентрации энергии и её использования в научных и народнохозяйственных целях.

- Задача эта весьма актуальна, своевременна и созвучна нашей эпохе, говорит Павел Кондратьевич. - Решение её нельзя откладывать на долгие годы.

Если удастся в ближайшее время решить проблему концентрации энергии, то тогда отпадет надобность в дорогих и пока не безвредных для человека атомных установках. Правда, процесс этот сложный, длительный и тернистый, но, по-видимому, вполне реальный.

Велика сила новаторов и изобретателей в наш стремительный век, все дороги которого ведут к коммунизму!

"Двигатели прогресса" - так назвал К. Э. Циолковский эту несокрушимую армию бойцов переднего края, разведчиков будущего. Над ними не властвуют обветшалые догмы и условности, не сковывают их творческих дерзаний. Знания, опыт и интуиция, основанные на опыте всего человечества, его величество Эксперимент и марксистско-ленинская методология служат им верным компасом в лабиринте сложнейших связей природы. Глубокая научная подготовка в сочетании с поиском и дерзаниями новаторов ведут к всеобщему прогрессу.

Наука не может жить без развития, без поиска и эксперимента, без борьбы мнений. А поиск часто не уместается в рамках тебе отведенного...

В мировой науке, как на войне, непрерывно идут затяжные ожесточенные упорные бои. И мы, солдаты отечественной советской науки, должны всегда знать свою роль и место, чтобы выйти из этих боев победителями. Нам совсем не безразлично, находясь, как говорится, на острие бритвы, кто раньше сделает то или иное научное открытие: мы или империалисты.

Друзья-однополчане

Занимаясь преподавательской и научной работой, подготовкой вместе с коллегами по академии кадров специалистов для нашей военной авиации, я часто вспоминаю дни минувшей войны, своих друзей-однополчан, чувствую, как тогда в боевом строю, их локоть и поддержку.

Насколько мне позволяет свободное от работы время, встречаюсь со своими товарищами по оружию, пишу им, отвечаю на письма, выполняю их нечастые просьбы, стремлюсь всячески помочь, если это требуется, в меру своих сил и возможностей. Езжу к некоторым в гости, и некоторые из них навещают меня, бывая проездом в Москве. Словом,

не глохнет наша фронтовая дружба, продолжает крепнуть ваше фронтовое товарищество, продолжают жить традиции 210-го штурмового авиационного полка.

Побывал я на родине Коли Калинина. Правда, не сразу после войны удалось это сделать: учеба, работа. Но все это время меня преследовала мысль: надо обязательно разыскать родных своего спасителя, выполнить свой товарищеский долг. Строка из стихотворения Ольги Берггольц "Никто не забыт и ничто не забыто" - постоянно напоминала мне об этом. Да тут ещё подтолкнули красные следопыты из школы имени Николая Калинина села Волчье-Александровка Белгородской области. Они написали письмо в Министерство обороны СССР, в котором, в частности, осведомлялись - жив ли командир эскадрильи Сивков. Им ответили, что я в академии имени Н. Е. Жуковского. Я пионерам тоже написал письмо и засобирался в дорогу. Вдруг звонок по телефону. Заместитель командира по политчасти одного из соединений Московского военного округа сообщил о том, что в части служит брат Николая Калинина Володя.

На следующий день еду в эту часть. Провел по просьбе командования беседу с солдатами. Они интересовались событиями минувшей войны.

Встреча прошла интересно, вновь и вновь напомнила о фронте и подвиге Николая Калинина. Увиделись мы тогда с Володией и решили вместе поехать на его родину. Володя - отличник боевой и политической подготовки. Командование части разрешило ему десятидневный отпуск.

Трогательное свидание с родными Калининых. Мать, Софья Леонтьевна, уже совсем старушка, рассказала мне о семье и детстве Коли. Большая дружная семья: сестра и четыре брата, из которых Коля был самым старшим. Отец Коли умер. Семья в почете и уважении у местных властей и односельчан. Материально обеспечена.

Встретились мы с пионерами, потом с колхозниками на вечере в клубе и с руководителями района. Побывали на покосе, посмотрели колхозные фермы. Большое, хорошо поставленное хозяйство.

Как преобразилась за прошедшие пятилетки деревня, разрушенная войной! Из руин и пепла поднялись новые дома, новые колхозные постройки. Всюду электричество, машинная техника. Хозяйство стоит на крепких ногах и ведется на научной основе. А в домах колхозников - холодильники, стиральные машины, телевизоры и мотоциклы. И во всем чувствуется достаток. Сердце радуется. Много, очень много сделано нашей партией и тружениками колхозного села для подъема сельского хозяйства после войны.

По-родственному, исключительно тепло встретила нас семья Николая Калинина. Гостеприимно и радушно принимали нас хлебосольные хозяева земли Белгородской. Колин брат Василий после этого тоже приезжал погостить ко мне в Москву.

Ещё до встречи с семьей Николая Калинина я съездил в станицу Голубицкую, что под Темрюком. Стал разыскивать очевидцев гибели Коли. Мне помогали пионеры из школы этой станицы. Но подробности так и не удалось установить.

Станичники показали мне место, где погиб Николай. Оно совпадало с данными полкового дневника. Именно здесь упал самолёт ИЛ. А что стало с лётчиками, никому неизвестно. Назвали мне человека, который жил на берегу моря. Это был участник тяжелого похода одного из соединений в гражданскую войну, описанного Серафимовичем в книге "Железный поток". Но в тот день, когда погиб Коля, человек был в отъезде. Позже он видел обломки самолёта, а о судьбе лётчиков сказать ничего не мог.

- Говорили, будто выпрыгнули они с парашютами,- сообщил он. - А больше другого не слышал...

Так до сих пор остается пока загадкой, что случилось с Колей и его воздушным стрелком Поповым.

Красные следопыты продолжают поиск. Возможно, и удастся установить хоть какие-нибудь подробности. Хочется верить в это.

Постоял я на скорбном месте Колиной гибели, у склона высоты, возле небольшого углубления в земле, поросшего вокруг кустарником. Почтил память боевого друга, вспомнил

путь от Донбасса до Вены. Много погибло однополчан. Большой, очень большой ценой досталась нам нелегкая победа!

После войны разъехались друзья-однополчане по своим родным местам, занимаются мирным трудом. Но не забывают свой полк и фронтовую дружбу. Каждый год, если имеется хоть малейшая возможность, собираемся мы в Москве на традиционную встречу однополчан 9 мая, в День Победы, в 15 часов на Советской площади, напротив Моссовета, у памятника Юрию Долгорукому. А два раза собирались мы в городе Керчи.

Прежде всего шли к памятнику нашим однополчанам в центре города, на улицу Кирова, где в прошлом были ожесточенные многодневные бои с врагом. Сооружен он на средства ветеранов нашей 230-й штурмовой авиационной дивизии, семей погибших однополчан и благодарных жителей города Керчи, по проекту архитектора М. В. Лисицина.

В скорбном молчании стоим некоторое время возле гранита и бетона. Вспоминаем каждый про себя суровые годы минувшей войны, незабвенных наших героев боев за Керчь.

На бетоне высечено золотыми буквами: "Воинам-авиаторам 230-й Кубанской штурмовой авиационной дивизии, павшим в боях за Родину. 1941-1945 гг. Товарищи по оружию".

И стихи:

Ваш грозный строй летит в века,
Сердца волнуя вечным зовом.
Крыло к крылу, к руке - рука
В военном воздухе суровом.

Памятник расположен в сквере перед морем. Деревья, зелень и множество цветов. Пионеры школы имени Желябова шефствуют над памятником. Несут пионерскую вахту в торжественные праздничные дни. А в будни сажают. и поливают цветы, содержат в чистоте и порядке сквер и близлежащую территорию.

На этой улице, как и во всем городе, из развалин выросли многоэтажные красивые дома. Восстановлены промышленные районы Керчи. Город стал краше довоенного. Промышленность успешно справляется с планами пятилетки. Горняки дают железную руду и агломерат. Рыбаки выходят на океанских судах в Атлантику,

Город живет полнокровной размеренной жизнью. Благодарные керчане свято чтят память своих освободителей.

... 8 мая 1971 года. Сегодня вечером по давно уже устоявшейся традиции городская молодежь соберется на торжественно-траурный митинг у памятника погибшим воинам - защитникам города, на вершине горы Митридат. Небо заволокло низкими клочьями туч. Погода вновь и вновь напомнила далекие фронтовые дни. Словно из ведра, льет холодный весенний дождь. Город был украшен по-праздничному. Жители, невзирая на непогоду, вышли на улицы в ожидании факельного шествия молодежи.

- Как бы не испортила погода праздника нашим ребятам,- озабоченно говорит старый рабочий завода имени Войкова.

- Зря беспокоитесь,- возражает ему человек в парадной форме с боевыми орденами и медалями на груди. - Молодежь у нас что надо. Ей нипочем ни дождь, ни ветер. Вовремя соберутся на Митридате...

- Смотрите, смотрите! - кричит мальчик, очевидно, первоклассник, и тянет за руки своих отца и мать. - Уже идут. Вон факелы, глядите!

С трёх сторон города, из трёх городских районов движутся колонны людей с горящими факелами. Мерцающие огни, словно яркие огненные ручейки, озаряют вечерний город, сливаются в море движущегося огня у подножия Митридата.

Гора освещается вспышками, точно во время штурма. По лестнице плывет вверх нескончаемая колонна участников факельного шествия. А особо ретивые, не дождавшись своей очереди, карабкаются по склону к вершине горы. Их факелы мерцают, словно огневые

точки на линии фронта...

Незабываемая картина! Молодцы ребята, будущие стойкие защитники своей Родины. Под стать их дедам и отцам.

Участники факельного шествия уже поднялись на гору, разместились возле памятника. Ещё прибавилось факелов и людей. Тысяч около пяти, пожалуй, собралось здесь юношей и девушек.

Секретарь горкома комсомола открывает торжественно-траурный митинг. Звучат фанфары, словно эхом проносятся в памяти далекие и близкие огневые годы.

Фанфары сменяет траурная мелодия духового оркестра. В минутном молчании молодежь чтит память погибших воинов Великой Отечественной войны, ценой своей жизни отстоявших независимость и свободу Родины, завоевания Великого Октября.

Комсомольский секретарь, рассказав о подвиге народа в минувшую войну и доложив о трудовых буднях городской молодежи, передает слово девушкам и юношам, штурмующим рубежи пятилетки.

А потом слово ветеранам войны, участвовавшим в боях за город Керчь и в освобождении Крыма от немецко-фашистских захватчиков.

Молодежь слушает с предельным вниманием. Лица юношей и девушек, освещенные факельным заревом, становятся по-взрослому суровыми и озабоченными. И, глядя на них, веришь, что эти ребята - сегодняшние школьники и молодые рабочие пойдут дорогой отцов на любые жертвы во имя счастья и процветания Родины, не задумываясь, если потребуется, встанут грудью против её врагов.

Митинг окончен. Звучат фанфары. Гремит оркестр. А когда все смолкает, то в микрофон в наступившей тишине звучат слова торжественной клятвы. Со всех сторон несется эхом:

- Клянёмся!

- Клянёмся!

- Клянёмся!

Налетевший порыв ветра срывает с туч капли дождя. Плотным сомкнутым строем стоят парни и девчата. Пригашены факелы. У вершины памятника ярким пламенем продолжает гореть вечный огонь.

А утром, в День Победы, керчане уже на общегородском митинге. Секретарь горкома партии, бывший фронтовик Аркадий Кузьмич Эмин открывает митинг. Потом выступают участники освобождения Керчи и Крыма. Почти все население города в этот час у памятника Владимиру Ильичу Ленину, в центре города, на приморском бульваре.

Наши однополчане и другие ветераны войны - неперенные участники митинга. Пожилой человек в форме пехотного лейтенанта с орденами и медалями пришел сюда с девочкой и мальчиком, очевидно, с внуками. Он что-то говорит им, показывая на людей, проходящих мимо памятника Ленину в торжественном марше.

После парада жители города, кто пешком, а кто в автобусах, направляются на гору Митридат. Здесь горожане в семейном кругу отмечают День Победы.

Ветер разогнал тучи. Пригревает солнце. Погода, правда, прохладная. Но это не может омрачить торжества праздника. Песни и смех, шумный говор раздаются до глубокого вечера на древней горе Митридат. И город отсюда виден, как с самолёта на бреющем полёте. Только на месте груды бывших развалин сейчас сверкает море огней новых больших домов. И синее мирное звездное небо над мирным многострадальным городом Керчью.

Однополчане тем временем сидят уже за накрытым столом, в столовой гостеприимных хозяев одного из керченских заводов, где мы обычно останавливаемся в свои приезды в Керчь.

Товарищи успели обменяться новостями. Командир полка Заблудовский открывает встречу,

Первый тост за погибших друзей. А после - рассказы однополчан, впервые прибывших на встречу. Краткие отчеты о своей жизни после Победы.

Адъютант третьей эскадрильи Борис Тропкин вспоминает о своих командирах:

"После гибели старшего лейтенанта Николая Дедова командиром нашей эскадрильи был назначен майор Иван Михайлович Рудаков, прибывший из другого полка. По характеру он человек спокойный, уравновешенный и хладнокровный. Был такой случай. Летный состав эскадрильи занимался чисткой личного оружия. Дело происходило в землянке. Майор Рудаков стоял у окна, смотрел на улицу. Вдруг раздался выстрел из пистолета. Пуля пролетела в двух-трёх сантиметрах от головы майора и вошла в косяк окна. Иван Михайлович спокойно обернулся и сказал:

"Сколько раз предупреждал, что с оружием надо обращаться осторожно". И все, но для нас это было большим уроком.

Летал Иван Михайлович, как и все опытные лётчики эскадрильи, много. Вернется, бывало, с боевого задания и не спешит вылезать из кабины. А к самолёту уже подбежали его механик Константа Тарасенко и техник звена Сергей Попов, интересуются, как вела себя материальная часть самолёта.

- Работало все хорошо,- обычно отвечал Иван Михайлович,- но. . коптила левая группа цилиндров и, похоже, затяжен руль высоты,- и ещё сделает до десятка замечаний. Работы задаст на несколько часов всем специалистам эскадрильи.

И ещё была у нашего командира одна особенность в характере. Эскадрилье через военторг выделяли дефицитные товары. Иван Михайлович, прежде чем распределить их, обычно у меня спрашивал:

- Сколько пачек папирос дали?

- Сорок штук.

- Двадцать пачек мне, десять - лётчикам, десять - техникам.

- А шампанского?

- Десять бутылок.

- Шесть - оставляю себе, две - лётчикам, две - техникам.

Сначала обижались ребята на такое "распределение", но потом лишь посмеивались. Иван Михайлович любил раздавать свои запасы товарищам по эскадрилье, как поощрение особо отличившимся в труде и в бою.

Пробыл он у нас недолго. Пошел на повышение в другой полк.

Потом командиром нашей эскадрильи до самого конца войны был старший лейтенант Евгений Петрович Прохоров. Врожденный лётчик, отважный, скромный, всеми уважаемый в полку человек. Он сделал много боевых вылетов. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Евгений Петрович, уволившись из армии после войны, остался верен своей профессии. Летал до последних дней жизни на самолётах гражданской авиации".

Борис разговорился, а обычно друзья коротко докладывают о себе.

И мы, читатель, не нарушая застольной идиллии, встанем в стороне и послушаем, что стало с нашими однополчанами.

Иван Васильевич Сурай, командир эскадрильи. Пенсионер, живет в Ростове-на-Дону.

Зиновий Абрамович Лещинер, комиссар эскадрильи. Работает заместителем начальника отдела комплектации на заводе под Москвой.

Сергей Андреевич Малютенко, техник по вооружению. Окончил академию Военно-воздушных сил. Полковник, продолжает службу в ВВС.

Александр Дмитриевич Иванов, штурман. Работает на заводе в Ленинграде.

Василий Павлович Морозов, лётчик. Руководитель профсоюзной организации одного из заводов Керчи.

Иван Фёдорович Корень, штурман. Работает лаборантом в Минске.

Фёдор Степанович Картовенко, лётчик. Управляющий Приморской краевой конторой Госбанка.

Владимир Алексеевич Демидов, лётчик, Герой Советского Союза. Пенсионер, живет в Киеве.

Николай Савельевич Есауленко, командир эскадрильи, Герой Советского Союза. Свое

призвание нашел в работе строителя на Сахалине.

Иван Михайлович Павлов, лётчик, Герой Советского Союза. Слесарь Уманского машиностроительного завода, делегат XXIII съезда КПСС, почетный гражданин города Умань.

Афанасий Григорьевич Куц, заместитель командира полка по политчасти. Демобилизовался в звании полковника, работает заместителем директора Киевского автопарка.

Валентина Ивановна Максимова, оружейница. Зубной врач в Ростове-на-Дону.

Елизавета Петровна Шашева (по мужу Карнаух), оружейница. Корректор московского издательства "Машиностроение".

Александра Гавриловна Музюкова (по мужу Мидонова), оружейница. Живет под Астраханью, воспитывает ребят.

Иван Михайлович Михайлов, техник. Работает машинистом насосной станции на заводе в Ленинграде.

Яков Алексеевич Огнев, старший техник. Работает на заводе в Воронеже.

Иван Антонович Григорьев, техник по приборам. Окончил инженерную академию, подполковник, продолжает службу в Советской Армии.

Ефим Исаакович Фишилевич, врач полка. Работает врачом в Одессе.

Василий Сергеевич Фролов, лётчик. Работает в гражданской авиации, представляет "Аэрофлот" за рубежом.

Василий Тихонович Харченко, лётчик. Живет в Ворошиловграде, работает в Горлите, пишет в свободное от занятия время стихи.

Георгий Арсентьевич Панов, инженер по электроспецоборудованию. Ответственный работник на одном из подмосковных заводов.

Александр Александрович Павличенко, командир эскадрильи. Директор техникума в Люберцах.

Михаил Яковлевич Золотев, штурман. Работает на заводе в Запорожье.

Иван Иванович Аверьянов, лётчик. Заместитель директора московского музея-панорамы "Бородинская битва".

Василий Иванович Гаврилов, лётчик. Работает в гражданской авиации, в Москве.

Игорь Васильевич Звягинцев, воздушный стрелок. Кандидат биологических наук, работает в Краснодаре.

Татьяна Георгиевна Лагунова (по мужу Крюкова), оружейница. Заведует магазином в Астраханской области.

Иван Андреевич Лупов, техник, парторг эскадрильи. Работает диспетчером на заводе в Николаеве.

Дмитрий Алексеевич Провоторов, начальник штаба полка. Пенсионер, живет и работает в Николаеве.

Анатолий Дмитриевич Чемеркин, лётчик. Окончил академию имени Н. Е. Жуковского. Полковник, продолжает службу в Советской Армии.

Иван Максимович Митрохович, лётчик. Окончил академию имени Н. Е. Жуковского. Полковник, продолжает службу в Советской Армии.

Евгений Николаевич Невструев, техник. Главный конструктор на одном из заводов.

Афанасий Михайлович Руденко, воздушный стрелок. Работает в родном колхозе в селе Стрымовка Кировоградской области.

Георгий Васильевич Скрипкин, техник. Инженер на заводе сельхозмашиностроения в Ростове-на-Дону.

Борис Михайлович Троицкий, лётчик. Работает в Омске.

Борис Иванович Тропкин, адъютант эскадрильи. Окончил академию имени Н. Е. Жуковского, работает на одном из заводов.

Павел Васильевич Хлопин, лётчик. Длительное время работал в гражданской авиации. Пенсионер, живет и работает в Кишиневе.

Иван Прокофьевич Шейко, техник. Инженер по технике безопасности на одном из заводов в Харькове.

Иван Никифорович Афанасенко, инженер по вооружению. Работает машинистом крана в Запорожье.

Александр Григорьевич Бабенко, инженер полка. Пенсионер, живет в Ворошиловграде.

Александр Степанович Бормотов, техник по вооружению, полковой композитор. Проживает в Николаеве, пенсионер.

Николай Николаевич Буравин, лётчик. Работает юристом в Оренбурге.

Владимир Васильевич Иванов, лётчик. На руководящей работе в заполярном городе Оленегорске.

Василий Петрович Завгородний, техник. Работает в Херсонском обкоме партии.

Александр Юльевич Заблудовский, командир полка. Начальник отдела технического контроля на одном из заводов в Днепропетровске.

Леонид Иванович Косов, лётчик. Работает комбайнером в Чигярине, Кировоградской области.

Борис Наумович Корецкий, полковой почтальон. Работает мастером-обувщиком в Кировограде.

Александр Фёдорович Гуржиев, лётчик. Работает фотографом в Ростове-на-Дону.

Сергей Игнатьевич Годованюк, техник. Работает механиком в колхозе села Дьяковцы Винницкой области.

Иосиф Альтерович Цукерман, комсорг полка. Журналист, живет в Киеве.

Анна Пантелеевна Трофимова, оружейница, вышла замуж за техника полка Александра Михайловича Шаронова. Оба работают в школе, в Астраханской области. Она - учительницей, он - директором школы.

Иван Иванович Ясырев, парторг полка. Пенсионер. Живет и работает в Киеве.

Николай Кириллович Мельников, заместитель командира эскадрильи, Герой Советского Союза. Работает механиком на железнодорожной станции Касторная...

... Пока однополчане обмениваются впечатлениями, а Саша Гуржиев щелкает фотоаппаратом, чтобы прибавить друзьям на память к военным фотоснимкам фотодокументы мирного времени, мы с комиссаром Лещинером и Тимой Гуржием выходим перекурить на воздух.

Молодые липы и тополя распустили нежно-зелёные листочки. Клумбы около нового современного из стекла и алюминия здания заводоуправления благоухают яркими цветами. На газонах зеленеет травка. По-весеннему пригревает майское мирное солнце, отдавая своё тепло людям земли перед тем, как уйти за горизонт...

- Вот и довелось опять встретиться,- задумчиво произносит Тима Гуржий. - А скольких друзей потеряли в боях, не дотянули они на своих ИЛх до этого радостного дня...

- Они свято выполнили свой гражданский долг перед Родиной,- говорит комиссар Лещинер. - А какие это были отличные ребята! Что ни парень, то герой, отважный человек. Полк наш воевал достойно, с честью прошёл все дороги войны. Одиннадцать Героев Советского Союза вырастили! Жаль, нет с нами сегодня наших боевых командиров - гвардии подполковника Зуба и майора Кондраткова. Порадовались бы вместе с нами...

Комиссар Лещинер, теперь уже сильно седой (недавно мы отметили его шестидесятилетие), улыбнулся своей характерной улыбкой. Смотрю на него и на Тиму Гуржия, тоже тронутого сединой, вспоминаю минувшие бои, своих дорогих командиров и однополчан, мысленно переносю на городской торжественно-траурный митинг. Вижу факельное шествие молодежи города. Ощущаю всем сердцем и твёрдо верю, что эстафета коммунизма - в надёжных и крепких руках.

Моему поколению антифашистов - участникам Великой Отечественной войны, сейчас уже под пятьдесят-шестьдесят... Пройдена большая часть жизненного пути. И когда невольно оглядываешься назад, то ощущаешь великую гордость за ребят и девчат, беззаветно отдавших свою молодость ради жизни на земле, в который раз восхищаешься

ратным подвигом своего народа, могуществом своей социалистической Родины.

Вспоминаешь ребят с факелами, благодарных, занятых мирным трудом керчан и думаешь: "Значит, не зря прожита огневая молодость, отданы пламень души и сила разума делу, которому все мы беззаветно служили и служим сегодня. Значит, не зря отдали свои молодые жизни наши боевые товарищи и друзья в жестокой борьбе против немецкого фашизма - за счастье и будущее последующих поколений".

Радуешься тому, что теперь на планете всё больше последователей у нашей страны. Восхищаешься новыми успехами борьбы беспокойного племени вечно молодых. Веришь в их конечную победу, в победу дела мира на нашей планете.

Жизнь продолжается, продолжают бои на земле. И моё поколение вместе с поколениями молодых, созидавая светлое будущее коммунистического сегодня, постоянно находится в состоянии боевой готовности номер один.

Г.Ф.Сивков
**ГОТОВНОСТЬ
НОМЕР ОДИН:**

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СИНСТЯ

Ассоциация «Военная книга»

ВОЕННЫЕ **МЕМУАРЫ**

